

АВСТРИЙСКАЯ ШКОЛА

21
выпуск

Jesús HUERTA DE SOTO

LA ESCUELA AUSTRIACA

Mercado y creatividad empresarial

АВСТРИЙСКАЯ ШКОЛА

21
выпуск

Хесус УЭРТА ДЕ СОТО

АВСТРИЙСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ШКОЛА

Рынок и предпринимательское творчество

УДК 330.831.2
ББК 65.02
У98

Перевод с английского *Б. С. Пинскера*
Научный редактор: *А. В. Куряев*

Уэрта де Сото Х.

У98 Австрийская экономическая школа: рынок и предпринимательское творчество / Хесус Уэрта де Сото ; пер. с англ. Б. С. Пинскера под ред. А. В. Куряева. — Челябинск: Социум, 2009. — viii + 202 с. (Серия «Австрийская школа» Вып. 21)

ISBN 978-5-91603-010-5

В книге представлена краткая история развития идей австрийской школы экономической теории с момента ее зарождения во второй половине XIX в. и до настоящего времени. Автор анализирует вклад основных представителей школы, оказавших определяющее влияние на формирование этого направления экономической мысли: К. Менгера, О. Бем-Баверка, Л. фон Мизеса, Ф. Хайека, а также ключевых фигур недавнего «австрийского» возрождения: И. Кирцнера и М. Ротбарда.

Особое внимание уделено основным отличиям австрийской школы от доминирующего математизированного направления в экономической науке — неоклассической школы в таких областях, как теория капитала; равновесие, рыночный процесс и предпринимательство; теории денег, кредита и экономических циклов.

УДК 330.831.2
ББК 65.02

ISBN 978-5-91603-010-5

© А. В. Куряев, 2009

Содержание

Введение	1
--------------------	---

Глава 1

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ АВСТРИЙСКОЙ ШКОЛЫ 3

1.1. Австрийская теория деятельности против неоклассической теории принятия решений.	7
1.2. Австрийский субъективизм против неоклассического объективизма	8
1.3. Австрийский предприниматель против неоклассического <i>Homo Economicus</i>	9
1.4. Возможность чисто предпринимательской ошибки (австрийская школа) против апостериорного обоснования всех решений (неоклассическая школа)	10
1.5. Субъективная информация (австрийская школа) против объективной информации (неоклассическая школа)	11
1.6. Предпринимательский процесс согласования (австрийская школа) против моделей общего и/или частичного равновесия (неоклассическая школа)	12
1.7. Субъективные издержки (австрийцы) против объективных издержек (неоклассики).	16
1.8. Вербальные формулировки австрийцев против математических формулировок неоклассиков.	17
1.9. Связь между теорией и эмпирическим миром: иная концепция «предсказания»	18
1.10. Заключение.	23

Глава 2

ЗНАНИЯ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО 25

2.1. Определение предпринимательства.	25
2.2. Информация, знание и предпринимательство	27

2.3. Знание не научное, а субъективное и практическое	28
2.4. Эксклюзивное, рассеянное знание	29
2.5. Неявное неартикулируемое знание	30
2.6. Творческая природа предпринимательства	32
2.7. Создание информации	33
2.8. Передача информации	33
2.9. Обучающий эффект: координация и приспособление.	34
2.10. Основной принцип	36
2.11. Конкуренция и предпринимательство.	38
2.12. Заключение: австрийская концепция общества	40

Глава 3

КАРЛ МЕНГЕР И ПРЕДШЕСТВЕННИКИ АВСТРИЙСКОЙ ШКОЛЫ 43

3.1. Введение	43
3.2. Схоласты испанского золотого века как предшественники австрийской школы	44
3.3. Угасание схоластической традиции и отрицательное влияние Адама Смита	52
3.4. Менгер и субъективизм австрийской школы: концепция деятельности как множества субъективных этапов, субъективная теория ценности и закон предельной полезности	56
3.5. Менгер и экономическая теория социальных институтов	61
3.6. <i>Methodenstreit</i> , или Спор о методах	63

Глава 4

БЁМ-БАВЕРК И ТЕОРИЯ КАПИТАЛА 67

4.1. Введение	67
4.2. Человеческая деятельность как последовательность субъективных этапов	68
4.3. Капитал и капитальные блага	70
4.4. Ставка процента	76
4.5. Бём-Баверк против Маршалла	80

4.6. Бём-Баверк против Маркса	81
4.7. Бём-Баверк против Джона Бейтса Кларка и его мифической концепции капитала	83
4.8. Визер и субъективная концепция альтернативных издержек	88
4.9. Триумф модели равновесия и позитивистской теоретической модели	89

Глава 5

ЛЮДВИГ ФОН МИЗЕС И ДИНАМИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ РЫНКА 93

5.1. Введение	93
5.2. Краткий биографический очерк	93
5.3. Теория денег, кредита и экономических циклов	96
5.4. Теорема о невозможности социализма	99
5.5. Теория предпринимательства	105
5.6. Метод экономической науки: теория и история	107
5.7. Заключение	110

Глава 6

Ф. А. ХАЙЕК И СТИХИЙНЫЙ ПОРЯДОК РЫНКА 111

6.1. Биографическое введение	111
6.2. Исследование экономических циклов: межвременное рассогласование	116
6.3. Дискуссии с Кейнсом и чикагской школой	122
6.4. Дискуссия с социалистами и критика социальной инженерии	126
6.5. Право, законодательство и свобода	132

Глава 7

ВОЗРОЖДЕНИЕ АВСТРИЙСКОЙ ШКОЛЫ 139

7.1. Кризис теории равновесия и математической экономики	139
7.2. Ротбард, Кирцнер и возрождение австрийской школы	147

7.3. Текущая исследовательская программа австрийской школы и ее предсказуемый вклад в будущее развитие экономической науки	150
7.4. Ответы на некоторые замечания и критику.	156
7.5. Заключение: сравнительная оценка австрийской парадигмы	161

Приложение

ОТРЫВКИ ИЗ ТЕКСТОВ ПО АВСТРИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ШКОЛЕ 167

Логическая экономика против математической экономики.	167
Конкуренция как процесс открытия	180
Природа удивления и открытия	183

Вместо послесловия

Людвиг фон Мизес

МЕСТО ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ В ОБЩЕСТВЕ 187

Экономическая наука	187
Либерализм	188
Гражданин	189
Свобода	189
Общественное мнение	190

Библиография	193
------------------------	-----

Введение

В этой книге мы дадим достаточно детальный очерк основных идей австрийской школы в экономической теории, а также ее характерных особенностей, в наибольшей степени отличающих ее от течения, столь долго господствующего в экономической науке. Кроме того, мы проанализируем развитие австрийской экономической мысли от истоков до настоящего момента и подчеркнем то, каким образом достижения этой школы могут обогатить будущее развитие экономической науки.

Учитывая, что большинство людей незнакомы с основными принципами австрийской школы, в главе 1 мы объясним базовые принципы динамической австрийской концепции рынка и отметим основные различия между австрийским подходом и неоклассической парадигмой, которую, невзирая на все ее недостатки, до сих пор изучают в большинстве университетов по всему миру. В главе 2 мы ознакомимся с ролью предпринимательства как координирующего фактора, действием которого представители австрийской школы объясняют как возникновение стихийного порядка рынка, так и существование экономических закономерностей (*laws of tendency*), составляющих предмет исследования экономической науки. В главе 3 мы начинаем изучение истории австрийской экономической мысли с официального основателя школы, Карла Менгера, интеллектуальные корни которого уходят к замечательным теоретикам Саламанкской школы периода испанского золотого века. Глава 4 посвящена исключительно фигуре Ойгена Бём-Баверка и анализу его теории капитала, в которой остро нуждаются предлагаемые в университетах курсы экономической теории. В главах 5 и 6 мы обсудим соответственно вклад двух самых значительных австрийских экономистов XX века — Людвиг фон Мизеса и Фридриха Августа фон Хайека. Знакомство с их достижениями имеет принципиальное значение для понимания того, как развивалась австрийская школа экономической теории и что она представляет собой на сегодняшний день. Наконец,

глава 7 посвящена возрождению австрийской школы, которое было подготовлено кризисом господствующего теоретического течения и усилиями большой группы молодых исследователей из ряда европейских и американских университетов. В заключении книги мы рассмотрим исследовательскую программу современной австрийской школы и ее возможный вклад в будущее развитие экономической науки. Мы также ответим на самые распространенные критические возражения против австрийского подхода, большая часть которых объясняется элементарным незнанием или непониманием.

Необходимо подчеркнуть, что мы не располагали возможностью представить здесь полный и детальный обзор всех характерных черт австрийской школы. Поэтому мы решили дать ясное общее представление об основных ее достижениях. Таким образом, данную работу следует рассматривать как краткий предварительный обзор для тех, кто интересуется австрийской школой, а читатели, которые захотят подробнее ознакомиться с какими-то вопросами, могут воспользоваться избранной библиографией в конце книги. Для краткости мы опустили многочисленные ссылки на литературу, которые сделали бы изложение более детальным и доказательным. Нашей главной целью было представить принципы и систему взглядов австрийской школы так, чтобы они могли заинтересовать незнакомого с ней читателя и вооружить его некоторыми знаниями для более глубокого изучения этого подхода, который, можно быть уверенным, покажется ему новым и увлекательным.

Глава 1

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ АВСТРИЙСКОЙ ШКОЛЫ

Одним из главных недостатков учебных программ, предлагаемых кафедрами экономической теории по всему миру, является то, что студенты не получают целостной картины основных теоретических достижений современной австрийской школы экономической теории. В первой главе мы попытаемся восполнить этот существенный пробел, дать обзор фундаментальных отличительных черт австрийской школы и тем самым пролить свет на историческое развитие австрийской мысли, чему посвящены следующие главы. В таблице 1.1 представлен краткий перечень ключевых различий между австрийской школой и господствующей (неоклассической) парадигмой, которую, как правило, преподают в испанских университетах. Это даст возможность одним взглядом охватить основные несовпадения двух подходов, которые затем будут рассмотрены подробнее.

Таблица 1.1
**Основные различия между австрийской
и неоклассической школами**

Сравниваемые характеристики	Австрийская парадигма	Неоклассическая парадигма
1. Концепция экономической теории (основной принцип)	Теория человеческой деятельности, понимаемой как динамический процесс (праксиология)	Теория <i>принятия решения</i> : максимизация с учетом ограничений (узкая концепция рациональности)
2. Методологический подход	Субъективизм	Шаблонный методологический индивидуализм (объективизм)

1	2	3
3. Главное действующее лицо общественных процессов	Творческий <i>предприниматель</i>	Номо <i>Economicus</i>
4. Априорная возможность того, что действующие лица могут ошибиться, и природа предпринимательской прибыли	Действующие лица могут совершать чисто предпринимательские ошибки, которых можно было бы избежать, проявляя большую бдительность при выявлении прибыльных возможностей	Вызывающие сожаление ошибки даже не рассматриваются как таковые, потому что все прошлые решения обоснованы соображениями издержек и выгод. Предпринимательская прибыль рассматривается как рента, приносимая фактором производства
5. Концепция информации	Знание и информация <i>субъективны, рассеяны и постоянно изменяются</i> (творческий вклад предпринимателей). Проводится радикальное различие между научным знанием (объективным) и практическим знанием (субъективным)	Предполагается, что информация о целях и средствах полна, объективна и неизменна (имеет достоверный или вероятностный характер). Практическое (предпринимательское) знание не отграничивается от научного
6. Базисный пункт	Общий процесс, тяготеющий к согласованности. Не проводится различий между микро- и макроэкономикой: любая экономическая проблема изучается в связи с другими	Модель <i>равновесия</i> (общего или частичного). Разграничение между микро- и макроэкономикой
7. Концепция конкуренции	Процесс соперничества между предпринимателями	Состояние или модель «совершенной конкуренции»

1	2	3
8. Концепция издержек	<i>Субъективны</i> (зависят от предпринимательской бдительности и, как следствие, от обнаружения новых, альтернативных целей)	Объективны и неизменны (так что могут быть известны третьей стороне и измерены ею)
9. Форма представления	<i>Словесная</i> (абстрактная и формальная) логика, учитывающая субъективное время и человеческое творчество	<i>Математизированное</i> описание (язык символов, обычно используемый при анализе вневременных и неизменных явлений)
10. Отношения с эмпирическим миром	<i>Априорно-дедуктивные рассуждения:</i> радикальное разделение и одновременная согласование теории (науки) и истории (искусства). История не может служить подтверждением теорий	<i>Эмпирическое</i> подтверждение гипотез (по крайней мере на риторическом уровне)
11. Возможности конкретного предсказания	Невозможно, потому что будущие события зависят от предпринимательского знания, которое еще не создано. Возможны только качественные, теоретические структурные предсказания нарушений согласованности в результате государственного вмешательства в экономику	Предсказание является сознательно преследуемой целью
12. На ком лежит ответственность за предсказания	На предпринимателе	На экономическом аналитике (социальном инженерере)

1	2	3
3. Главное действующее лицо общественных процессов	Творческий <i>предприниматель</i>	Номо Economicus
4. Априорная возможность того, что действующие лица могут ошибиться, и природа предпринимательской прибыли	Действующие лица могут совершать чисто предпринимательские ошибки, которых можно было бы избежать, проявляя большую бдительность при выявлении прибыльных возможностей	Вызывающие сожаление ошибки даже не рассматриваются как таковые, потому что все прошлые решения обоснованы соображениями издержек и выгод. Предпринимательская прибыль рассматривается как рента, приносимая фактором производства
5. Концепция информации	Знание и информация <i>субъективны, рассеяны и постоянно изменяются</i> (творческий вклад предпринимателей). Проводится радикальное различие между научным знанием (объективным) и практическим знанием (субъективным)	Предполагается, что информация о целях и средствах полна, объективна и неизменна (имеет достоверный или вероятностный характер). Практическое (предпринимательское) знание не отграничивается от научного
6. Базисный пункт	Общий процесс, тяготеющий к согласованности. Не проводится различий между микро- и макроэкономикой: любая экономическая проблема изучается в связи с другими	Модель <i>равновесия</i> (общего или частного). Разграничение между микро- и макроэкономикой
7. Концепция конкуренции	Процесс соперничества между предпринимателями	Состояние или модель «совершенной конкуренции»

1	2	3
8. Концепция издержек	<i>Субъективны</i> (зависят от предпринимательской бдительности и, как следствие, от обнаружения новых, альтернативных целей)	Объективны и неизменны (так что могут быть известны третьей стороне и измерены ею)
9. Форма представления	<i>Словесная</i> (абстрактная и формальная) логика, учитывающая субъективное время и человеческое творчество	<i>Математизированное</i> описание (язык символов, обычно используемый при анализе вневременных и неизменных явлений)
10. Отношения с эмпирическим миром	<i>Априорно-дедуктивные рассуждения:</i> радикальное разделение и одновременная согласованность теории (науки) и истории (искусства). История не может служить подтверждением теорий	<i>Эмпирическое</i> подтверждение гипотез (по крайней мере на риторическом уровне)
11. Возможности конкретного предсказания	Невозможно, потому что будущие события зависят от предпринимательского знания, которое еще не создано. Возможны только качественные, теоретические структурные предсказания нарушений согласованности в результате государственного вмешательства в экономику	Предсказание является сознательно преследуемой целью
12. На ком лежит ответственность за предсказания	На предпринимателе	На экономическом аналитике (социальном инженеру)

1	2	3
13. Текущее состояние парадигмы	Поразительное <i>возрождение</i> в последние 25 лет (в том числе в связи с кризисом кейнсианства и крахом реального социализма)	Состояние <i>кризиса</i> и быстрых <i>изменений</i>
14. Величина вложенного «человеческого капитала»	<i>Меньшинство</i> , хотя и растущее	<i>Большинство</i> , хотя есть признаки разложения и распада
15. Тип вложенного «человеческого капитала»	Междисциплинарные теории и философы. Радикальные либертарианцы	Специалисты по государственному вмешательству в экономику (<i>постепенная социальная инженерия</i>). Крайне большой разброс по степени приверженности свободе
16. Новейшие достижения	Критический анализ институционализованного принуждения (социализма и интервенционизма) Теория свободного банковского дела и экономических циклов Эволюционная теория институтов (права, морали) Теория предпринимательства Критический анализ «социальной справедливости»	Теория общественного выбора Экономический анализ семьи Экономический анализ права Неоклассическая макроэкономическая теория Экономическая теория информации Неокейнсианство
17. Порядок влияния представителей	Ротбард, Мизес, Хайек, Киришер	Коуз, Фридмен, Бекер, Самуэльсон, Стиглиц

1.1. Австрийская теория деятельности против неоклассической теории принятия решений

Представители австрийской школы рассматривают экономическую науку как теорию деятельности, а не как теорию принятия решений, и это одна из черт, которыми они сильнее всего отличаются от своих коллег-неоклассиков. Концепция человеческой деятельности намного шире концепции индивидуального решения и включает ее. Принципиально важная для австрийской школы, концепция деятельности включает не только гипотетический процесс принятия решений в контексте «данных» знаний о целях и средствах, но также, и в особенности, «само представление о системе координат, связывающей средства и цели, в рамках которой происходит размещение ресурсов и экономически рациональная деятельность [являющиеся предметом исключительного внимания неоклассиков]» (Kirzner 1973, 33; Кирцнер 2007, 35). Более того, австрийцев интересует не сам факт принятия решения, а то, что оно воплощено в человеческой деятельности, которая представляет собой *процесс* (завершенный или незавершенный), включающий ряд взаимодействий и актов координации (согласования). С точки зрения представителей австрийской школы, именно это является предметом экономических исследований. Таким образом, для австрийцев экономическая наука — это не набор теорий выбора или принятия решений, но *интегрированный* теоретический корпус, описывающий процессы социального взаимодействия, процессы, отличающиеся степенью координации, которая зависит от бдительности, проявляемой действующими субъектами в своей предпринимательской деятельности.

Мишенью особой критики австрийцев стала узкая концепция экономической теории, восходящая к Лайонелу Роббинсу и его широко известному определению предмета этой науки. Как писал Роббинс, «экономическая теория — это наука, изучающая человеческое поведение с точки зрения соотношения между данными целями и редкими средствами, которые могут иметь различное употребление»

(Robbins 1932; см.: Роббинс 1993, 18). Концепция Роббинса молчаливо предполагает фиксированное знание целей и средств и сводит проблему экономики к технической проблеме размещения ресурсов, максимизации или оптимизации в условиях определенных ограничений, которые также предполагаются известными. Иными словами, предложенная Роббинсом концепция экономической теории отражает самую суть неоклассической парадигмы и может считаться абсолютно чужеродной для методологии австрийской школы в ее сегодняшнем понимании. В самом деле, в изображении Роббинса человек предстает автоматом, простой карикатурой на человеческое существо, всего лишь пассивно реагирующим на любые события. В отличие от этого Мизес, Кирцнер и другие авторы австрийской школы придерживаются мнения, согласно которому человек не столько распределяет имеющиеся средства между наличными целями, сколько находится в неустанном поиске новых целей и средств — усваивая опыт прошлого и напрягая воображение для открытия и созидания будущего (посредством деятельности). Поэтому для австрийцев экономическая теория составляет часть намного более широкой и общей науки, общей теории человеческой деятельности (а не человеческих решений или выбора). Согласно Хайеку, если для этой общей науки о человеческой деятельности «название необходимо, то самым подходящим представляется термин “праксиологические” науки, ...широко применяемый четко его определившим Л. фон Мизесом» (Наук 1955, 209; Хайек 2003, 44).

1.2. Австрийский субъективизм против неоклассического объективизма

Другим ключевым вопросом для австрийцев является *субъективизм*. Поскольку для австрийской школы субъективистский подход имеет первостепенное значение, все ее экономические построения основаны на действиях реальных людей, из плоти и крови, которые рассматриваются как творцы и главные действующие лица всех общественных процессов.

Поэтому Мизес утверждает: «Экономическая теория — это не наука о предметах и осязаемых материальных объектах; это наука о людях, их намерениях и действиях. Блага, товары, богатство и все остальные понятия повседнеия не являются элементами природы; они — элементы человеческих намерений и поведения. Тому, кто хочет заняться их изучением, не нужно смотреть на внешний мир; он должен искать их в намерениях действующих людей» (Mises 1996, 89; Мизес 2005, 89). Таким образом, очевидно, что, в отличие от большинства неоклассиков, австрийцы полагают: за экономическими ограничениями стоят не объективные явления или материальные факторы внешнего мира (скажем, величина нефтяных запасов), а знания предпринимателей (открытие карбюратора, способного вдвое увеличить коэффициент полезного действия двигателя внутреннего сгорания, *будет иметь такой же экономический эффект*, что и удвоение разведанных запасов нефти). Вот почему австрийцы рассматривают производство не как нечто внешнее; природное и материальное, а, напротив, как явление интеллектуальное и духовное (Мизес 2005, 134).

1.3. Австрийский предприниматель против неоклассического *Homo Economicus*

В рамках австрийской экономической теории движущей силой является предпринимательство (которому посвящена большая часть следующей главы), — концепция, демонстративно отсутствующая в неоклассической теории. Предпринимательство — это характерная особенность реального мира, вечно пребывающего в состоянии неравновесия, а потому не может играть какой-либо роли в моделях равновесия, занимающих внимание неоклассических авторов. Более того, неоклассические теоретики рассматривают предпринимательство как рядовой фактор производства, размещение которого определяется ожидаемыми выгодами и издержками. Они не осознают того, что при таком подходе к анализу предпринимательства возникает неразрешимое логическое противоречие: спрос на предпринимательские

ресурсы, основанный на ожидаемых издержках и выгодах, предполагает веру в то, что можно сегодня получить некую информацию (о возможной величине будущих издержек и выгод) *еще до того, как эта информация будет создана* предпринимательскими усилиями. Иными словами, главная, как мы увидим, задача предпринимателя заключается в создании и открытии новой информации, прежде не существовавшей, и пока процесс создания не будет завершен, этой информации не существует и она не может быть никому известна, а потому не в силах человеческих заранее принимать неоклассические решения о размещении ресурсов в соответствии с ожидаемыми издержками и выгодами.

Кроме того, сегодня австрийские экономисты почти единодушно считают ошибочным представление, согласно которому источником предпринимательской прибыли является простое принятие риска. Напротив, риск входит в состав издержек производственного процесса и не имеет никакого отношения к чисто предпринимательской прибыли, которая возникает, когда предприниматель открывает неизвестную ему прежде возможность получения прибыли и действует так, чтобы с выгодой ею воспользоваться (Мизес 2005).

1.4. Возможность чисто предпринимательской ошибки (австрийская школа) против апостериорного обоснования всех решений (неоклассическая школа)

Особая роль концепции *ошибки* в австрийской экономической теории по сравнению с неоклассической обычно остается без внимания. Для австрийцев «чистая» предпринимательская ошибка совершается тогда, когда на рынке остаются обнаруженные предпринимателями возможности получить прибыль. Именно существование такого типа ошибки лежит в основе «чистой предпринимательской прибыли», извлекаемой тем, кто ее обнаруживает и устраняет. Для неоклассических авторов, напротив, подлинно предпринимательских ошибок, о которых впоследствии прихо-

дится сожалеть, просто не существует. Причина в том, что неоклассики обосновывают все прошлые решения в терминах гипотетического анализа затрат и результатов, осуществляемого в рамках математической модели максимизации с учетом ограничений. Поэтому в неоклассическом мире нет места для чисто предпринимательской прибыли, а когда ее все-таки упоминают, то подразумевают просто плату за услуги рядовых факторов производства или доход, вознаграждающий за принятие риска.

1.5. Субъективная информация (австрийская школа) против объективной информации (неоклассическая школа)

Предприниматели постоянно порождают новую информацию, которая по природе своей субъективна, рассеяна, имеет практический характер и с трудом поддается артикулированию (Huetta de Soto 1992, 52—67, 104—110). Поэтому субъективное восприятие информации является существенным элементом методологии австрийской школы, отсутствующим в неоклассической теории, где информация трактуется как исключительно объективная. Большинство экономистов не осознают, что, говоря об *информации*, австрийцы и неоклассики имеют в виду принципиально разные вещи. С точки зрения неоклассиков, информация — это нечто объективное, своего рода товар, который продают и покупают на рынке в соответствии с решениями о максимизации. Эта «информация», которую можно хранить на различных носителях, не имеет ничего общего с *субъективной информацией*, о которой пишут австрийцы: с практической и жизненно необходимой информацией, которую действующее лицо субъективно истолковывает, знает и использует в контексте конкретного действия. Экономисты австрийской школы критикуют Стиглица и других авторов неоклассической теории информации за неспособность интегрировать свою теорию информации с предпринимательством, которое и является источником и движущей силой знания. Как мы увидим далее, экономисты австрийской школы

с этой задачей справились. Более того, с точки зрения австрийцев, Стиглиц не сумел понять, что *информация* по сути своей всегда субъективна и рынки, которые он считает «несовершенными», не столько порождают «неэффективность» (в неоклассическом смысле), сколько представляют потенциальные возможности для извлечения предпринимательской прибыли, возможности, которые предприниматели обнаруживают и используют в непрерывном процессе координации предпринимательских усилий на рынке (Thomson 1992).

1.6. Предпринимательский процесс согласования (австрийская школа) против моделей общего и/или частичного равновесия (неоклассическая школа)

В своих моделях равновесия неоклассические экономисты обычно игнорируют силы координации, которые австрийцы связывают с предпринимательством. На деле предпринимательство не только подталкивает к созданию и передаче информации, но, что еще важнее, способствует *координации* несогласованного поведения, встречающегося в обществе. Как мы увидим в следующей главе, вся существующая в обществе несогласованность материализуется как возможность прибыли, остающаяся скрытой до тех пор, пока ее не откроют предприниматели. Как только предприниматель осознаёт эту возможность и использует к своей выгоде, возможность исчезает и запускается *стихийный процесс координации*. Этот процесс объясняет тенденцию к равновесию, свойственную всякой подлинно рыночной экономике. Более того, именно координирующая природа предпринимательства и делает возможной экономическую теорию как науку, понимаемую как теоретический *корпус* законов координации, проливающих свет на общественные процессы.

Этот подход объясняет интерес экономистов австрийской школы к исследованию концепции *динамической* конкуренции (процесса *соперничества*), тогда как неоклассических экономистов занимают исключительно модели равновесия,

характерные для сравнительной *статики* («совершенная» конкуренция, монополия, «несовершенная», или монополистическая, конкуренция). Поэтому, с точки зрения австрийцев, абсурдно строить экономическую науку на модели равновесия, изначально предполагающей, что вся информация, необходимая для получения соответствующих функций спроса и предложения, «дана». Австрийцы, напротив, предпочитают изучать рыночный процесс, ведущий к принципиально недостижимому состоянию равновесия. Обсуждалась даже модель, получившая название общественный *Большой взрыв*, которая при любых исторических условиях допускает неограниченный рост знаний и цивилизации, настолько согласованный и гармоничный (т.е. скоординированный), насколько это в человеческих силах. Вот почему движимый духом предпринимательства процесс координации общественной жизни бесконечен и неисчерпаем. Иными словами, предпринимательская деятельность представляет собой прежде всего создание и передачу новой информации, которая необходимо меняет общее восприятие возможных целей и средств каждым из действующих субъектов в обществе. В свою очередь это изменение ведет к появлению новых бесчисленных рассогласований, представляющих собой новые возможности для предпринимательской прибыли и открывающих предпринимателям простор для открытий и координации. Это динамический бесконечный процесс, обеспечивающий распространение и развитие цивилизации (модель скоординированного общественного *Большого взрыва*) (Huerta de Soto 1992, 78—79).

Таким образом, австрийцы серьезно расходятся с неоклассическими экономистами в вопросе об основной экономической проблеме. Австрийцы изучают динамичный процесс *общественной координации*, в ходе которого индивиды постоянно и предпримчиво порождают новую информацию (в силу чего она никогда не бывает «данной»), поскольку пребывают в поиске целей и средств, представляющихся им существенными в контексте каждого действия, которым они поглощены, и в результате неумышленно запускают стихийный процесс координации. Поэтому для

австрийцев основная экономическая проблема не сводится к технике или технологии, тогда как неоклассические теоретики обычно понимают дело именно так, ибо предполагают, что цели и средства «даны», а потому экономическая проблема сводится к технической проблеме оптимизации. Иными словами, с точки зрения австрийской школы, важнейшая экономическая проблема — это не максимизация известной, объективной функции с известными ограничениями, а проблема, строго экономическая по своей природе: *она возникает при наличии множества конкурирующих между собой целей и средств, когда знание о них не является чем-то даным, а напротив, рассредоточено между бесчисленным числом людей, постоянно создающих его ex novo**, так что в результате никто не в состоянии знать все существующие возможности и альтернативы, а равно и то, в какой степени каждая из них желательна.

Кроме того, необходимо понимать, что даже те действия, которые кажутся направленными исключительно на максимизацию или оптимизацию, неизбежно содержат компонент предпринимательства, так как действующий субъект сначала должен осознать, что в его обстоятельствах наиболее выгоден именно такой образ действий — роботоподобный, механический и реагирующий. Иными словами, *неоклассический подход — это всего лишь относительно неважный частный случай более общей австрийской модели, гораздо более содержательной, имеющей более общий характер и намного лучше объясняющей реальное общество*. Более того, австрийские теоретики, в отличие от неоклассических, не видят смысла в жестком разделении микро- и макроэкономики. Напротив, экономические проблемы следует изучать как взаимосвязанные вопросы, без деления на микро- и макроаспекты. Радикальное деление экономической теории на «микро» и «макро» — один из наиболее типичных примеров неадекватности современных вводных учебников и пособий по политической экономии, которые, в отличие от Мизеса и других экономистов австрийской школы, не предлага-

* Заново (лат.). — Прим. перев.

ют единого истолкования экономических проблем, а неизменно представляют экономическую науку разделенной на две отдельные дисциплины (микро- и макроэкономическую теорию), никак между собой не связанные, а потому могущие изучаться и на деле изучающиеся по отдельности. Как указывает Мизес, это разделение вытекает из использования концепций, игнорирующих (подобно понятию *общего уровня цен*) применение субъективной маржиналистской теории ценности к деньгам и сохраняющих укорененность в донаучном этапе экономической науки, когда теоретики еще пытались вести анализ в терминах обобщенных классов или агрегированных совокупностей, а не в терминах приращений или предельных единиц. В результате появилась злополучная «дисциплина», занимающаяся анализом мнимых механических взаимосвязей между макроэкономическими агрегированными показателями, связь которых с человеческой деятельностью установить очень трудно, если вообще возможно (Мизес 2005).

Как бы то ни было, неоклассические экономисты выбрали в качестве фокальной точки своих исследований модель равновесия. Эта модель предполагает, что вся информация задана (в определенных или вероятностных терминах), а переменные полностью согласованы между собой. С точки зрения австрийцев, главный недостаток неоклассической методологии заключается в том, что предположение о полной согласованности легко может привести к ошибочным выводам о причинно-следственных связях между различными экономическими концепциями и явлениями. В результате, утверждают австрийцы, *равновесие выступает в роли своего рода завесы, мешающей теоретику обнаружить истинное направление причинно-следственных отношений, отраженных в экономических законах*. Неоклассические экономисты видят не столько однонаправленные закономерности, или законы тенденции (*laws of tendency*), сколько взаимные (круговые) функциональные соотношения причин и следствий между различными явлениями, изначальное происхождение которых (человеческая деятельность) остается скрытым или считается несущественным.

1.7. Субъективные издержки (австрийцы) против объективных издержек (неоклассики)

Другим существенным элементом австрийской методологии является чисто субъективная концепция издержек. Многие авторы полагают, что эту идею можно без особых усилий включить в господствующую неоклассическую парадигму. Тем не менее неоклассические теоретики только риторически включают в свои модели субъективную концепцию издержек, но при всех разговорах о важности «альтернативных издержек» всегда представляют их в объективизированном виде. Для австрийцев *издержки — это субъективная ценность тех целей, которыми действующий субъект жертвует, когда делает выбор в пользу определенного образа действий*. Иными словами, объективных издержек не существует, а каждый действующий субъект должен использовать свою предпринимательскую бдительность, чтобы непрерывно выявлять издержки в каждом наборе обстоятельств. В самом деле, человеку случается проходить мимо многих альтернативных возможностей, которые радикально изменили бы его *субъективное представление об издержках*, если бы ему удалось обнаружить их благодаря своим предпринимательским качествам. Поэтому не существует объективных издержек, которые бы определяли ценность целей, а верно прямо противоположное: издержки, являясь субъективными ценностями, отражают субъективную ценность (и определяются ею), которую человек присваивает своим целям (конечным потребительским благам). Поэтому экономисты австрийской школы полагают, что именно цены конечных потребительских благ, будучи рыночным выражением субъективных оценок, определяют издержки, на которые готов пойти человек для производства подобных благ, а не наоборот, как столь часто утверждают неоклассические экономисты в своих моделях.

1.8. Вербальные формулировки австрийцев против математических формулировок неоклассиков

Австрийцы и неоклассики расходятся в вопросе об использовании математических формулировок в экономическом анализе. С самого начала основатель австрийской школы Карл Менгер предусмотрительно отметил преимущество словесного языка, способного передать сущность (*das Wesen*) экономических явлений, на что математический язык неспособен. В 1884 г. Менгер поинтересовался в письме к Вальрасу: «Каким образом с помощью математических методов можно получить знание сущности, например сущности ценности, земельной ренты, предпринимательской прибыли, разделения труда, биметаллизма и пр.?» (Walras 1965, 2:3). Математический язык чрезвычайно удобен для выражения состояний равновесия, изучаемых неоклассическими экономистами, но не позволяет передать субъективность времени и предпринимательского творчества, которые являются существенными чертами аналитических рассуждений австрийской традиции. Пожалуй, лучше всего выразил неадекватность математического подхода к экономической науке Ганс Майер: «В сущности, в сердцевине математических теорий равновесия наличествует неотъемлемая, более или менее замаскированная фикция, заключающаяся в том, что они соединяют в системе уравнений (по определению одновременных) неодновременные величины, действующие в генетико-причинных последовательностях, так, как если бы все они существовали одновременно. “Статический” подход синхронизирует состояние дел, тогда как в реальности мы имеем дело с процессом. Но порождающий процесс невозможно рассматривать “статически”, как состояние покоя, не лишив его именно того, что делает его тем, чем он является» (Maueг 1994, 92).

По указанным выше причинам члены австрийской школы полагают, что многие теории и выводы неоклассиков в области анализа производства и потребления лишены экономического смысла. Примером может служить «закон

равенства взвешенных по цене предельных полезностей», покоящийся на очень шатких теоретических основаниях. По сути дела, он предполагает, что человек способен *одно-временно* оценивать полезность всех имеющихся в его распоряжении благ, и при этом игнорируется тот факт, что каждое его действие представляет собой *последовательный* и творческий процесс и блага оцениваются не одновременно путем уравнивания их предполагаемых предельных полезностей, а одно за другим, в контексте разных этапов и действий, для каждого из которых соответствующая предельная полезность может быть не только иной, но и несопоставимой (Мауер 1994, 81—83). Короче говоря, *австрийцы считают, что использование математики в экономической науке не имеет смысла, так как этот метод синхронизирует величины, разнородные с позиций времени и предпринимательского творчества*. По той же причине австрийцы считают бессмысленными используемые неоклассическими экономистами аксиоматические критерии рациональности. В самом деле, если человек отдает предпочтение *A* перед *B*, а *B* перед *C*, он вполне может отдать предпочтение *C* перед *A*, при этом не переставая быть «рациональным» или последовательным, если он просто изменил мнение (пусть даже всего на сотую долю секунды, когда думал об этом). С точки зрения австрийских экономистов, обычные неоклассические критерии рациональности смешивают идеи постоянства и последовательности (Мизес 2005, 98—100).

1.9. Связь между теорией и эмпирическим миром: иная концепция «предсказания»

Наконец, австрийская парадигма радикально отличается от неоклассической в вопросе о соотношении между теорией и эмпирическим миром и о том, что значит сделать предсказание. Действительно, для австрийцев тот факт, что научный «наблюдатель» не в состоянии получить субъективную информацию, которую децентрализованным образом постоянно открывают и создают «наблюдаемые» действующие субъекты — предприниматели, являющиеся главной дви-

жушей силой социального процесса, служит обоснованием их мнения о теоретической невозможности эмпирической верификации в экономической науке. Австрийцы утверждают, что факторы, делающие социализм теоретически невозможным (они анализируются в главах 5 и 6), — это те самые факторы, которые объясняют, почему в нашей науке неприемлемы *эмпиризм*, анализ издержек и выгод и утилитаризм в его буквальном понимании. Более того, не имеет значения, кто именно тщетно пытается получить жизненно важную практическую информацию — ученый для подтверждения своих теорий или политический лидер для координации с помощью приказов. Будь подобная информация доступна, ее можно было бы в равной мере использовать для обеих целей: как для переустройства общества с помощью принуждения (типичное для социализма и интервенционизма социальная инженерия), так и для эмпирического подтверждения экономических теорий. С позиций австрийской экономической теории социалистический, позитивистский или строго утилитаристский идеалы недостижимы по следующим причинам: *во-первых*, из-за огромных объемов информации; *во-вторых*, из-за природы ключевой информации (разрозненной, субъективной и неявной); *в-третьих*, из-за динамизма предпринимательского процесса (невозможно передать информацию, которую предприниматели еще не создали в процессе постоянного, новаторского созидания); и, *в-четвертых*, из-за воздействия принуждения или научного «наблюдения» (которые искажают процесс предпринимательского порождения информации, препятствуют ему или просто делают его невозможным).

Те же самые аргументы, которые ниже будут проанализированы подробнее в связи с историей дискуссии о невозможности экономического расчета при социализме, могут быть использованы для обоснования идеи австрийцев о том, что в экономике теоретически невозможны *точные предсказания* (т.е. с точным указанием места, времени и имеющие конкретную, эмпирическую природу). Наука не может ничего знать о завтрашних событиях, потому что они зависят главным образом от знаний и информации, которые

предпринимательски еще не порождены, а потому и узнать их еще невозможно. В экономике возможны в лучшем случае общие прогнозы тенденций, которые Хайек называет *структурными предсказаниями* (pattern predictions). Такие предсказания носят исключительно качественный и теоретический характер и могут относиться, самое большее, к возникновению рассогласованности в общественной жизни вследствие институционального принуждения (интервенционизм и социализм) в отношении рынка.

Кроме того, следует помнить, что во внешнем мире нет непосредственно наблюдаемых, объективных событий. В соответствии с субъективистским подходом австрийской школы в экономической науке объекты исследования — это просто *идеи* людей о том, что они делают и к чему стремятся. Такие идеи недоступны для непосредственного наблюдения, а могут быть выведены на основе интерпретации исторических событий. Для истолкования социальной действительности, представляющей собой историю, для начала нужно иметь теорию, а еще необходимо ненаучное суждение о значимости (*Verstehen*, или понимание). Это суждение не является объективным и у разных историков может быть различным, что делает историю подлинным искусством.

Наконец, австрийцы исходят из того, что эмпирические явления подвержены постоянным изменениям, вследствие чего в социальных событиях нет ни констант, ни параметров, а только «переменные», так что традиционная цель эконометрики и любой версии позитивистской методологической программы (от самого наивного верификационизма до наиболее изощренного попперовского фальсификационизма) достижима с большим трудом, если вообще достижима. В отличие от неоклассиков, вдохновляемых позитивистским идеалом, экономисты австрийской школы стремятся развивать свою дисциплину в духе априоризма и дедуктивности. Сюда входит весь арсенал логическо-дедуктивных умозаключений, основанных на самоочевидном знании (аксиомы, подобные самой субъективной концепции человеческой деятельности, основные элементы которых являются плодом либо интроспекции и личного опыта ученого, либо счита-

ются самоочевидными, потому что их невозможно оспорить, не вступая в противоречие с самим собой) (Норре 1995; Caldwell 1994, 117—138). Согласно австрийцам, без этого теоретического арсенала ни попытки дать последовательное и адекватное истолкование массы сложных исторических явлений, образующих социум и на первый взгляд кажущихся бессвязными, ни описание истории прошлого или разработка видов на будущее (миссия предпринимателя) не могут рассчитывать даже на минимальный успех. Отсюда идут та значимость, которую австрийцы в целом придают исторической науке, и их попытки не допустить ее смешения с экономической теорией и установить корректное соотношение между этими дисциплинами (Mises 1957; Мизес 2007).

Для обозначения неоправданного применения методологии естественных наук в области общественных наук Хайек использует термин «сциентизм» (Хайек 2003). В мире природы существуют константы и функциональные связи, допускающие применение математического языка и проведение количественных лабораторных экспериментов. Но в экономической теории — в отличие от физики, инженерного дела и естественных наук — австрийцы не видят функциональных зависимостей (и, следовательно, никаких функций спроса, предложения, издержек или любых других). Напомним, что в математике, согласно теории множеств, функция — это просто взаимно однозначное соответствие между элементами двух множеств, «исходным множеством» и «множеством образов». Учитывая врожденную творческую способность людей постоянно порождать и открывать в каждом предложенном наборе обстоятельств новую информацию относительно целей, к которым стремятся, и средств, которые считают возможным использовать для достижения целей, то становится очевидным, что в экономической науке отсутствуют все три элемента, необходимые для возникновения функциональных зависимостей: а) элементы исходного множества непостоянны и не заданы; б) элементы множества образов непостоянны и не заданы; и самое главное, в) соотношение между элементами двух множеств не задано и к тому же постоянно меняется благодаря деятельности и

творческим способностям людей. Поэтому австрийцы утверждают, что в экономической науке использование функций требует *допущения о неизменности* информации, что полностью устраняет главного героя каждого социального процесса — человека, наделенного врожденной предпринимательской способностью к творчеству. Великая заслуга экономистов австрийской школы состоит в том, что они продемонстрировали, что путем чисто логических рассуждений можно разработать всеобъемлющую экономическую теорию, включающую концепции времени и творчества (*праксиологию*), и обойтись при этом без функций и допущений о постоянстве, которые не сочетаются с творческой природой людей, являющихся единственными подлинными главными героями социальных процессов и объектом экономических исследований.

Даже самым видным неоклассическим экономистам пришлось признать существование важных экономических законов (подобных теории эволюции и естественного отбора), которые не допускают эмпирической верификации (Rosen 1997). Австрийские теоретики особенно подчеркивали, что эмпирические исследования не способны стимулировать развитие экономической теории. В лучшем случае эмпирические исследования способны предоставить исторически обусловленную информацию об определенных результатах реальных социальных процессов, но они не могут дать информации об их формальной структуре, знание о которой и является предметом исследований в области экономической теории. Иными словами, статистические и эмпирические исследования не могут дать теоретического знания. (Вера в обратное, как мы увидим, есть именно та ошибка, которую совершили представители немецкой исторической школы в XIX в., а сегодня повторяют экономисты неоклассической школы.) Кроме того, как показал в своей нобелевской речи Хайск, зачастую агрегированные показатели, которые могут быть измерены с помощью статистических методов, не имеют теоретического значения, и наоборот — многие концепции первостепенной теоретической важности не допускают измерения или эмпирического применения (Hayek 1989).

1.10. Заключение

Главные критические замечания австрийских экономистов в адрес неоклассиков, одновременно проливающие свет на основные отличительные черты австрийского подхода, таковы: *во-первых*, неоклассики сосредоточены исключительно на состояниях равновесия, которые исследуются с помощью моделей максимизации, предполагающих, что требующаяся агентам информация о целевых функциях и их ограничениях «дана»; *во-вторых*, неоклассики зачастую произвольно выбирают переменные и параметры для целевых функций и ограничений, причем они склонны включать наиболее очевидные аспекты, игнорируя другие, хоть и имеющие крайне важное значение, но эмпирически оперировать которыми затруднительно (моральные ценности, привычки и традиции, институты и пр.); *в-третьих*, внимание неоклассиков сосредоточено на моделях равновесия, в которых реальные причинно-следственные связи оказываются скрытыми за математическими формулировками; и, *в-четвертых*, неоклассики поднимают на уровень теоретических выводов простую интерпретацию исторической реальности, которая может быть значимой в определенных частных ситуациях, но не имеет всеобщего теоретического значения, поскольку отражают только знание, обусловленное случайными историческими обстоятельствами.

Вышесказанное не следует понимать в том смысле, что ошибочны все выводы, полученные неоклассиками. Напротив, среди них много обоснованных. Австрийские теоретики просто хотят отметить, что обоснованность неоклассических выводов не может быть гарантирована. Защищаемый австрийцами динамический анализ — это более надежный и плодотворный способ получения обоснованных выводов. Кроме того, одно из преимуществ динамического анализа заключается в том, что позволяет выявить несостоятельные теории (также весьма многочисленные), поскольку вскрывает дефекты и ошибки, в настоящее время маскируемые эмпирическими методами, коренящимися в модели равновесия, на которой основывают свои теории большинство экономистов.

Глава 2

ЗНАНИЯ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО

В этой главе мы обсудим концепцию и характеристики предпринимательства. Эта концепция имеет фундаментальное значение для австрийской школы, являясь смысловым центром ее экономического анализа. Поэтому необходимо проанализировать сущность предпринимательства и экономическую роль знаний, порождаемых предпринимателями, действующими в условиях рынка. Это единственный путь к пониманию координирующей роли динамических рыночных процессов и исторического развития австрийской экономической школы, детальному анализу которой посвящены следующие главы.

2.1. Определение предпринимательства

Согласно австрийцам, предпринимательство — в самом общем смысле — совпадает с *человеческой деятельностью*. Другими словами, в действиях любого человека, направленных на то, чтобы изменить настоящее и достичь своих целей в будущем, содержится элемент предпринимательства. Хотя на первый взгляд это определение может показаться слишком широким и не соответствующим обычному словоупотреблению, давайте вспомним, что оно отлично согласуется с исходным этимологическим значением термина «предприятие» (исп. *empresa*). Как испанское слово *empresa*, так и его французский и английский аналоги *entrepreneur* этимологически происходят от латинского глагола *in prehendo-endi-ensum*, который означает *обнаруживать, видеть, воспринимать, осознавать, схватывать*; а латинский глагол *in prehensa* переводится как *взять, захватить*. Короче говоря, *empresa* — синоним действия. Во Франции термин *entrepreneur* издавна выражал эту идею, фактически со времен Высокого Средневековья, когда так именовали

людей, отвечающих за реализацию важных проектов, как правило связанных с войной, или за возведение огромных кафедральных соборов. Словарь Королевской академии испанского языка предлагает такое значение слова *empresa*: «отважно взятое на себя тяжелое и трудное дело». Слово *empresa* тоже вошло в обиход в Средние века; так называлась эмблема некоторых рыцарских орденов, означавшая, что они дали обет осуществить некое значимое *деяние*. Концепция предприятия как действия необходимо и нераздельно связана с *предприимчивостью*, которая представляет собой постоянную готовность искать, открывать, создавать или выявлять новые цели и средства (и все эти значения соответствуют вышеупомянутому этимологическому значению глагола *inprehendo*).

Предпринимательство, в строгом смысле слова, по существу состоит в открытии и восприятии (*prehendo*) возможностей достижения цели или получения выгоды или прибыли и в осуществлении действий для использования этих возможностей, возникающих в нашем окружении. Кирцнер полагает, что проявление предпринимательства связано с особой *настороженностью*, т.е. постоянной *бдительностью*, позволяющей человеку открывать и схватывать то, что происходит вокруг (Kirzner 1973, 65, 69; Кирцнер 2007, 71, 76). Возможно, Кирцнер использует английский термин *alertness* (бдительность, настороженность), потому что слово *entrepreneurship*, позаимствованное из французского языка, не говорит английскому уху об идее *prehendo*, в отличие от романских стран Европейского континента (на французском *entreprenante* означает «предприимчивый, смелый». — *Перев.*). В любом случае испанское прилагательное *perspicaz* (проницательный, прозорливый) вполне соответствует предпринимательству, поскольку, как сообщает «Словарь» Королевской академии испанского языка, обозначает «проницательность и предусмотрительность». Кроме того, термин *speculator* (спекулянт, мыслитель) этимологически восходит к латинскому слову *specula* — так называли смотровые башни, позволявшие издали видеть все, что приближается.

Эти значения полностью соответствуют тому, что делает предприниматель, когда решает, какие действия нужно предпринять, оценивает их будущий эффект и осуществляет их. Хотя выражение *el estar alerta* (исп. «быть настороженным, бдительным». — *Перев.*) также может служить приемлемым обозначением предпринимательства, поскольку передает идею внимания или настороженности, оно, пожалуй, подходит меньше, чем *perspicaz*, потому что явно предполагает более статичный подход.

2.2. Информация, знание и предпринимательство

Чтобы полностью постичь природу предпринимательства в интерпретации австрийской школы, сначала нужно понять, каким образом предпринимательство модифицирует или изменяет *информацию* или *знания* действующего субъекта. Создание, восприятие или осознание новых целей и средств предполагает модификацию знаний действующего субъекта в том смысле, что он обнаруживает информацию, которой прежде не обладал. Более того, это открытие модифицирует всю карту или контекст информации или знаний, которым обладает действующий субъект. Зададимся следующим фундаментальным вопросом: какие характерные черты информации или знания имеют значение для проявления предпринимательства? Ниже будут подробно рассмотрены шесть основных, с точки зрения австрийцев, характеристик предпринимательского знания: 1) это знание не научное, а *субъективное* и практическое; 2) это знание *эксклюзивное*; 3) оно *рассеяно* среди всех людей; 4) это знание, преимущественно *неявное*, а потому неартикулируемое; 5) это знание, создаваемое *ex nihilo*, из ничего, именно благодаря проявлению предпринимательства; 6) это знание, которое может *передаваться*, по большей части неосознанно, посредством чрезвычайно сложных социальных процессов, которые представители австрийской школы считают настоящим предметом экономических исследований.

2.3. Знание не научное, а субъективное и практическое

Анализируемое нами знание, имеющее ключевое значение для человеческой деятельности, прежде всего имеет не научный, а субъективный и практический характер. Практическим является любое знание, которое не может быть представлено в формализованном виде, а приобретается на практике, т.е. в ходе деятельности, осуществляемой в различных ситуациях. Как отмечает Хайек, это знание жизненно важно во всех практических обстоятельствах, или во всех субъективных координатах места и времени (Науек 1948, 51, 91; Хайек 2000, 67, 101). Короче говоря, речь идет о знании, имеющем форму конкретных человеческих оценок, об информации относительно целей, которые преследует действующий субъект, и тех целях, которые, по его мнению, преследуют другие. Это знание состоит также из практической информации о средствах, которые, по мнению действующего субъекта, доступны ему и помогут в достижении его целей, особенно информация обо всех условиях, личных или прочих, которые, как полагает действующий субъект, могут быть существенными в контексте любого конкретного действия.

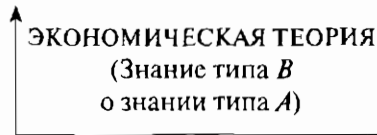
Отметим и то, что первым на различие между «практическим знанием» и «научным знанием» указал Майкл Оукшот (Oakeshott 1991, 12, 15). Наблюдение Оукшота соответствует различию, которое провел Фридрих Хайек между «рассеянным знанием» и «централизованным знанием», Майкл Полани — между «неявным знанием» и «артикулированным знанием» (Polanyi 1959, 24—25), а Людвиг Мизес — между знанием об «уникальных событиях» и знанием о поведении всего «класса явлений» (Мизес 2005, 103—108). В таблице 2.1 представлены подходы этих четырех авторов к двум основным типам знания.

Взаимосвязь двух видов знания сложна. Все научное знание (тип *B*) покоится на фундаменте неявного, неартикулируемого знания (тип *A*). Более того, научный и технический прогресс (тип *B*) непосредственно ведет к новому, более продуктивному и действенному практическому знанию

Таблица 2.1

Два разных типа знания

	Тип А	Тип В
Оукшот	Практическое (Традиционное)	Научное (или Техническое)
Хайек	Рассеянное	Централизованное
Полани	Неявное	Артикулированное
Мизес	Об «уникальных событиях»	О «классах событий»

(тип А). Точно так же экономическая наука сводится к накоплению знаний типа В (научных) о процессах создания и передачи практических знаний (тип А). Теперь ясно, почему Хайек утверждает, что для экономики как науки главный риск заключается в опасности того, что, поскольку экономическая теория состоит в теоретизировании относительно знания типа А, люди могут прийти к убеждению, что те, кто им владеет (ученые-экономисты или социальные инженеры), каким-то образом имеют доступ к конкретному содержанию практического знания типа А, которое люди постоянно создают и используют на предпринимательском уровне. Они могут даже дойти до полного пренебрежения конкретным содержанием практического знания, что столь справедливо критиковал Оукшот, полагавший, что самой опасной, чрезмерной и ошибочной версией рационализма является «утверждение, что знание, названное мною практическим, вообще не является знанием, что, собственно говоря, нет такого знания, которое не является техническим знанием» (Oakeshott 1991, 15).

2.4. Эксклюзивное, рассеянное знание

Практическое знание рассеяно и эксклюзивно. Это означает, что каждый из участников владеет лишь несколькими

«атомами» или «битами» всей созданной в обществе и переданной информации и что, парадоксально, этими битами владеет только он или, иными словами, только он имеет к ним доступ и в состоянии дать им сознательное истолкование. Следовательно, каждый, кто действует и практикует предпринимательство, делает это глубоко *личным и неповторимым* образом, так как начинает со стремления достичь определенные цели, которые соответствуют видению мира и совокупности знаний о нем, которыми во всем их богатстве и разнообразии нюансов располагает только он и которыми в точно таком же виде не может обладать никто другой. Вот почему знание, о котором мы говорим, не является *данным* и доступным для всякого, кто имеет доступ к материальным средствам хранения информации (таким как газеты, журналы, книги, статистика, компьютеры и пр.). Напротив, знание, имеющее ключевое значение для человеческой деятельности, является чисто предпринимательским, практическим и строго эксклюзивным и может быть «найдено» только *распыленным* по умам всех тех, кто, действуя по-предпринимательски, составляет общество и движет его вперед.

2.5. Неявное неартикулируемое знание

Практическое знание — это преимущественно знание неявное и неартикулируемое. Это означает, что человек знает, как выполнять определенные действия (*знать как*), но не в состоянии выявить элементы или части того, что он делает, не в силах сказать, правильны они или нет (*знать что*). Например, когда кто-то учится играть в гольф, он не изучает набор объективных, научных правил, позволяющих с помощью формул математической физики выполнять правильные движения. Нет, процесс обучения заключается в приобретении ряда *практических навыков поведения*. Можно еще вслед за Полани привести в качестве примера человека, который учится ездить на велосипеде и пытается поддерживать равновесие, слегка поворачивая руль в ту сторону, куда он начинает падать, благодаря чему возникает центробежная сила, удерживающая велосипед прямо, но почти ни один

велосипедист не думает о физических силах, удерживающих его в седле, да многие вряд ли даже слышали о них. Напротив, каждый велосипедист обычно использует свое чувство равновесия, которое каким-то образом подсказывает ему, что делать в каждый данный момент, чтобы не упасть. Пола-ни доходит до утверждения, что неявное знание на деле является *господствующим принципом любого знания* (Polanyi 1959, 24—25). Даже самое формализованное научное знание непременно вытекает из интуиции или творческого акта, представляющего собой всего лишь проявление неявного знания. Более того, новое знание, приобретаемое нами из формул, книг, графиков, карт и т.п., имеет значение только потому, что помогает нам перестраивать — с новых и все более богатых и ценных точек зрения — всю имеющуюся у нас структуру практической, предпринимательской информации, а это в свой черед открывает новые возможности для проявления творческой интуиции. Поэтому невозможность выразить словами (артикулировать) практическое знание проявляется не только «статически» — т.е. в том смысле, что любое вроде бы явно сформулированное (артикулированное) утверждение оказывается содержательным лишь в той мере, в какой оно истолковывается в свете предшествующих ему неартикулируемых представлений и знаний, — но и «динамически», поскольку мыслительный процесс, задействуемый при каждой попытке формального артикулирования, сам является неявным и неартикулируемым знанием.

Другой тип знания, которое не может быть артикулировано и играет ключевую роль в функционировании общества, состоит из комплекса *привычек, традиций, институтов, правовых и моральных правил*, образующих право, которые делают возможным существование общества и которым люди учатся следовать, будучи не в состоянии детально их сформулировать и теоретически объяснить функцию, исполняемую этими правилами и институтами в различных ситуациях и социальных процессах. То же самое можно сказать о *языке*, а также, например, о *финансовом учете и учете издержек*: предприниматели используют их в своих экономических расчетах, помогающих выбирать направление

деятельности и представляющих собой всего лишь набор знаний или практических приемов, без которых предпринимателям не обойтись при выборе ориентиров для достижения своих целей в условиях рыночной экономики; при этом подавляющее большинство предпринимателей не в состоянии сформулировать научную теорию учета, не говоря уж о том, чтобы объяснить его роль в замысловатых процессах координации, делающих возможными экономическую и социальную жизнь. Поэтому можно заключить, что предпринимательство, как его понимают экономисты австрийской школы (т.е. врожденная способность обнаруживать и воспринимать возможности получения прибыли и обдуманно их использовать), эквивалентно знанию, которое по существу является неявным и неартикулируемым.

2.6. Творческая природа предпринимательства

Для предпринимательства предпринимательства не нужно никаких средств. Это означает, что предпринимательство не требует никаких издержек, а потому является творческим занятием. Творческий аспект предпринимательства воплощен в производстве определенного типа прибыли, которая в некотором смысле возникает из ничего, которую мы будем называть *чисто предпринимательской прибылью*. Для извлечения предпринимательской прибыли не нужно предварительно обладать средствами, достаточно хорошо осуществлять предпринимательство.

Особенно важно подчеркнуть, что любой акт предпринимательства порождает три чрезвычайно важных эффекта. Во-первых, предпринимательство *создает* новую информацию. Во-вторых, эта информация *передается*, распространяясь по рынку. В-третьих, акт предпринимательства *учит* каждого из участников рынка подстраивать свое поведение к потребностям других. Эти последствия предпринимательства, аналитически сформулированные авторами, принадлежащими к австрийской школе, настолько важны, что стоит подробнее остановиться на каждом из них.

2.7. Создание информации

Каждый акт предпринимательства ведет к созданию из ничего новой информации или знания. Акт творения происходит в голове того, кто первым проявил предпринимательство. Действительно, когда человек, которого мы будем называть *C*, осознаёт существование прибыльной возможности, в его уме возникает новая информация. Более того, когда *C* начинает действовать, вступая в контакт, например, с *A* и *B*, дешево покупая у *B* ресурс, которого у того в избытке, а потом по более высокой цене перепродавая его *A*, которому это нужно позарез, в головах *A* и *B* также возникает новая информация. *A* осознаёт, что ресурс, которого у него не было и без которого он не мог достичь своей цели, есть где-то на рынке и его больше, чем он полагал раньше, а потому теперь он может сделать то, за что раньше не брался из-за отсутствия этого ресурса. Со своей стороны, *B* начинает понимать, что ресурс, которого у него было в избытке и которого он не ценил, остро нужен кому-то, а потому его нужно беречь и защищать, поскольку его можно продать по хорошей цене.

2.8. Передача информации

Создание информации в ходе проявления предпринимательства предполагает ее *передачу* и распространение по рынку. В самом деле, передать что-то кому-то значит побудить этого человека создать в уме часть информации, которую другие открыли или создали до него.

Строго говоря, наряду с тем, что вышеприведенный пример включает передачу *B* идеи о важности имеющегося у него ресурса и необходимости его беречь, а до *A* доходит идея, что он может начать двигаться к своей цели, чего прежде не делал ввиду отсутствия нужного ресурса, в сообщении было и еще кое-что. По сути дела, соответствующие рыночные цены, представляющие собой чрезвычайно мощную систему передачи [информации], так как они сообщают огромный объем информации с очень низкими издержками, распространяя последовательными волнами по всему

рынку или обществу сообщение о том, что данный ресурс следует беречь и расходовать экономно, так как на него есть спрос, и в то же время все те, кто воздерживался от определенных действий, полагая, что этого ресурса нет на рынке, могут его получить и заняться воплощением своих планов. Вполне логично, что критически важная информация всегда субъективна и не существует вне круга людей, способных ее открыть или понять, так что всегда только люди создают, воспринимают и передают информацию. Ошибочная идея об объективном характере информации вытекает из того факта, что часть субъективной информации, создаваемой в ходе акта предпринимательства, «объективно» выражена в знаках (ценах, институтах, правилах, «фирмах» и пр.), которые могут быть открыты и в контексте своей деятельности субъективно истолкованы многими, способствуя тем самым созданию новой, еще более богатой и сложной субъективной информации. Но, вопреки видимости, передача социальной информации — это дело субъективное и неявное; иначе говоря, информация не сформулирована в явном виде и передается в крайне урезанном виде. (На деле субъективно передается и воспринимается только минимальный объем информации, необходимый для координации социального процесса.) И это дает людям возможность наилучшим образом использовать ограниченные способности своего ума для постоянного создания, открытия и передачи новой предпринимательской информации.

2.9. Обучающий эффект: координация и приспособление

Наконец, следует обратить внимание на то, как люди — социальные агенты — учатся в своих действиях подстраиваться друг к другу. Например, *B* — в результате предпринимательского действия, осуществленного *C*, — перестает безрассудно транжирить имеющийся у него ресурс и, действуя в собственных интересах, начинает его экономить. Поскольку *A* теперь может рассчитывать на получение этого ресурса, у него появляется возможность достичь своей цели, и он приступа-

ет к действиям, от которых прежде воздерживался. Таким образом, оба учатся действовать *согласованно*, иными словами, контролировать себя и действовать с учетом потребностей другого. Более того, оба учатся этому наилучшим образом: *не отдавая себе отчета в том, что они учатся, и motu proprio**, т.е. добровольно и в рамках плана, в котором каждый преследует собственные цели и интересы. Именно в этом суть простого, эффективного и удивительного процесса, делающего возможной жизнь в обществе. Отметим также, что предпринимательское действие С не только сделало возможной отсутствовавшую прежде согласованность действий А и В, но и позволило им осуществлять *экономический расчет* своей деятельности, используя данные или информацию, которая прежде была для них недоступна, а теперь повышает их шансы на успешное выполнение собственных планов. Короче говоря, именно порождаемая в процессе предпринимательства информация и делает возможным экономический расчет, понимаемый как любое ценностное суждение относительно альтернативных курсов действий. Иными словами, без свободы предпринимательства в условиях рыночной экономики информация, необходимая каждому для оценки альтернативных решений, не создается. Если совсем коротко: *в отсутствие предпринимательства экономический расчет невозможен*. Это не только один из важнейших выводов, вытекающих из экономического анализа австрийской школы, но и ядро теоремы о невозможности экономического расчета при социализме, открытой Мизесом и Хайеком, к чему мы вернемся в следующих главах.

Вышеизложенные наблюдения чрезвычайно важны для общественных наук и позволяют заключить, что предпринимательство, вне всякого сомнения, — главнейшая из социальных функций, поскольку делает возможной жизнь людей в обществе, обеспечивая взаимное приспособление и согласование поведения его членов. Без предпринимательства нельзя представить даже само существование общества.

* По своей воле (лат.). — Прим. перев.

2.10. Основной принцип

В соответствии с теоретической логикой австрийской школы по-настоящему важно не то, кто именно занимается предпринимательством (хотя на практике важно именно это), а существование ситуации, в которой отсутствуют правовые или институциональные ограничения на занятие предпринимательством, так чтобы каждый был волен наилучшим образом использовать свои предпринимательские способности для создания новой информации и использования эксклюзивной практической информации, которую он открыл в любой конкретной ситуации. Поэтому во все не случайно, что в политическом плане большинство австрийских теоретиков — философы-либертарианцы, глубоко преданные делу защиты нерегулируемой рыночной экономики.

Изучение глубинных истоков внутренней силы, которая побуждает людей во всех областях действовать по-предпринимательски, — задача не экономиста, а, скорее, психолога. Мы же просто подчеркнем основной принцип: *людям свойственно находить информацию, которая их интересует; следовательно, если они вольны достигать своих целей и действовать в собственных интересах, и то и другое выступает в роли стимулов, побуждающих их демонстрировать предприимчивость и постоянно находить и воспринимать практическую информацию, необходимую для достижения их целей.* Обратное также верно. Если по каким-то причинам возможности проявлять предприимчивость сужены или просто закрыты в определенных областях социальной жизни (в результате правовых, институциональных или традиционных ограничений или вследствие государственного вмешательства в экономику), люди даже не будут рассматривать возможность достижения целей *в запрещенных или закрытых областях, а поскольку цели окажутся недостижимыми, они не будут служить стимулами для восприятия или обнаружения информации, важной для их достижения.* Более того, при подобных обстоятельствах даже не возникнет представления об огромной ценности и многообразии целей, ставших

недостижимыми из-за этих институциональных ограничений (интервенционизма или социализма).

Наконец, давайте не забывать, что, как действующий субъект, каждый человек обладает неким количеством *битов* практической информации, которую, как мы видели, он склонен находить и использовать для достижения своей цели. Несмотря на социальный контекст, этой информацией обладает только действующий субъект; иными словами, только он осознанно ею владет и сознательно ее интерпретирует. Ясно, что мы не имеем в виду информацию, публикуемую в журналах, книгах и газетах, хранимую в компьютерах, собираемую для статистики и т. п. Для общества значение имеет только та информация или знание, которую в некий конкретный исторический момент кто-либо осознал, пусть даже неявным образом. Поэтому всякий раз, когда человек действует и проявляет предприимчивость, он делает это характерным — личным и неповторимым — образом, отражающим его попытку реализовать какую-то цель или собственное видение мира, что и служит для него стимулом и чем — в данной конкретной форме и в данных обстоятельствах — обладает только он один. *Сказанное выше позволяет каждому человеку приобретать — в соответствии с собственными целями и конкретными обстоятельствами — определенное знание или информацию, которые в идентичной форме недоступны восприятию никакого другого человека.*

Отсюда следует, что чрезвычайно важно не пренебрегать ничьими предпринимательскими способностями. Даже самые неприятательные, находящиеся на самых низких ступенях социальной лестницы и не получившие никакого формального образования люди являются эксклюзивными обладателями по крайней мере нескольких битов знания и информации, которые могут иметь решающее значение для хода общественных событий. Если исходить из этого, очевидно, что наша концепция предпринимательства чрезвычайно гуманна; она делает экономическую теорию, в том виде, как ее понимали и развивали члены австрийской школы, главной гуманитарной наукой.

2.11. Конкуренция и предпринимательство

Слово *competition* (англ. конкуренция) этимологически происходит от латинского *cum petitiō* (одновременное наличие нескольких претендентов на получение некоей вещи, которая должна быть возвращена владельцу*), состоящего из двух частей: *cum* — «вместе» и *petere* — «требовать, нападать, добиваться». Словарь *Merriam-Webster's Collegiate Dictionary* (11-е изд.) определяет конкуренцию как «состяжание между соперниками». Таким образом, конкуренция представляет собой *динамический процесс соперничества*, а не так называемую «модель совершенной конкуренции», в которой многочисленные участники делают одно и то же и все продают по одинаковой цене, так что парадоксальным образом складывается ситуация, в которой никто не конкурирует (Huerta de Soto 1994, 56—58).

По самой своей природе и по определению, предприниматель всегда *настроен на конкуренцию*. Это означает, что, когда такой человек обнаруживает определенную прибыльную возможность и использует ее, эта возможность, как правило, исчезает, и никто другой уже не может ее увидеть и использовать. В то же время, если человек не полностью раскроет возможность получения прибыли или, полностью открыв возможность, воспользуется ей лишь частично, тогда часть этой возможности будет в скрытом виде ждать появления тех, кто сумеет ее обнаружить и использовать. Таким образом, общественный процесс носит ярко выраженный конкурентный характер в том смысле, что разные действующие субъекты *конкурируют* между собой, осознанно или нет, за то, чтобы первыми обнаружить и использовать возможности получения прибыли.

Каждый акт предпринимательства обнаруживает, координирует и устраняет социальные рассогласованности, а конкурентная по сути своей природа предпринимательства делает невозможным для любого другого действующего

* В русской литературе в XIX в. ситуация конкуренции (соперничества) описывалась словом «совместничество». — *Прим. ред.*

субъекта еще раз выявить и устранить несогласованности, которые уже были обнаружены и согласованы. Возможно ошибочное мнение, что движимый духом предпринимательства общественный процесс может утратить энергию и остановиться или исчезнуть, когда предприниматели вскроют и исчерпают все существующие возможности координации общественных процессов. *Однако предпринимательский процесс внесения координации в жизнь общества никогда не останавливается и не будет исчерпан.* Причина в том, что каждый существенный акт координации представляет собой создание и передачу новой информации, которая неизбежно изменяет общее восприятие целей и средств у всех предпринимателей, которых он затрагивает. Это изменение в свою очередь приведет к появлению неограниченного числа новых несогласованностей и новых возможностей получения прибыли, и этот динамический процесс будет безостановочно шириться и обеспечивать постоянное развитие цивилизации. Иными словами, предпринимательство, обеспечивая координацию несогласованного поведения людей, не только делает возможной жизнь в обществе, но и способствует развитию цивилизации, непрерывно содействуя созданию новых целей и нового знания, которые волнами расходятся по всему обществу. Более того, *создавая возможности для того, чтобы при любых исторических обстоятельствах это развитие было настолько скоординированным и гармоничным, насколько это в человеческих силах,* предпринимательство выполняет очень важную функцию, потому что несогласованность, непрерывно порождаемая ходом развития цивилизации и в результате появления новой предпринимательской информации, оказывается выявленной и устраненной предпринимательским напором самой человеческой деятельности. Иными словами, предпринимательство — это сила, объединяющая общество и делающая возможным его гармоничное развитие, поскольку вносит координацию в несогласованности, неизбежно порождаемые этим процессом развития.

Таким образом, процесс предпринимательства вызывает своего рода непрерывный социальный «Большой взрыв», делающим возможным *безграничный* рост знания. Как мы

уже видели, представители австрийской школы предложили в качестве альтернативы неоклассических моделей общего или частичного равновесия парадигму, основанную на «общем динамическом процессе» или «социальном Большом взрыве», обеспечивающую постоянную и скоординированную экспансию. Более того, было даже подсчитано, что предел расширения знаний на Земле составляет 10^{64} бит (Bagrow and Tipler 1986, 658—677), так что открывается возможность раздвинуть считавшиеся реалистичными физические пределы роста в более чем в 100 миллиардов раз. Те же авторы математически продемонстрировали, что, выйдя в космос, человеческая цивилизация сможет *безгранично* расширять знания, богатство и население. Эти расчеты опираются на главные достижения австрийской школы в целом и Хайека в частности. Типлер заключает: «Невежественными в экономической теории физиками было написано много вздора о физических границах экономического роста. Корректный анализ физических пределов роста возможен только *с учетом прозрения Хайека, что экономическая система производит не материальные вещи, а нематериальное знание*» (Tipler 1988, 4—5).

2.12. Заключение: австрийская концепция общества

В заключение мы определим общество как *процесс* (т.е. динамическую структуру), который можно охарактеризовать так: *стихийный* и тем самым не являющийся продуктом сознательного замысла; *крайне сложный*, поскольку он включает миллионы и миллионы людей, отличающихся бесконечным разнообразием постоянно изменяющихся целей, вкусов, оценок и практического знания; и *образуемый взаимодействием людей* (преимущественно в форме обмена, часто на основе денежных цен и всегда в соответствии с определенными правилами, традициями или нормами поведения). Мотивом и движущей силой всех подобных взаимодействий является энергия предпринимательства, которая непрерывно *создает, открывает и передает* информацию или зна-

ние по мере того, как с помощью *конкуренции* она вносит *согласованность* и *координацию* во взаимно несогласующиеся планы разных людей, благодаря чему позволяет им сосуществовать во все более богатом и сложном окружении.

Экономическая наука должна сосредоточиться на изучении социального процесса, определенного именно таким образом. Экономисты австрийской школы убеждены, что главная задача экономической теории — анализ того, как стихийный порядок общественной жизни позволяет нам использовать гигантский объем практической информации, которая существует не в упорядоченном и консолидированном виде, а рассеяна среди миллионов людей. Предмет экономической науки — изучение этого динамического процесса, обеспечивающего открытие и передачу информации, процесса, чьей движущей силой является предпринимательство, которое согласует и координирует планы людей, чем и делает возможной жизнь в обществе. Это и только это является основной экономической проблемой, что заставляет нас крайне критично относиться к модели равновесия, изучением которой поглощены сторонники господствующей неоклассической парадигмы. Хайек полагает, что это занятие не представляет научного интереса, потому что исходит из предположения, что вся информация *дана* и, следовательно, основная экономическая проблема уже решена (Наук 1948, 51, 91; Хайек 2000, 67, 101).

Глава 3

КАРЛ МЕНГЕР И ПРЕДШЕСТВЕННИКИ АВСТРИЙСКОЙ ШКОЛЫ

3.1. Введение

Принято считать, что, опубликовав в 1871 г. работу «Основания политической экономии» (Menger 1981; Менгер 2005б), Карл Менгер (1840—1921) произвел на свет австрийскую экономическую школу. Тем не менее главной заслугой этого автора было то, что он сумел воспринять и поддержать традицию мысли, возникшую в европейском католицизме и уходящую корнями в греческую философию и, с еще большей определенностью, в прочно утвердившуюся правовую, философскую и политическую мысль классического Рима.

Действительно, в Риме классического периода обнаружили, что закон во многом образом опирается на обычай, а юридические институты (подобно экономическим, а также языку) возникают в ходе длительного процесса развития и включают огромный объем информации и знания, намного превосходящий умственные способности любого правителя, сколь угодно мудрого и доброго. Цицерон («О Государстве» 2.1—2), излагая взгляды Катона, пишет: «Наше государственное устройство лучше устройства других государств по той причине, что в последних, можно сказать, отдельные лица создавали государственный строй на основании своих законов и установлений, например у критян — Минос, у лакедемонян — Ликург... Напротив, наше государство создано умом не одного, а многих людей и не в течение одной человеческой жизни, а в течение нескольких веков и на протяжении жизни нескольких поколений. Ибо, говорил Катон, *никогда не было такого одаренного человека, от которого ничто не могло бы ускользнуть, и все дарования, сосредоточенные в одном человеке, не могли бы в одно и то же время проявиться*

в такой предусмотрительности, чтобы он мог обнять все стороны дела, не обладая долговременным опытом».

Как мы увидим, ядро этой фундаментальной идеи послужит основой для аргумента Людвиг фон Мизеса о теоретической невозможности социалистического планирования. В Средние века эта идея была сохранена и усилена благодаря христианскому гуманизму и томистской философии естественного права, которое мыслилось как совокупность этических принципов, неподвластных силе любого земного правительства. Пьетро ди Джовани Оливи, святой Бернардин Сиенский и святой Антонин Флорентийский в числе других разрабатывали теории развития рыночной экономики и цивилизации, в которых ведущую роль играли предприимчивость и творческая способность человека (Rothbard 1995a). Это направление мысли было подхвачено, взлелеяно и получило блестящее продолжение в трудах великих теоретиков схоластической традиции испанского золотого века, которых, несомненно, следует рассматривать как главных предшественников австрийской школы экономической теории.

3.2. Схоласты испанского золотого века как предшественники австрийской школы

Согласно Фридриху Хайеку, вопреки распространенному представлению, теоретические принципы рыночной экономики, как и основные элементы экономического либерализма, были разработаны не шотландскими кальвинистами и протестантами, а произросли из доктрин доминиканцев и иезуитов, принадлежавших к Саламанкской школе времен испанского золотого века (Hayek 1978b). Хайек даже процитировал двух испанских схоластов, Луиса де Молину и Хуана де Луго, в своей нобелевской речи в 1974 г. (Hayek 1989). Собственно говоря, инициатором был итальянский профессор Бруно Леони, который в 1950-х годах начал убеждать Хайека в католическом, испанском происхождении австрийского подхода к экономическому анализу. Леони доказал Хайеку, что корни динамической, субъективистской кон-

цепции экономической науки лежат на континенте и искать их надо в странах Средиземноморья, в греческой, римской и томистской традициях, а не в работах шотландских философов XVIII в. (Leoni 1991). Кроме того, несомненной удачей оказалось и то обстоятельство, что одна из самых талантливых учениц Хайека — Марджори Грайс-Хатчинсон именно тогда увлеклась латинской и испанской литературой и написала под его руководством работу о достижениях испанских схоластов в области экономики, ставшую со временем малой классикой (Grice-Hutchinson 1952, 1978, 1993).

Кем были эти интеллектуальные предтечи современной австрийской школы экономической теории? Большинство из них были доминиканскими и иезуитскими профессорами теологии и морали в университетах Саламанки и Коимбры — важнейших интеллектуальных центрах периода испанского золотого века (Chafuen 1986). Обратимся же к анализу и определению их главных достижений, позднее ставших основными элементами австрийского экономического анализа.

Пожалуй, нам следует начать с фигуры Диего де Коваррубиа-и-Лейвы (Diego de Covarrubias y Leyva, 1512—1577). Сын знаменитого архитектора, он стал епископом города Сеговия (в кафедральном соборе которого и похоронен) и в течение нескольких лет был министром короля Филиппа II. В 1555 г. Коваррубиа лучше, чем кто-либо до него, сформулировал существо субъективной теории ценности, ключевой пункт всей системы австрийского экономического анализа, заявив: «Ценность вещи зависит не от ее объективной природы, а от субъективных оценок людей, даже когда эта оценка нелепа». Чтобы проиллюстрировать свою мысль, он добавил: «В Индиях пшеница дороже, чем в Испании, потому что там люди ценят ее больше, хотя объективная природа пшеницы везде одинакова» (Covarrubias 1604, 131). Коваррубиа исследовал историческое падение покупательной способности мараведи и предвосхитил многие из теоретических выводов в области количественной теории денег, к которым впоследствии пришли Мартин де Аспилькуэта и Хуан де Мариана. Исследование Коваррубиа, известное как *Veterum collatio numismatum*, содержит большой статистический

материал о движении цен за предшествующее столетие. Работа знаменательна не только тем, что спустя столетие ею восхищались итальянцы Даванцати и Галиани, но и прежде всего потому, что это одна из книг, на которую ссылается Карл Менгер в своих «Принципах политической экономии» (Menger 1981; Менгер 2005б).

Основанная Коваррубасом субъективистская традиция была продолжена другим замечательным схоластом, Луисом Саравиа-де-ла-Калье, который первым пролил свет на истинное соотношение между рыночными ценами и издержками. Саравиа-де-ла-Калье утверждал, что во всех случаях издержки обычно следуют за ценами, но никак не наоборот. Таким образом, он опередил свое время, указав на ошибочность объективной теории ценности, впоследствии разработанной представителями английской классической школы, заложившими фундамент для теории эксплуатации Карла Маркса и его социалистических последователей. В своей работе *Instrucción de mercaderes* («Наставление купцам»), примерно в 1544 г. опубликованной на испанском языке в Медине-дель-Кампо, Саравиа-де-ла-Калье пишет: «Серьезно ошибаются те, кто измеряет справедливую цену вещи трудом, издержками и рисками того, кто производит товар или торгует им; потому что справедливая цена создается избытком или нехваткой товаров, купцов и денег, а не издержками, трудом и рисками» (Saravia de la Calle 1949, 53). Более того, в соответствии упомянутой выше схоластической традицией выделять стимулирующую роль предпринимателя — традицией, восходящей к идеям Пьетро ди Джовани Оливи, святого Антонина Флорентийского и особенно святого Бернардина Сиенского (Rothbard 1995a), — в центре внимания книги стоит фигура предпринимателя (которого Саравиа-де-ла-Калье называет «купцом»).

Другой замечательный вклад испанских схоластов — введение динамической концепции конкуренции (лат. *concurrentium*), понимаемой как предпринимательский процесс соперничества, являющийся движущей силой рынка и развития всего общества. Эта идея, ставшая впоследствии центральной для австрийской рыночной теории, при-

мо противоположна неоклассическим моделям равновесия, совершенной конкуренции, монополистической конкуренции и монополии. Эта концепция привела схоластов к выводу, что человеку не дано знать цены, соответствующие модели равновесия (по их терминологии, «математические цены»), которые ориентированные на социализм неоклассические теоретики стремились использовать как обоснование государственного вмешательства в экономику (интервенционизма) и всеобщего планирования. Так, Раймон де Рувер пишет: «Молина даже вводит концепцию конкуренции, утверждая, что конкуренция, т.е. соперничество, между покупателями ведет к росту цен». Это динамическое понимание конкуренции ничем не напоминает статичную модель «совершенной конкуренции», которая, как наивно вскрили в XX в. теоретики «рыночного социализма», может быть смоделирована в системе без частной собственности (Raymond de Roover 1955, 169). Но только Херонимо Кастильо де Бовадилья сумел отчетливо объяснить динамическую концепцию свободной конкуренции между предпринимателями в своей книге *Política para corregidores*, опубликованной в Саламанке в 1585 г., где он отмечает, что наиболее положительным аспектом конкуренции, ее сущностью, является попытка превзойти конкурента (Popescu 1987, 141—159). Кроме того, Кастильо де Бовадилья сформулировал следующий экономический закон, который впоследствии стал основой австрийского аргумента в пользу рынка: «Цены продукции понижаются в результате изобилия, взаимного подражания и конкуренции продавцов» (Castillo de Bovadilla 1985, 2, chap. 4, no. 49).

Испанские иезуиты, кардинал Хуан де Луго и Хуан де Салас, прояснили вопрос о том, что ни власти, ни аналитики не в состоянии знать цены равновесия и другие данные, необходимые им для регулирования рынка или разработки своих моделей. Хуан де Луго (1583—1660) задумался над тем, как можно определить цену равновесия, и уже в 1643 г. пришел к выводу, что она зависит от такого множества специфических обстоятельств, что может быть ведома только Богу (*pretium iustum mathematicum licet soli Deo notum*) (Lugo 1642, 2:312).

Со своей стороны, Хуан де Салас в 1617 г. рассмотрел шансы правителя заполучить конкретную информацию, которая динамически создается, открывается и используется на рынке [экономическими агентами], и заявил, что *quas exacte comprehendere et ponderare Dei est non hominum*. Т.е. не человек, но Бог способен верно понимать и взвешивать информацию и знание, которые используют экономические агенты в рыночном процессе, и только он в силах учесть все частные обстоятельства места и времени (Salas 1617, 4, no. 6, 9). Как мы увидим далее, труды Хуана де Луго и Хуана де Саласа на триста лет опередили научные разработки ведущих мыслителей австрийской школы (особенно Мизеса и Хайска).

Другим существенным элементом того, что позднее стало инструментом австрийского экономического анализа, является принцип временного предпочтения, согласно которому в настоящем, при прочих равных, все блага оцениваются выше, чем в будущем. Эту доктрину заново открыл в 1556 г. Мартин де Аспилькуэта (знаменитый доктор Наварро), позаимствовавший ее у одного из самых ярких учеников святого Фомы Аквинского Эгидия Лессинийского, который уже в 1285 г. сформулировал: «Будущие блага не ценятся столь дорого, как те же самые блага, доступные немедленно, и они не позволяют их владельцам получать от них такую же пользу. По этой причине нужно полагать, что по справедливости их ценность должна быть ниже» (Dempsey 1943, 214).

Схоласты проанализировали также искажающее воздействие инфляции, понимаемой как любая государственная политика роста количества денег в обращении. В этой области самый выдающийся труд, *De monetae mutatione*, создал преподобный отец Хуан де Мариана, позднее опубликовавший его на испанском под названием *Tratado y discurso sobre la moneda de vellón que al presente se labra en Castilla y de algunos desórdenes y abusos* (Magiana 1987). В этой книге, впервые изданной в 1605 г., он критикует политику властей своей эпохи, которые обдуманно понижали пробу старых медных монет [т.е. добавляли в сплав менее ценные металлы]. Мариана не использует неизвестный в то время термин «инфляция», но объясняет, что порча монеты ведет к росту цен и широкой

дезорганизации экономической жизни. Кроме того, Мариана критикует политику установления потолка цен, имевшую целью противодействовать последствиям инфляции, и высказывает мысль, что эта политика не только не может дать никаких положительных результатов, но и крайне вредна для производства. Мариана сумел внести важные уточнения в исключительно макроэкономический, а потому весьма упрощенный, анализ, проведенный Мартином де Аспилькуэтой в 1556 г., а еще ранее предложенный Коперником в работе *Monetae cudendae ratio*. Они первыми предложили версию господствующей в наши дни грубо упрощенной и механистической количественной теории денег (Azpilcueta 1965, 74—75).

Испанские схоласты также внесли существенный вклад в теорию банковского дела (Huerta de Soto 1996). Например, доктор Саравиа-де-ла-Калье подверг жесткой критике банковскую практику частичного резервирования и объявил незаконным делом и тяжким грехом извлечение выгоды от выдачи ссуд третьим сторонам из денег, переданных банкиру на сохранение. Эта идея полностью совпадает с доктриной, установленной изначально классическими авторами римского права, естественно вытекающей из самой сущности, оснований и правовой природы договоров о передаче на хранение денежных сумм, которые на юридическом языке называются договором иррегулярной денежной покладажи (Saravia de la Calle 1949, 180—181, 195—197). Мартин де Аспилькуэта и Томас де Меркадо также дали строгий анализ банковской деятельности, и, хотя их вклад не столь значителен, как работа Саравиа-де-ла-Калье, они провели безупречное исследование требований, которым должен отвечать, с точки зрения справедливости, договор денежного банковского депозита. Все эти авторы безоговорочно стояли за то, чтобы банки следовали политике 100-процентного резервирования, и эта позиция стала центральной для австрийского подхода к теории кредита и экономического цикла (Huerta de Soto 1998; Уэрта де Сото 2007). Луис де Молина и Хуан де Луго подошли к вопросу о частичном резервировании более снисходительно и сочувственно, хотя Дэмпси полагает, что если бы эти авторы были знакомы с деталями и теоретическими последствиями

частичного резервирования столь же хорошо, как Мизес, Хайек и другие теоретики австрийской школы, и могли бы вообразить возникающие на основе этой практики кредитную экспансию и инфляционную эмиссию бумажных денег, то даже Молина, Лесиус и Луго сочли бы, что имеют дело с противозаконным процессом *институционального роста* (Dempsey 1943, 225—228).

Тем не менее стоит сказать: Луис де Молина был первым теоретиком, отметившим, что депозиты и банковские деньги вообще, которые он называет латинским термином *chirographis pecuniarum*, образуют такую же часть денежной массы, как и наличные. Фактически Молина еще в 1597 г., задолго до Пеннингтона, сделавшего то же самое в 1826 г., сформулировал фундаментальную идею о том, что имеющегося в обороте запаса звонкой монеты не хватило бы для оплаты всех совершаемых на рынке денежных сделок, если бы в обороте не участвовали деньги, выпускаемые банками: банкноты, эмитируемые под созданные депозиты, и чеки, выписываемые вкладчиками против своих депозитов. Благодаря финансовой деятельности банков из ничего возникают новые деньги в форме депозитов, которые используются в сделках (Molina 1991, 147).

Наконец, падре Хуан де Мариана написал еще одну книгу, *Discurso sobre las enfermedades de la compañía*, которая была опубликована посмертно в 1625 г. В этом труде Мариана доказывает — в истинно австрийском стиле, — что по причине отсутствия информации правительство не в состоянии организовать гражданское общество на основах приказов и принуждения. В самом деле, государство не имеет возможности получить информацию, которая требуется для того, чтобы его распоряжения обеспечивали координацию, а поэтому результатом его вмешательства оказываются только беспорядок и хаос. «Тяжка ошибка, когда слепой хочет вести зрячих», — пишет Мариана, имея в виду правительство. И добавляет: власти «не знают ни народа, ни хода дел, по крайней мере не знают всех тех обстоятельств, от которых зависит успех. Они неизбежно совершат множество серьезных ошибок, а в результате народу будет причинено бес-

покойство и он будет презирать это слепое правительство». Мариана делает вывод, что «власть и приказ безумны» и когда «слишком много законов, так что невозможно все их выполнять или хотя бы знать, теряется уважение сразу ко всем» (Mariana 1768, 151—155, 216).

В общем, схоласты испанского золотого века смогли сформулировать то, что позднее стало ключевыми теоретическими принципами австрийской экономической школы, а именно: *во-первых*, субъективную теорию ценности (Диего де Коваррубиас-и-Лейва); *во-вторых*, правильную взаимосвязь между ценами и издержками (Саравиа-де-ла-Калье); *в-третьих*, динамическую природу рынка и нереализуемость модели равновесия (Хуан де Луго и Хуан де Салас); *в-четвертых*, динамическую концепцию конкуренции, понимаемой как процесс соперничества между продавцами (Кастильо де Бовадилья и Луис де Молина); *в-пятых*, принцип временного предпочтения (заново открытый Мартином де Аспилькуэтой); *в-шестых*, глубоко искажающее воздействие инфляции на экономическую жизнь (Хуан де Мариана, Диего де Коваррубиас и Мартин де Аспилькуэта); *в-седьмых*, критический анализ организации банковского дела на основе частичного резервирования (Саравиа-де-ла-Калье и Мартин де Аспилькуэта); *в-восьмых*, признание того, что банковские депозиты образуют часть денежной массы (Луис де Молина и Хуан де Луго); *в-девятых*, невозможность организовать общество на основе приказов и принуждения по причине отсутствия информации, которая могла бы обеспечить координацию на основе таких приказов (Хуан де Мариана); и, *в-десятых*, либертарианскую традицию, согласно которой все неоправданные вторжения в рыночную деятельность представляют собой нарушение естественного права (Хуан де Мариана).

Итак, с полным основанием можно утверждать, что, хотя динамическая, субъективистская концепция рынка была подробно разработана Карлом Менгером в публикации 1871 г., истоки ее находились в Испании. Именно здесь, в Саламанкской школе, мы находим интеллектуальные корни австрийской экономической традиции. Подобно

современной австрийской школе, Саламанская школа, в отличие от неоклассического подхода, характеризуется прежде всего подлинным реализмом и строгостью аналитических предпосылок.

3.3. Угасание схоластической традиции и отрицательное влияние Адама Смита

Чтобы понять, как испанские схоласты смогли повлиять на развитие австрийской экономической школы, давайте вспомним, что в XVI в. Карл V, император и король Испании, посадил на австрийский престол своего брата Фердинанда I. Этимологически «Австрия» означает «восточная часть империи» — империи, которая в то время включала практически всю территорию континентальной Европы, за исключением одной только Франции, которая оказалась в изоляции и была со всех сторон окружена испанскими войсками. С учетом этого нетрудно понять, каким образом испанские схоласты смогли оказать интеллектуальное влияние на австрийскую школу — то была отнюдь не случайность и не каприз истории, а закономерный результат тесных исторических, политических и культурных связей между Испанией и Австрией, развивавшихся с XVI в. (Bérenguer 1993, 133—335). В этих связях, поддерживавшихся на протяжении нескольких столетий, важнейшую роль играла Италия, служившая культурным мостом для интеллектуального обмена между дальними концами империи (Испанией и Австрией). Таким образом, у нас есть достаточно сильные аргументы в пользу тезиса о том, что по крайней мере в момент своего зарождения австрийская школа была продолжением испанской традиции.

Главной заслугой Карла Менгера было то, что он открыл и вдохнул жизнь в эту континентальную испанскую католическую традицию, которая пребывала в упадке и была практически забыта из-за триумфа протестантской реформации и «черной легенды», направленной против всего испанского, а особенно из-за пагубного влияния Адама Смита и всей классической школы политической экономии на ис-

торию экономической мысли. Как отмечает Мюррей Ротбард, Адам Смит отбросил все, относившееся к субъективной теории ценности, центральной роли предпринимателя и попыткам объяснить цены, складывающиеся на реальном рынке, и выдвинул на передний план трудовую теорию ценности, которую позднее Маркс, доведя дело до логического конца, положил в основание своей теории капиталистической эксплуатации. Более того, Адам Смит сосредоточил свои усилия на объяснении «естественной» цены, соответствующей состоянию долгосрочного равновесия, модели равновесия, в которой демонстративно отсутствует предпринимательство, а вся необходимая информация предполагается доступной (позднее неоклассические теоретики равновесия использовали эту модель для критики мнимых «провалов рынка» и оправдания социализма и вмешательства государства в экономику и гражданское общество). Кроме того, Адам Смит пропитал экономическую науку кальвинизмом, примером чего служат его поддержка запрета ростовщичества и различие между «производительными» и «непроизводительными» занятиями. Наконец, Адам Смит порвал с радикальной позицией *laissez faire*, выдвинутой его континентальными (испанскими, французскими и итальянскими) предшественниками и сторонниками естественного права, и ввел в историю идей вялый «либерализм», в такой степени изрешеченный исключениями и прояснениями, что его могли бы принять даже многие из современных социал-демократов (Rothbard 1995a).

Поэтому, с точки зрения австрийской традиции, идеи английской классической школы оказали пагубное влияние на экономическую теорию, причем пагубность эта была только умножена преемниками Адама Смита, в частности Иеремией Бентамом, который заразил экономическую теорию самым узким утилитаризмом, косвенным образом поспособствовав развитию псевдонаучного анализа издержек и выгод (ему казалось, что они могут быть известны) и возникновению традиции социальной инженерии, ставящей своей целью преобразование общества по своей прихоти с помощью принуждающей власти государства. В Англии эта

тенденция достигла кульминации в отречении Джона Стюарта Милля от *laissez faire* и его многочисленных уступках социализму. Во Франции вследствие триумфа картезианского конструктивистского рационализма воцарился интервенционизм *Ecole Polytechnique* (Высшей Политехнической школы в Париже) и социалистический социализм Сен-Симона и Конта (Наyek 1955, 105—188; Хайек 2003, 137—274).

К счастью, несмотря на победоносный интеллектуальный империализм английской классической школы, подчинившей себе развитие экономической теории, католическая континентальная традиция, взлелеянная схоластиками испанского золотого века, не была забыта окончательно. Более того, она оказала влияние на двух известных экономистов — ирландца Кантильона и француза Тюрго. По большому счету именно этих двоих и следовало бы считать истинными основателями экономической науки. Примерно в 1730 г. Кантильон написал работу «Опыт о природе торговли вообще», которую Джесвонс рассматривал как первый систематический трактат по экономике. В этой книге Кантильон выдвигает на первый план фигуру *предпринимателя* в качестве движущей силы рыночного процесса и объясняет, что увеличение количества денег не затрагивает сразу общий уровень цен, а наносит ущерб реальной экономике шаг за шагом, постепенно, затрагивая и искажая устанавливающиеся на рынке относительные цены. Это знаменитый эффект Кантильона, который позднее был скопирован Юмом и включен Мизесом и Хайеком в анализ капитала и экономических циклов (Cantillon 1959; Кантильон 2007).

Задолго до Адама Смита маркиз д'Аржансон (в 1751 г.) и особенно Тюрго дали точное описание рассеянной природы знания, воплощенного в социальных институтах, понимаемых как стихийные порядки. Впоследствии анализ последних стал одним из важнейших элементов исследовательской программы Хайека. Уже в 1759 г. Тюрго в «Похвальном слове Венсану де Гурнэ» сделал вывод: «Нет нужды доказывать, что каждое частное лицо является единственным судьей самого выгодного использования своей земли и своих рук. Оно одно знакомо с местными условиями, без знания кото-

рых самый просвещенный человек может рассуждать лишь вслепую. Только оно обладает опытом, тем более надежным, что таковой ограничен одним предметом. Оно приобретает знание с помощью повторных опытов, посредством своих успехов, путем потерь и поучает житейскую сноровку, тонкость которой, заостренная изучением потребности, далеко превосходит теорию равнодушного наблюдателя, поскольку последним движет необходимость». Вслед за Хуаном де Марианой Тюрго также отмечает «абсолютную невозможность управлять посредством неизменных правил и постоянного наблюдения за множеством операций, сама необъятность которых препятствует ознакомлению с ними. Более того, они постоянно зависят от массы непрерывно меняющихся обстоятельств, не поддающихся никакому воздействию и даже предвидению» (Turgot 1844, 275, 288; Тюрго 1961, 72, 79).

Даже в Испании периода длительного упадка XVIII—XIX вв. схоластическая традиция не исчезла окончательно, даже несмотря на сильнейший комплекс неполноценности в отношении англосаксонского интеллектуального мира. О сохранении этой традиции свидетельствует тот факт, что другой испанский католический автор смог разрешить парадокс ценности и четко сформулировать закон предельной полезности за 27 лет до того, как Менгер опубликовал «Основания политической экономии». Этим писателем был каталонец Хайме Балмес [Jaime Balmes (1810—1848)], ставший, несмотря на краткий век, ведущим томистским философом Испании своего времени. В 1844 г. он опубликовал статью «Истинное понимание ценности, или Мысли о происхождении, природе и разнообразии цен», в которой не только разрешил парадокс ценности, но и ясно изложил закон предельной полезности. Балмес задается вопросом: «Почему драгоценный камень стоит больше, чем кусок хлеба, удобная одежда или, возможно, даже здоровое и уютное жилище?» — и отвечает: «Это не трудно объяснить. Поскольку ценность вещи определяется ее полезностью или способностью удовлетворять наши нужды, чем нужнее она в этом отношении, тем ценнее она будет. *Следует также помнить, что, если число средств возрастает, потребность в любом из них в отдель-*

ности понижается, потому что, когда есть выбор из большого количества, никакое отдельное средство не будет незаменимым. Следовательно, существует необходимая связь, своего рода пропорция, между увеличением или понижением ценности и редкостью или изобилием чего-либо. Кусок хлеба стоит немного, но это объясняется его необходимостью для удовлетворения наших потребностей, потому что хлеба у нас в изобилии. Однако, если это количество уменьшится, его цена быстро пойдет вверх и достигнет любого уровня, что можно наблюдать в периоды нехватки. Последнее явление особенно наглядно в отношении всех видов благ в городе, долго осаждаемом во время войны» (Baltes 1949, 615—624). Благодаря вкладу Балмеса континентальная традиция описала полный круг и подготовила почву для работы Карла Менгера и его австрийских учеников, которые спустя несколько десятилетий завершили разработку этой традиции, отточили ее до совершенства и вдохнули в нее новую жизнь.

3.4. Менгер и субъективизм австрийской школы: концепция деятельности как множества субъективных этапов, субъективная теория ценности и закон предельной полезности

Еще в молодости Менгер понял, что сформулированная Адамом Смитом и его англосаксонскими последователями классическая теория образования цен не очень убедительна. Личные наблюдения Менгера за функционированием фондового рынка (одно время он был биржевым корреспондентом *Wiener Zeitung*), а также собственные исследования привели к тому, что в возрасте 31 года «в состоянии болезненного возбуждения» (по выражению Хайека) он написал книгу, официально давшую жизнь австрийской школе экономической теории. Автор стремился утвердить новые основания, на которых, по его глубокому убеждению, необходимо было перестроить все здание экономической науки. Предложенные им принципы предусматривали, что развитие экономической науки будет опираться на человека как творческое начало

и главное действующее лицо всех социальных процессов и событий (субъективизм), а также, впервые в истории экономической мысли, с позиций субъективизма была сформулирована целостная теория стихийного возникновения и эволюции всех общественных (экономических, правовых и языковых) институтов, понимаемых как утвердившиеся модели поведения. Все эти идеи содержатся в опубликованной Менгером в 1871 г. книге «Основания политической экономии», которой суждено было стать одной из наиболее влиятельных работ в истории экономической мысли.

Самым оригинальным и плодотворным в замысле Менгера оказалось намерение сделать человека, рассматриваемого как творческое начало и главное действующее лицо всех социальных процессов, основой всего здания экономической науки. Для Менгера принципиально важен отказ от бесплодного «объективизма» английской классической школы и ее одержимости мнимым существованием объективных, внешних сущностей (социальных классов, *агрегированных* показателей, *материальных* факторов производства и пр.). Он утверждает, что ученые-экономисты всегда должны исходить из субъективной перспективы действующего человека, так чтобы эта перспектива оказывала решающее влияние на формулирование всех экономических теорий. Имея в виду предложенный Менгером новый субъективистский подход, Хайек даже пишет: «Наверное, не будет преувеличением, если мы скажем, что на протяжении последних ста лет каждое серьезное открытие в экономической теории было шагом вперед в последовательном приложении субъективизма». Хайек добавляет, что «наиболее последовательным в этом был Людвиг фон Мизес, и я считаю, что наиболее примечательные из его воззрений, поначалу поражающие читателя своей странностью и кажущиеся неприемлемыми, могут быть объяснены тем, что в последовательной приверженности к субъективистскому подходу он намного опередил своих современников» (Хайек 2003, с. 49).

Пожалуй, одним из наиболее типичных и оригинальных проявлений этой новой субъективистской тенденции, заложенной Менгером, была его «теория экономических благ

разных порядков». Для Менгера «экономические блага первого порядка» — это потребительские блага, т.е. такие, которые субъективно и непосредственно удовлетворяют человеческие потребности и в силу этого в особом, субъективном контексте каждого действия образуют *конечную цель*, к достижению которой стремится действующий субъект. Для достижения этих целей, т.е. для получения потребительских благ, или экономических благ первого порядка, сначала нужно пройти ряд промежуточных этапов, которые Менгер именует «экономическими благами более высокого порядка» (второго, третьего, четвертого и т.д.), отличающихся тем, что чем больше порядковый номер каждого этапа, тем дальше этот этап от конечного потребительского блага. По словам Менгера, «если мы располагаем комплементарными благами какого-либо особенно высокого порядка, сначала мы должны преобразовать их в блага предыдущего по номеру порядка и потом *поэтапно* в блага последовательно все более низкого порядка, пока мы не получим блага первого порядка, которые уже можно непосредственно применить к удовлетворению наших потребностей» (см.: Менгер 2005, с. 81).

Эта плодотворная идея Менгера логически вытекает из его субъективистской концепции, согласно которой каждый человек пытается достичь цели, с которой связывает какую-либо *субъективную ценность*, так что, ориентируясь на эту цель и подстегиваемый ее субъективной ценностью, он составляет и приводит в исполнение план действий, включающий последовательность этапов, которые он считает необходимыми для достижения цели. Более того, эти этапы обретают субъективную *полезность*, зависящую от ценности той цели, которую действующее лицо предполагает достичь благодаря использованию экономических благ высшего порядка. Иными словами, субъективная полезность средств, или экономических благ высокого порядка, в конечном счете определяется субъективной ценностью цели, или конечного потребительского блага, достижение которого обеспечивают эти средства. Вот так благодаря усилиям Менгера, впервые в истории экономической мысли, теория встала на точку зрения действующего субъекта и стала вращаться вокруг

процесса деятельности, состоящего из ряда *промежуточных этапов*, которые действующий субъект начинает, разрабатывает и пытается завершить, процесса, ведущего к достижению избранной им цели, или конечного потребительского блага (экономического блага первого порядка).

Действуя, каждый человек пытается достичь определенных *целей*, которые, как он обнаружил, по какой-то причине для него важны. Термин *ценность* относится к субъективной оценке выбранной цели, а психическая интенсивность этих оценок крайне изменчива. Термин *средства* относится ко всему, что, по субъективному мнению действующего агента, может помочь ему в достижении цели. *Полезность* относится к субъективной *оценке*, присваиваемой действующим агентом средствам, и зависит от ценности той цели, достижению которой они, по мнению действующего лица, способны помочь. В этом смысле ценность и полезность — две стороны одной медали, потому что субъективная ценность, присваиваемая действующим субъектом избранной цели, проецируется на средства, которые он считает полезными для ее достижения, именно через концепцию полезности.

Самым оригинальным и существенным вкладом Менгера в экономическую науку было не открытие закона предельной полезности, сделанное им хоть и независимо, но параллельно с Джевонсом и Вальрасом, а его субъективистская концепция всех процессов, связанных с человеческой деятельностью. Субъективная теория ценности и закон предельной полезности — просто очевидные следствия вышеизложенной субъективной концепции процесса деятельности, которой мы обязаны исключительно Менгеру. Фактически, проходя через последовательность этапов, действующий субъект оценивает средства в связи с целями, для достижения которых, по его мнению, они будут полезны, причем эта оценка по природе своей не абсолютна, но различна для разных взаимозаменяемых единиц средств, важных в контексте конкретного действия. Поэтому действующий субъект оценивает каждую из взаимозаменяемых единиц средств с точки зрения места, которое последняя из таких единиц занимает на его шкале ценностей, так что,

если действующий субъект утратит или приобретет единицу средств, соответствующая потеря или прибавка полезности будет определяться положением, занимаемым на его личной шкале ценностей той целью, которая может быть достигнута или утрачена с помощью этой последней единицы. Таким образом, с точки зрения австрийской школы, закон предельной полезности не имеет никакого отношения ни к физиологическому удовлетворению потребностей, ни к психологии, а является строго праксиологическим законом (по терминологии Мизеса), т.е. принадлежит к логике любой человеческой, предпринимательской и творческой деятельности.

Таким образом, важно проводить различие между теорией предельной полезности, разработанной Менгером, и законами предельной полезности, которые были параллельно сформулированы Джевонсом и Вальрасом. Для Джевонса и Вальраса предельная полезность была простым добавлением к математической модели равновесия (частичного в случае Джевонса и общего у Вальраса), в которой процесс человеческой деятельности явно отсутствует, а включение или исключение закона предельной полезности ничего не меняет. Напротив, для Менгера теория предельной полезности — это онтологическая необходимость и важнейшее следствие его собственной концепции человеческой деятельности как динамического процесса (Jaffé 1976, 511—524).

Более того, неудивительно, что главный основатель неоклассической чикагской школы Фрэнк Найт называл теорию Менгера об экономических благах первого и более высоких порядков наименее значительным из его достижений (Knight 1950). Этим утверждением Найт обнаруживает теоретическую неадекватность всей неоклассической парадигмы равновесия и, в частности, своей чикагской школы, для которой процесс производства имеет объективный и мгновенный характер, время играет роль не более чем параметра, а творчество и неопределенность, типичные для всякой предпринимательской деятельности, истреблены применением рикардианского равновесия, являющегося фокальной точкой исследования.

3.5. Менгер и экономическая теория социальных институтов

Для своего времени «Основания политической экономии» Менгера были передовой книгой: в ней ученый не только указал на существенную для реальной экономики и неотделимую от человеческой деятельности роль концепций времени, неведения, предпринимательского знания и ошибки, комплементарных благ, постепенно соединяющихся в ходе рыночного процесса, а также непрерывного неравновесия и изменений, характерных для любого реального рынка, но также включил новую теорию происхождения и эволюции социальных институтов, которая позднее была развита и доведена до конечных логических выводов Хайеком.

Вторым важнейшим вкладом Менгера было предложенное им теоретическое объяснение стихийного, эволюционного возникновения социальных институтов, исходящее из субъективной концепции человеческой деятельности и взаимодействия людей. Далекое не случайно Менгер посвятил «Основания политической экономии» Вильгельму Рошеру, одному из крупнейших немецких историков. Дело в том, что в теоретических спорах между сторонниками концепции эволюционного, исторического и стихийного развития институтов (позиция, представленная Савиньи в области права, Монтескье, Юмом и Берком — в области философии и политической науки) и сторонниками узкорационалистической картезианской концепции (представленной Тибо в области права, Бентамом и английскими утилитаристами — в области политической экономии) Менгер, по его мнению, снабдил первых необходимым и надежным теоретическим фундаментом.

Субъективистская концепция Менгера, центром которой является действующий человек, объясняет стихийное, эволюционное возникновение ряда моделей поведения (институтов) в сфере права, экономики и языка, которые делают возможной жизнь в обществе, через идею эволюционного процесса, в котором действует бесчисленное множество людей, каждый из которых оснащен собственным небольшим эксклюзивным запасом субъективного знания, практического

опыта, желаний, мнений и чувств. Менгер выяснил, что институты возникают в ходе социального процесса, состоящего из множества человеческих действий и направляемого особыми людьми из плоти и крови, которые, в конкретных обстоятельствах места и времени, раньше других открывают, что определенные формы поведения облегчают им достижение целей. Тем самым они запускают децентрализованный процесс проб и ошибок, в котором начинает преобладать поведение, лучше других устраняющее несогласованность, и в ходе такого неосознаваемого процесса обучения и подражания пример, поданный наиболее творческими и успешными людьми, получает распространение, и ему следуют остальные члены общества. Хотя Менгер развивает свою теорию в применении к конкретному экономическому институту, к возникновению и эволюции денег (Menger 1994), он отмечает, что, по существу, ту же теоретическую схему можно без особых проблем применить к возникновению и эволюции правовых институтов и языка. Сам Менгер с безукоризненной точностью ставит проблему, вокруг которой формулирует свою совершенно новую исследовательскую программу экономической науки: «Каким образом институты, служащие общему благополучию и чрезвычайно важные для его развития, возникли сами по себе, не направляемые общей волей?» (Menger 1985; Менгер 2005a). Ответ парадоксален: институты, имеющие жизненно важное значение для жизни в обществе (языковые, экономические, правовые и моральные), являются «непреднамеренными последствиями отдельных действий» (или, в терминологии Менгера, *Unbeabsichtigte Resultante*, Menger 1883, 182; Менгер 2005a, 392). Человек не мог бы обдуманно создать эти институты, потому что не обладает необходимыми интеллектуальными способностями для того, чтобы собрать и усвоить заключенный в них гигантский объем рассеянной динамической информации. Нет, они постепенно — стихийным и эволюционным образом — возникли из социального процесса взаимодействия людей. Поэтому Менгер, а вслед за ним и остальные австрийцы убеждены, что именно эта область должна быть главным предметом экономических исследований.

3.6. *Methodenstreit*, или Спор о методах

Должно быть, Менгер пережил сильнейшее разочарование, когда профессора, принадлежавшие к немецкой исторической школе, не только не оценили его вклад, но и увидели в нем опаснейшую угрозу историцизму. Вместо того чтобы понять, что вклад Менгера предлагает теоретическую основу, требующуюся для эволюционной концепции социальных процессов, они сочли, что его теоретичность и абстрактно-аналитический характер несовместимы с пропагандируемым ими узким историцизмом. Так началась *Methodenstreit*, первая и, пожалуй, самая знаменитая дискуссия с участием австрийцев. На несколько десятилетий она поглотила интеллектуальную энергию Менгера. Исповедовавшие историцизм немецкие профессора во главе со Шмоллером были жертвами гиперреализма (так же как впоследствии американские институционалисты из школы Торстейна Веблена), поскольку отрицали существование общезначимой экономической теории и защищали тезис о том, что обоснованным может считаться только знание, полученное в результате эмпирических наблюдений и сбора данных, относящихся к каждой отдельной исторической ситуации. В опровержение этого взгляда в 1883 г. Менгер написал свою вторую важную книгу «Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности» (Менгер 2005а), где, опираясь на труды Аристотеля, доказывал, что для познания социальной действительности требуются две равно значимые дисциплины, дополняющие друг друга, но при этом радикально отличающиеся в эпистемологическом плане. Есть *теория*; ее можно представить как «форму» (в аристотелевском смысле), которая передает сущность экономических явлений. Эта теоретическая форма открывается путем интроспекции, т.е. внутренней рефлексии исследователя, которая возможна в силу того, что в экономической науке (как ни в какой другой) у исследователя есть привилегия быть той же природы, что и объекты наблюдения, и эта ситуация обеспечивает ему чрезвычайно ценное непосредственное знание. К тому же теория строится логически-

дедуктивным образом, исходя из ясного аксиоматического знания. В противоположность теории есть *история*; ее можно представить как «материю» (в аристотелевском смысле), которая воплощается в эмпирических фактах, характеризующих каждое историческое событие. Менгер рассматривал обе дисциплины, теорию и историю, форму и материю, как равно необходимые для познания действительности, но решительно отвергал идею о том, что теорию можно вывести из истории. Напротив, их взаимосвязь имеет обратный характер, в том смысле, что историю можно истолковывать, классифицировать и постигать только в свете предварительно разработанной экономической теории. Так, на основе методологического подхода, который к тому времени интуитивно в общих чертах уже был намечен Ж.-Б. Сэем, Менгер заложил основания того, что позднее стало «официальной» методологией австрийской экономической школы.

Следует отметить, что термин «историцизм» употребляется по меньшей мере в трех разных значениях. Первое, связанное с исторической школой права (Савиньи, Берк) и противопоставляемое картезианскому рационализму, было именно тем, которое австрийская школа отстаивала в своем теоретическом анализе возникновения институтов. Второе значение связано с немецкими профессорами исторической школы экономики XIX в. и американскими институционалистами XX в., отрицавшими возможность общезначимой абстрактной экономической теории, которую отстаивал Менгер, а после него развивали другие австрийские экономисты. Третий тип историцизма составляет фундамент методологического позитивизма неоклассической школы, которая пытается доказывать или опровергать теории, опираясь на эмпирическое наблюдение (иными словами, в конечном итоге — на историю), т.е. представляет собой позицию, которую Хайек считал всего лишь одним из проявлений картезианского рационализма, столь часто критикуемого австрийцами (Cubeddu 1993).

Любопытно отметить, что, защищая теорию от немецкого историцизма, Менгер и его последователи заключили временный союз с теоретиками неоклассической парадигмы

равновесия, в том числе Вальрасом и Джевонсом (математический маржинализм), а также с неоклассиками Альфредом Маршаллом (Англия) и Джоном Бейтсом Кларком (США). Прекрасно осознавая глубокое различие между своим подходом и подходом теоретиков (общего или частичного) равновесия, австрийские сторонники динамической субъективистской традиции анализа рыночных процессов зачастую считали, что такой временный союз вполне оправдан необходимостью разгромить историцистов и защитить надлежащий научный статус экономической теории. Издержки этой стратегии дали о себе знать только спустя несколько десятилетий, когда в 1930-х годах («годы высокой теории», по удачному выражению Шэкла) триумф сторонников теории над историцистами был истолкован большинством экономистов как триумф математически формализованной теории равновесия, а не теории динамичных социальных процессов, которую изначально развивали Менгер и его последователи.

Как бы то ни было, вопреки распространенному толкованию, согласно которому *Methodenstreit*, или спор о методах, был бесполезной тратой времени и сил, мы убеждены, что он стал удобной возможностью уточнить и прояснить неизбежные методологические различия между науками о человеческой деятельности и естественными науками. Сохраняющаяся же в этой области путаница, несомненно, имеет причиной тот факт, что экономисты не проявили достаточного внимания к тому значительному вкладу, который был сделан Менгером в ходе этой полемики (Huerta de Soto 1982).

Глава 4

БЁМ-БАВЕРК И ТЕОРИЯ КАПИТАЛА

4.1. Введение

Второй по важности вклад в развитие австрийской школы после ее основателя сделал Ойген фон Бём-Баверк (1851—1914), самый блистательный из последователей Карла Менгера. Бём-Баверк был профессором политической экономии сначала в Инсбруке, потом в Вене и несколько раз занимал пост министра финансов в правительстве Австро-Венгерской империи. Он не только усовершенствовал и углубил созданную Менгером субъективную теорию, но и существенно расширил область ее применения, разработав теорию капитала и процента. Бём-Баверк написал выдающийся труд «Капитал и процент» (*Kapital und Kapitalzins*, 1884—1902), который, несмотря на название, представляет собой полноценный экономический трактат. В нем Бём-Баверк выстроил австрийскую теорию капитала вокруг субъективной, динамичной теории цен. (К счастью, большая часть этой работы уже опубликована на испанском, так что наши студенты имеют возможность закрыть традиционную дыру в университетском курсе по экономике, в котором просто отсутствует анализ теории капитала, являющейся ключом к пониманию рыночного процесса*.)

* Здесь уместно вспомнить печальную историю русского перевода второго тома этой книги (первый том благополучно вышел в 1909 г.). Перевод был практически подготовлен к печати в издательстве «Прогресс» еще в 1992 г. Однако, к несчастью, издательству принадлежало огромное здание в центре Москвы. Неразумные действия директора, связанные с гарантированием кредита на съемки некоего кинофильма, где обеспечением выступало здание, занимаемое издательством, привели к его банкротству. Нам удалось разыскать только две главы того перевода. Остальное придется переводить заново. — *Прим. ред.*

Помимо разработки теории капитала, Бём-Баверк подверг сокрушительной критике все существовавшие к тому времени теории возникновения процента, причем его критический анализ был особенно точен в отношении марксистской теории эксплуатации и теорий, связывающих процент с предельной производительностью капитала. Более того, Бём-Баверк выдвинул совершенно новую теорию происхождения процента, опирающуюся на субъективную реальность *временных предпочтений*. Как мы уже видели, первым этот принцип выявил томист Лессин, а Мартин де Аспилькуэта обнаружил его в трудах Лессина в конце XVI в. Хотя предложенное Бём-Баверком объяснение процента не лишено недостатков, что под конец невольно привело ученого к теории предельной производительности капитала, блистательно раскритикованной им же самим в первом томе работы, он заложил основу теории капитала и процента, которая позднее была доработана и доведена до логического конца такими авторами, как Фрэнк Феттер (Fetter 1977) и Людвиг фон Мизес (Mises 1996; Мизес 2005). А теперь обратимся к основным принципам теории капитала в том виде, как ее разработал Бём-Баверк, а потом довели до совершенства его главные последователи.

4.2. Человеческая деятельность как последовательность субъективных этапов

Будем исходить из того, что *человеческая деятельность* — это любое обдуманное поведение (Mises 1996; Мизес 2005). Как мы уже видели, человек действует ради достижения определенных *целей*, которые ему представляются важными, и ради этого он использует *средства*, которые считает подходящими. Термины *ценность* и *полезность* обозначают психическую оценку действующим субъектом своих целей и средств. Средства по определению должны быть *редкими*: если бы действующий субъект не считал их таковыми, он бы не принимал их в расчет до начала деятельности. Цели и средства не «даны», но, напротив, возникают из предпринимательской деятельности людей, которая, как мы видели в главе 2,

представляет собой именно создание, открытие или просто осознание того, какие цели и средства жизненно важны для действующего лица в каждой совокупности обстоятельств, встречающейся на его пути. Когда у человека возникает уверенность, что открыл цели, которых стоит добиваться, он вырабатывает представление о доступных средствах, могущих ему помочь в этом. Затем он включает их, почти всегда неявным образом, в *план действий*, к реализации которого он приступает *по собственному решению (act of will)*.

Таким образом, *план* — это создаваемая воображением действующего лица мысленная картина всевозможных будущих *этапов*, элементов и обстоятельств действий. Ведь вся человеческая деятельность разворачивается *во времени*, причем здесь мы имеем в виду не детерминистское или ньютоновский смысл этого слова (т.е. просто физическое или аналоговое), а его субъективный смысл, т.е. субъективное восприятие времени действующим лицом в контексте его действий (O'Driscoll and Rizzo 1996, 52—70). Поэтому время — это экономическая категория, неотделимая от концепции человеческой деятельности. Невозможно представить действие, происходящее вне времени или не требующее времени для его совершения. Более того, человек воспринимает ход времени именно по мере действия и завершения разных этапов процесса деятельности. Человеческая деятельность, всегда направленная на достижение цели, т.е. на устранение некоего беспокойства, неизменно занимает время, в том смысле, что оно требует осуществления и завершения ряда последовательных этапов. Таким образом, от достижения выбранной цели человека отделяет некий период времени, необходимый для осуществления ряда последовательных этапов, из которых состоит процесс его деятельности.

В отношении субъективного представления о будущем всегда действует следующая тенденция: чем больше времени требует действие (т.е. с ростом числа и сложности последовательных этапов, в совокупности образующих действие), тем большую ценность имеет результат для действующего лица. В экономическом принципе, согласно которому чем больше времени требует деятельность, тем ценнее достигаемая ею

цель, нет ничего таинственного. В самом деле, будь это не так, т.е. если бы человек не считал более ценным результат более длительной деятельности, он бы никогда за нее не брался, а всегда выбирал менее продолжительную деятельность. Человека отделяет от цели именно определенный промежуток времени (т.е. время, необходимое для завершения всех этапов процесса деятельности). Таким образом, при прочих равных, ясно, что люди всегда будут стремиться достичь своих целей как можно быстрее и они будут готовы отложить достижение целей только при наличии субъективной уверенности, что тем самым достигнут чего-то более ценного.

Теперь обсудим логическую категорию *временного предпочтения*, согласно которой человек, при прочих равных, предпочитает удовлетворять свои потребности или достигать цели как можно быстрее. Иными словами, когда человек рассматривает две цели, имсущие для него равную субъективную ценность, он всегда отдаст предпочтение той, что ближе во времени. Проще говоря, наличные блага, при прочих равных, всегда предпочтительнее будущих. Этот закон временного предпочтения — еще один способ выражения важнейшего принципа, согласно которому каждый человек стремится как можно скорее достичь цели. Отсюда следует, что временное предпочтение — это не физиологическая или психологическая категория, а неотъемлемая часть логической структуры всякой деятельности, структуры, присутствующей в сознании каждого человека. Описанный выше закон тенденции и закон временного предпочтения — это просто два разных способа выражения одной и той же реальности. Согласно первому, люди предпринимают действия, требующие большего времени, только потому, что предполагают тем самым достичь более ценных целей; согласно второму, при прочих равных люди всегда предпочитают те блага, которые ближе во времени.

4.3. Капитал и капитальные блага

Термин *капитальные блага* обозначает то, что человек субъективно рассматривает как промежуточные этапы каждого про-

цесса действий. Иными словами, все промежуточные этапы, рассматриваемые человеком как таковые и воплощающие любой используемый им производственный процесс, представляют собой капитальные блага. Поэтому капитальные блага всегда следует рассматривать в телеологической перспективе, где важнейшими определяющими элементами являются цели и субъективные представления действующего субъекта об этапах, необходимых для их достижения (Kirzner 1996, 13—122).

Следовательно, капитальные блага представляют собой «экономические блага высоких порядков», теорию которых разработал Карл Менгер, или, иными словами, факторы производства, материализующиеся на каждом промежуточном этапе любого данного производственного процесса. Более того, капитальные блага возникают в результате накопления трех основных элементов: природных ресурсов, труда и времени, соединение которых обеспечивает задуманный и осуществляемый людьми процесс предпринимательской деятельности.

Непременным условием производства капитальных благ является сбережение, т.е. отказ от немедленного потребления. Действительно, в процессе деятельности человек в состоянии добраться до отдаленных и требующих все больших затрат времени промежуточных этапов, только если он прежде пожертвует возможностью предпринять действия, быстрее приводящие к результатам. Иными словами, он должен отказаться от достижения целей, которые могут быстрее удовлетворить потребности, а потому временно более неотложных (т.е. от потребления). Для иллюстрации этой важной концепции воспользуемся примером, который приводит Бём-Баверк для объяснения процесса сбережения и инвестирования в капитальные блага, осуществляемого отдельным человеком в ситуации полной изоляции — Робинзоном Крузо, живущим на острове (Böhm-Bawerk 1959d).

Предположим, что Робинзон Крузо только что попал на остров и занят тем, что вручную собирает с деревьев плоды, свое единственное пропитание. Он занимается этим дни напролет и собирает достаточно, чтобы выжить и даже быть сы-

тым. После нескольких недель такой жизни Робинзон делает предпринимательское открытие, что имея он шест длиной несколько метров, то мог бы сшибать плоды с верхушек, где их намного больше. Единственная проблема состоит в том, что, по его прикидке, ему потребуется пять полных дней на то, чтобы найти подходящее дерево, выломать нужную ветку и очистить ее от сучков и листьев. И на эти пять дней ему придется отказаться от сбора плодов. Чтобы осуществить свою идею, ему необходимо уменьшить потребление и накопить в корзинке запас еды на те пять дней, которые он будет занят изготовлением шеста. Составив план действий, Робинзон решает взяться за дело и начинает с того, что принимается каждый день делать *сбережения*, т.е. сокращать ежедневное потребление и откладывать часть добываемых плодов. Это и есть неизбежная *жертва*, но он готов пойти на нее ради достижения своей цели. Итак, он решает в течение десяти дней есть поменьше (иными словами, сберегать) и накапливать запас продовольствия, пока его не окажется достаточно, чтобы приступить к изготовлению шеста.

На этом примере Бём-Баверк показывает, что каждый процесс инвестирования в капитальные блага предполагает предварительное сбережение, т.е. сокращение потребления ниже потенциально возможного уровня. Накопив достаточно еды, Робинзон на пять дней оставляет свой промысел, чтобы найти подходящую ветку, выломать ее и сделать из нее шест. Чем он питается на протяжении этих пяти дней, когда возится с веткой, т.е. во время производственного процесса, заставившего его прервать ежедневное собирание ягод? Он просто потребляет то, что накопил в корзинке за предыдущие десять дней, когда обуздывал свой аппетит и ел не вволю. Если Робинзон не ошибся в расчетах, через пять дней у него будет подходящая палка (капитальное благо), представляющая собой промежуточный этап, отдаленный во времени (на пять дней) от процесса непосредственного производства (сбор плодов вручную), которым он до этого занимался.

Следует понимать, что *Робинзон должен как можно лучше координировать свое текущее поведение с обозримым будущим поведением*. Точнее говоря, он не должен предпринимать

действий, требующих слишком много времени по сравнению с его сбережениями: для него было бы трагедией остаться без плодов (т.е. съесть все, что удалось накопить), не доведя до конца процесс производства капитального блага и не достигнув, таким образом, своей цели. Ему следует избегать и того, чтобы сберечь больше, чем нужно для его будущих инвестиций, потому что при этом он сократит свое потребление сверх необходимого. Именно субъективная оценка своих временных предпочтений позволяет Робинзону должным образом приспособить свое текущее поведение к предугадываемым будущим потребностям или поведению. С одной стороны, тот факт, что его временные предпочтения допускают известную гибкость, позволяет ему в течение нескольких дней жертвовать частью текущего потребления в надежде, что удастся сделать необходимую ему палку. С другой стороны, тот факт, что у Робинзона есть временные предпочтения, объясняет, почему он направляет свои усилия на создание капитального блага, которое может изготовить за ограниченный период времени, причем для этого потребуются приносить жертвы (сбросить) ограниченное число дней. Как бы то ни было, важно понимать, что именно реальные сбереженные ресурсы (первоначально воплощаемые запасом плодов в корзине) позволяют Робинзону пережить тот период, когда он перестает собирать плоды, чтобы посвятить все время изготовлению капитального блага. По мере того как Робинзон в ходе требующего времени предпринимательского процесса, который ему удастся довести до конца благодаря накопленному запасу потребительских благ, соединяет свой труд с природными ресурсами, некоторые капитальные блага (сбереженные плоды) замещаются другими (деревянным шестом).

В современной экономике, где многие экономические агенты одновременно выполняют разные функции, функцией *капиталиста* является *сбережение*, иными словами, он должен потреблять меньше, чем создаст или производит, чтобы обеспечить рабочих потребительскими благами, необходимыми для поддержания жизни в ходе производственного процесса. (Откладывая плоды, которые потом дают

ему возможность прожить те несколько дней, когда он занят изготовлением палки, Робинзон тоже действует как капиталист.) Таким образом, делая сбережения, капиталист высвобождает ресурсы (потребительские блага), которые могут быть использованы для содержания рабочих, направляющих свою энергию на этапы производства, удаленные от конечного потребления, т.е. на производство капитальных благ.

В отличие от примера с Робинзоном в современной экономике производственная структура крайне сложна и растянута на чрезвычайно длительный период времени. Она состоит из множества этапов, каждый из которых связан со всеми остальными и разделен на многочисленные вторичные процессы, используемые людьми при осуществлении несметного числа постоянно запускаемых проектов деятельности.

Например, *производственная структура* изготовления автомобилей включает сотни и даже тысячи этапов, требующих очень длительного времени (годы и годы), от момента, когда компания принимает решение о проектировании автомобиля (этап, дальше всего отстоящий от конечного потребления), заказывает у поставщиков все необходимые узлы и детали, которые проходят через всевозможные сборочные линии, обеспечивает поставки разных частей двигателя, комплектующих и пр., до тех пор, когда наступает черед этапов, ближе всего стоящих к потреблению, таких как транспортировка готовых машин к дилерам, раскручивание рекламной кампании, проведение презентации и продажа машин потребителям (Skousen 1990).

Ясно, что, подобно тому как разница между «богатым» Робинзоном, имеющим палку, и «бедным» Робинзоном, не имеющим оной, заключена в наличии капитального блага, которое он заполучил благодаря сбережениям, основное различие между богатыми и бедными обществами не связано с превосходством первых ни в прилежании и трудолюбии, ни даже в технологических знаниях. Основное различие вытекает из того факта, что *богатые народы располагают более разветвленной сетью капитальных благ, разумно — с предпринимательской точки зрения — инвестированных. Эти блага состоят из машин, инструментов, компьютеров, компьютерных*

программ, зданий, полуфабрикатов и пр. и существуют благодаря сбережениям, сделанным гражданами этих стран. Далее, капитальные блага, составляющие чрезвычайно разветвленную сеть, которая образует сложнейшую реальную производственную структуру современной экономики, *не вечны*, поскольку в ходе производственного процесса они физически изнашиваются (т.е. потребляются) или устаревают. Это означает, что, если человек хочет сохранить имеющиеся у него средства производства, он должен возмещать амортизацию или износ, а если хочет увеличить число этапов производства, удлинить процессы и сделать их более производительными, ему будет нужно накопить больше сбережений, чем того требуют строгие нормы амортизации, бухгалтерский термин для обозначения износа капитальных благ.

Кроме того, в качестве общего правила следует помнить, что, согласно австрийской теории экономических циклов, капитальные блага с трудом поддаются адаптации к новым целям (производственными процессам), и чем ближе они к этапу конечного потребления, тем труднее найти им новое применение. Так что, если обстоятельства переменятся, если действующий субъект изменит свои планы или поймет, что была допущена ошибка, произведенные до этого средства производства могут оказаться совершенно бесполезными или потребовать для нового использования очень дорогостоящих изменений.

Теперь рассмотрим концепцию *капитала*, которая, с экономической точки зрения, отличается от концепции капитальных благ. Будем считать, что капитал — это *рыночная ценность капитальных благ*, ценность, определяемая людьми, которые покупают и продают капитальные блага на свободном рынке. Таким образом, капитал — это просто абстрактная концепция, инструмент экономического расчета. Иными словами, это делаемая предпринимателями субъективная оценка или суждение о рыночной ценности капитальных благ, на основе которой они их покупают и продают, пытаясь на каждой сделке получить предпринимательскую прибыль. В отсутствие рыночных цен и субъективной оценки величины капитала, используемого на промежуточных этапах про-

изводственного процесса, в современном обществе не удалось бы оценить или рассчитать, превосходит ли конечная ценность товаров, произведенных с использованием капитальных благ, издержки производства и было бы невозможно координированным образом направлять усилия людей, участвующих в разных процессах деятельности.

Вот почему в социалистической экономике, не знающей ни свободных рынков, ни рыночных цен, пожалуй, можно говорить о капитальных благах, но не о капитале. Отсутствие свободного рынка и вмешательство государства в экономику, составляющие сущность социализма, в большей или меньшей степени исключают проявления предпринимчивости в области капитальных благ, вызывая систематическое межвременное рассогласование. Как мы увидим ниже, именно на этой идее строится австрийская теорема о невозможности экономического расчета при социализме. Дело в том, что в отсутствие свободного предпринимательства и свободных рынков денег и капитала невозможно осуществлять необходимые экономические расчеты относительно горизонтального и вертикального расширения разных этапов производственного процесса, результатом чего оказывается широкое распространение рассогласованности, которая разрушает общество и делает невозможным его гармоничное развитие. В предпринимательских процессах межвременной координации ведущую роль играет важная цена — цена настоящих благ в отношении к будущим благам, более известная как *ставка процента*, в современных обществах определяющая соотношение между потреблением, сбережением и инвестициями. Ее анализу посвящен следующий раздел.

4.4. Ставка процента

Как мы видели, люди, при прочих равных, всегда ценят настоящие блага выше, чем будущие. Однако относительная *психическая интенсивность* этого различия в субъективных оценках разных людей очень неодинакова и в зависимости от обстоятельств может значительно меняться на протяжении жизни одного человека. Это различие *психической ин-*

тенсивности субъективных оценок настоящих благ по сравнению с будущими благами, различие, отражаемое на шкале ценностей каждого действующего человека, означает, что на рынке, включающем множество экономических агентов, каждый из которых отличается собственными, причем изменчивыми временными предпочтениями, возникает и множество возможностей для взаимовыгодного обмена.

Соответственно люди с низким временным предпочтением охотно отдадут настоящие блага в обмен на будущие, ценность которых для них лишь несомненно больше, и заключат сделки, отдавая настоящие блага, то, что можно потребить сегодня, людям, имеющим более высокие временные предпочтения, т.е. тем, кто ценит настоящее намного сильнее, чем они. Присущие предпринимательству бдительность и творческая энергия порождают процесс, ведущий к установлению *рыночной цены* на настоящие блага в отношении к благам будущим. С точки зрения австрийской школы, *ставка процента* — это рыночная цена текущих благ, выраженная через будущие блага.

Таким образом, ставка процента — это цена, установленная на рынке, где поставщиками или продавцами настоящих благ являются те, кто *сберегает*; т.е. те, кто относительно больше готов отказаться от немедленного потребления ради более ценных благ в будущем. Покупателями настоящих благ выступают те, кто немедленно потребляет товары и услуги (будь то рабочие, собственники природных ресурсов, капитальных благ или какого-то сочетания того и другого). Рынок настоящих и будущих благ, на котором устанавливается ставка процента, *охватывает всю производственную систему общества*. Здесь те, кто делает сбережения, или капиталисты, отказываются от немедленного потребления и поставляют настоящие блага владельцам первичных факторов производства (рабочим и владельцам природных ресурсов) и собственникам капитальных благ в обмен на право полной собственности на предположительно более ценные потребительские (и капитальные) блага в будущем, когда они будут произведены. Если убрать положительный (или отрицательный) эффект чистых предпринимательских прибылей (или

убытков), разница в цене в тенденции совпадет с величиной ставки процента.

Как подчеркивают экономисты австрийской школы, и это важно понимать, ссудный рынок, на котором можно получить кредит в обмен на обязательство вернуть его с соответствующим процентом, — это лишь сравнительно незначительная часть общего рынка, направляющего работу всей производственной системы, на котором настоящие блага обмениваются на будущие. Здесь собственники первичных средств производства (труда и природных ресурсов) и капитальных благ выступают в качестве покупателей настоящих благ, а те, кто делает сбережения, — в качестве их поставщиков. Поэтому рынок краткосрочных, среднесрочных и долгосрочных кредитов — это просто часть гораздо более широкого рынка, на котором настоящие блага обменивают на будущие и в отношении которого он играет второстепенную и подчиненную роль, несмотря на то что для широкой публики заметнее всего именно ссудный рынок.

Во внешнем мире для непосредственного наблюдения доступны только цифры, которые можно было бы назвать *валовой*, или *рыночной, ставкой процента* (совпадающей со ставкой процента на рынке кредитов), и *валовые бухгалтерские прибыли*, порождаемые на каждом этапе каждого вида производительной деятельности. Первая из этих цифр — ставка процента, как мы ее определили (которую иногда называют первоначальной, или естественной, ставкой процента), плюс *премия за риск* по соответствующей операции, плюс/минус *премия за ожидаемую инфляцию/дефляцию*, т.е. за ожидаемое повышение или уменьшение покупательной способности денежной единицы, используемой в обмене настоящих благ на будущие и в расчетах подобного рода операций.

Вторая рыночная цифра, доступная непосредственному наблюдению, — это валовая бухгалтерская прибыль, приносимая конкретной производительной деятельностью на каждом этапе производственного процесса. В тенденции эта прибыль соответствует валовой, или рыночной, ставке процента, как мы ее определили в предыдущем абзаце, плюс/минус чистый предпринимательский прибыль/убы-

ток. Поскольку из-за конкуренции между предпринимателями предпринимательские прибыли и убытки на всех рынках стремятся к нулю, для каждой производительной деятельности бухгалтерская прибыль за отчетный период стремится к величине валовой рыночной ставки процента. Поэтому возможна ситуация, когда компания, несущая предпринимательские убытки, сообщает о бухгалтерской прибыли, когда последняя не достигает величины, превосходящей вмененную валовую/рыночную ставку процента на ресурсы, инвестированные капиталистом в течение финансового года.

В современной экономике текущее и будущее поведение приводятся в соответствие посредством предпринимательской деятельности на рынке, на котором настоящие блага обмениваются на будущие и устанавливается ставка процента, т.е. рыночная цена одного вида благ, выраженная через другой вид благ. Таким образом, чем изобильнее сбережения, т.е. чем больше предложение или объем продаж настоящих благ на рынке, тем, при прочих равных, ниже их цена, выраженная в будущих благах, и соответственно тем ниже рыночная ставка процента. Для предпринимателей это служит указанием на то, что существует большее количество настоящих благ, позволяющее им, увеличив длительность и сложность этапов их производственных процессов, тем самым сделав эти этапы более производительными. Напротив, чем меньше сбережений, т.е. чем меньше, при прочих равных, готовность экономических агентов отказаться от немедленного потребления в настоящем, тем выше рыночная ставка процента. Таким образом, высокая рыночная ставка процента показывает, что сбережения относительно невелики, т.е. для предпринимателей это безошибочное указание на то, что следует избегать чрезмерного удлинения различных этапов производственного процесса, чреватого утратой согласованности или адаптированности, представляющей опасной для перспектив устойчивого и гармоничного развития общества. Проще говоря, процентная ставка сообщает предпринимателям, какие новые производственные этапы или инвестиционные проекты они не могут и не должны осуществлять, а какие могут и должны, чтобы

поддерживать согласованность, насколько это в человеческих силах, поведения потребителей, инвесторов и тех, кто делает сбережения, и избегать того, чтобы разные этапы производства оставались слишком короткими или чрезмерно удлинялись.

Во всех современных экономиках процентная ставка в качестве рыночной цены или единого для общества коэффициента временного предпочтения играют ключевую роль в координировании поведения потребителей, производителей и тех, кто делает сбережения. Австрийская теория экономических кризисов, разработанная Мизесом и Хайеком, опирается именно на теоретический анализ последствий денежной политики манипулирования процентными ставками, ведущей к рассогласованию поведения экономических агентов и соответственно к искажению производственной структуры общества, неизбежным результатом чего оказывается болезненный процесс реорганизации или реконверсии в ходе экономического спада.

4.5. Бём-Баверк против Маршалла

Несмотря на вышеупомянутый временный альянс между австрийцами и неоклассиками в период спора о методах, или *Methodenstreit*, в последние годы XIX и в начале XX в. имел место еще целый ряд захватывающих дискуссий.

В первой из этих теоретических стычек участвовали Бём-Баверк и Маршалл. Австриец упрекал Маршалла в том, что в англоязычном мире тот препятствует ясному пониманию начатой Менгером субъективистской революции, и особенно в том, что он пытается реабилитировать старый объективизм Рикардо, по крайней мере в отношении предложения, используя для объяснения цен функции спроса и предложения. Действительно, Маршалл прибег к метафоре про знаменитые ножницы, два лезвия которых (спрос и предложение) совместно устанавливают равновесные цены на рынке. Маршалл хоть и соглашался, что спрос в основном определяется субъективными соображениями полезности, но при этом считал, что предложение определяется главным образом

«объективными» соображениями, в том числе историческими (т.е. «данными» и известными) издержками производства.

Бём-Баверк резко выступил против доктрины Маршалла, заявив: английский экономист игнорирует тот факт, что издержки — это также субъективная ценность (т.е. субъективная оценка целей, от которых отказывается действующее лицо), а денежные издержки — просто рыночные цены факторов производства, цены которых тоже в конечном счете определяются оценками полезности всех остальных альтернативных потребительских благ, какие могут быть произведены с их участием. Таким образом, не подлежит сомнению, что не одно, а оба лезвия знаменитых ножниц Альфреда Маршалла тесно связаны с субъективными оценками полезности (Böhm-Bawerk 1959c, 3:97—115; 1962a, 303—370).

4.6. Бём-Баверк против Маркса

Не меньшее значение имеет сокрушительная критика, направленная Бём-Баверком против марксистской теории эксплуатации, или прибавочной стоимости, вошедшая в первый том книги «Капитал и процент» (Böhm-Bawerk 1959a; Бём-Баверк 1909).

Бём-Баверк выдвинул против марксистской позиции следующие аргументы. Во-первых, не все экономические блага являются продуктом труда. *Природные ресурсы* редки и полезны для достижения людских целей, а потому представляют собой экономические блага, хотя не являются плодом труда. Более того, два блага, воплощающих равное количество труда, несомненно, могут иметь разную рыночную цену, если различаются необходимые для их производства *периоды времени*.

Во-вторых, ценность благ *субъективна*, потому что, как мы уже объяснили, ценность — это всего лишь оценка, формируемая действующим человеком и проецируемая им на средства, оцениваемые им по их важности для достижения определенной цели. Таким образом, блага, заключающие в себе большое количество труда, на рынке могут стоить очень мало или вовсе ничего, если действующий субъект

позднее поймет, что они бесполезны для достижения любой цели.

В-третьих, сторонники трудовой теории ценности виновны в неразрешимом противоречии и в совершении ошибки, порождающей порочный круг умозаключений: идея, согласно которой, с одной стороны, труд определяет ценность экономических благ, а с другой — ценность труда определяется ценностью экономических благ, необходимых для его воспроизводства и поддержания производительная способности рабочего, представляет собой пример порочного круга, потому что остается неясным, что именно определяет ценность.

И, в-четвертых, Бём-Баверку ясно, что сторонники теории эксплуатации не имеют никакого представления о законе *временного предпочтения* и соответственно о концепции, согласно которой при прочих равных настоящие блага всегда ценятся дороже будущих. Эта ошибка заставляет их настаивать на том, чтобы рабочие получали больше, чем они действительно произвели, потому что приверженцы этой теории доказывают, что денежная оплата труда рабочего должна быть равна всей стоимости произведенной продукции, полный цикл производства которой требует периодов времени разной продолжительности. Здесь есть только две возможности: рабочие могут решить, что будут ждать окончания полного производственного цикла и станут в итоге полными собственниками конечной продукции (как в кооперативах), либо они останутся на положении наемных работников и тогда получают авансом текущую стоимость конечной продукции (ее конечную стоимость, дисконтированную по ставке процента). Но требовать, чтобы рабочие сейчас получали полную стоимость продукции, производство которой будет окончено только в некоем отдаленном будущем, очевидным образом несправедливо, поскольку тогда рабочие будут получать больше, чем они в действительности произвели.

Кроме всего прочего, Бём-Баверк написал статью, посвященную демонстрации логических противоречий и непоследовательности Маркса, попытавшегося в третьем томе «Капитала» разрешить ошибки и противоречия первого тома

своей работы (Böhm-Bawerk 1962b, 201—302; Бём-Баверк 2002, 3—135).

4.7. Бём-Баверк против Джона Бейтса Кларка и его мифической концепции капитала

В целом неоклассическая школа, приняв на вооружение традицию, предшествовавшую субъективистской революции, предполагает горизонтальную систему производства, в которой разные однородные факторы производства порождают потребительские блага и услуги. Не было даже попытки погрузить эти факторы в пространство и время через соотношение их с временной структурой стадий производства. В отличие от представителей австрийской школы, которые уделяют этому вопросу особое внимание. Статическая схема нашла отражение в работе Джона Бейтса Кларка (1847—1938), доведшего ее до логического завершения. Кларк был профессором экономики Колумбийского университета в Нью-Йорке, и его антисубъективистские построения в области теории капитала и процента до сих пор служат фундаментом неоклассически-монетаристского подхода.

У Кларка производство и потребление *одновременны*. С его точки зрения, производственные процессы не делятся на этапы и нет необходимости ждать в течение хоть какого-то периода времени, пока процесс производства даст результаты. Кларк рассматривает капитал как вечный или *постоянный фонд*, «автоматически» порождающий прибыли в форме процента. Согласно Кларку, чем больше этот общественный фонд капитала, тем ниже процент. В его модели временные предпочтения не оказывают никакого влияния на величину процента (Clark 1893, 302—315; 1895, 257—278; 1907). Более того, как мы увидим в главе, посвященной Хайеку, Фрэнк Найт, Стиглер, Фридмен и остальные члены чикагской школы целиком и полностью разделяют взгляды Кларка.

Очевидно, что развитая Кларком концепция производства представляет собой просто перенос на теорию капитала предложенной Вальрасом идеи общего равновесия. Как известно, Вальрас разработал экономическую модель об-

шего равновесия в форме системы *совместных** уравнений, предназначенных для объяснения того, как определяются рыночные цены разных товаров и услуг. С точки зрения теории австрийской школы, главным пороком модели Вальраса является то, что система совместных уравнений предполагает взаимодействие величин (переменных и параметров), которые во времени проявляются не одновременно, а *последовательно*, по мере того как действия участников экономической системы продвигают вперед процесс производства. Короче говоря, предложенная Вальрасом модель общего равновесия — это строго статическая модель, устанавливающая соотношение между величинами, неоднородными в плане времени: модель не учитывает время и описывает взаимодействие якобы одновременных переменных и параметров, которые в реальной жизни никогда не проявляются одновременно.

С точки зрения логики невозможно объяснить реальные экономические процессы с помощью экономической модели, в которой отсутствуют время и анализ того, что происходит при последовательном запуске рыночных процессов. Поразительно, что такого рода теория до сих пор широко принята в экономической науке и излагается в большинстве вводных курсов экономической теории. Почти все учебники начинают с объяснения модели «кругооборота дохода», описывающей взаимозависимость производства, потребления и обмена между разными экономическими агентами (домохозяйствами, компаниями и пр.). В этих объяснениях совершенно игнорируется роль времени в развитии экономических событий. Иными словами, эта модель опирается на предположение, что все действия осуществляются *одномоментно* — на ложное и безосновательное «упрощение», не только мешающее решению реальных, жизненно важных экономических вопросов, но и образующее почти непреодолимое препятствие для их обнаружения и анализа.

Бём-Баверк незамедлительно отреагировал на объективистскую позицию Кларка и его школы. Он, например, на-

* По-английски «одновременных». — *Прим. ред.*

звал предложенную Кларком концепцию капитала *мистической и мифологической*, указав на то, что процессы производства никогда не зависят от загадочного однородного фонда, а неизменно опираются на совместное действие конкретных капитальных благ, которые предприниматель должен сначала задумать, произвести, отобрать и соединить в рамках протекающего во времени экономического процесса. Более того, согласно Бём-Баверку, Кларк рассматривает капитал как своего рода «ценностной студень», или фиктивное понятие. Бём-Баверк проникательно предостерегает, что принятие подобной идеи чревато грубыми ошибками в будущем развитии экономической теории. Он с поразительной точностью предсказал, что принятие круговой статичной модели Кларка неизбежно приведет к возрождению давно дискредитированных доктрин недопотребления, и правота его была доказана появлением Кейнса и его школы (Böhm-Bawerk 1895, 113—131).

Теории, подобно созданной Кларком, связывающие процент с предельной производительностью, Бём-Баверк считает несостоятельными. Согласно ему, теоретики, утверждающие, что процент определяется предельной производительностью капитала, не способны объяснить среди всего прочего, почему конкуренция между предпринимателями не ведет к тому, чтобы текущая рыночная ценность капитальных благ была равна их ожидаемой производительности, что устранило бы разрыв между величиной издержек и ценностью производимой продукции. По верному замечанию Бём-Баверка, теории, основанные на производительности, — не более чем пережиток объективистской концепции ценности, согласно которой ценность определяется историческими издержками, понесенными при производстве различных товаров и услуг. Однако издержки определяются ценами, а не наоборот, и знание этого факта восходит по меньшей мере к Саравиа-де-ла-Калье. Экономические агенты идут на издержки, потому что считают, что цена производимых ими потребительских благ будет выше этих издержек. Тот же принцип применяется к предельной производительности каждого капитального лага, которая

определяется в конечном итоге *будущей* ценностью потребительских благ и услуг, которые можно будет произвести с помощью этого капитального блага. Дисконтируя эту величину, мы получаем текущую рыночную ценность капитального блага (не имеющую никакого отношения к издержкам на его производство).

Таким образом, происхождение и существование процента не должны зависеть от капитальных благ, а, как мы уже отметили, должны опираться на субъективные временные предпочтения людей. Легко понять, почему теоретики из школы Кларка—Найта пришли к ошибочной идее, что ставка процента определяется предельной производительностью капитала. Достаточно отметить, что для равенства процента и предельной производительности капитала необходимо следующее: во-первых, ситуация совершенного равновесия, в которой не происходит никаких изменений; во-вторых, концепция капитала как мифического фонда, который воспроизводит сам себя и не требует особых предпринимательских решений об амортизации; и, в-третьих, концепция производства как мгновенного, не занимающего времени «процесса». При соблюдении этих трех условий, абсурдных в силу своей нереалистичности, рента, приносимая средством производства, всегда равна процентной ставке. В свете этого факта нетрудно понять, что теоретики, воодушевленные синхронной, мгновенной концепцией капитала, были введены в заблуждение математическим равенством дохода и процента в подобной гипотетической ситуации и перешли отсюда к теоретически недопустимому выводу, что производительность определяет ставку процента, а не наоборот, как утверждают австрийцы. Члены австрийской школы считают, что от величины предельной производительности (т.е. от величины будущего потока доходов) зависит только рыночная цена каждой единицы средств производства, цена, которая тяготеет к величине текущего, дисконтированного (по ставке процента) потока ожидаемых доходов. В то же время повышение (или понижение) ставки процента (определяемой временным предпочтением) ведет к понижению (или повышению) текущей

ценности (рыночной цены) каждой единицы средств производства (независимо от издержек на ее производство) через соответствующий процесс дисконтирования (по ставке процента) ожидаемого будущего потока доходов, и ровно до тех пор, пока эта величина не совпадет со ставкой процента (и необходимой нормой амортизации) (Böhm-Bawerk 1959b; Mises 1996; Мизес 2005).

В общем, после гиперреализма историцистов Бём-Баверк теперь осудил гипореализм, т.е. недостаток, а вернее, полное отсутствие реализма в созданной Кларком и его приспешниками статической концепции капитала. Каждый производственный процесс занимает какое-то время, и прежде чем цель будет достигнута, нужно пройти через ряд этапов, имеющих форму чрезвычайно разнородных и изменчивых капитальных благ. Ни при каких условиях капитальные блага не воспроизводят сами себя; напротив, они возникают только постепенно, в результате конкретных предпринимательских действий и решений, без которых нам грозило бы проедание и полное исчезновение существующих капитальных благ.

Более того, как мы уже отметили, Бём-Баверк полагает, что цена капитальных благ определяется не историческими издержками производства, понесенными в связи с их созданием, а оценкой, дисконтированной по ставке процента, величины их будущей производительности, так что это производство неизменно следует за величиной процента (определяемой временным предпочтением), а не наоборот.

Неоклассические экономисты считают, что равновесная ставка процента определяется одновременно предложением капитала и спросом на него, где субъективные соображения временных предпочтений определяют предложение, а предприниматели определяют спрос, исходя из предельной производительности капитала (т.е. из преимущественно объективных соображений). Этот подход схож с тем, который был разработан Маршаллом для определения установления цен на рынке, а Бём-Баверк и австрийская школа в целом отвергают его и подчеркивают, что, предъявляя спрос на средства, предприниматели выступают в качестве простых *посредни-*

ков, действующих от лица рабочих и собственников факторов производства, которые в конечном итоге и предъявляют спрос на настоящие блага в форме заработной платы и ренты, а в обмен передают предпринимателям собственность на будущие блага большей ценности (которые станут доступны, только когда завершится процесс производства).

Вот почему, с точки зрения экономистов австрийской школы, обе стороны — как предложение капитальных благ, так и спрос на них — зависят от субъективных временных предпочтений. Эта линия аргументации в области определения ставки процента воспроизводит ту, которую Бём-Баверк использовал, критикуя Маршалла за желание сохранить, хотя бы на одной стороне процесса ценообразования, старую объективистскую рикардианскую концепцию, характерную для классической школы экономической теории.

4.8. Визер и субъективная концепция альтернативных издержек

Еще одним часто цитируемым австрийским теоретиком является Фридрих фон Визер (1851—1926), свояк Бём-Баверка, который был университетским профессором сначала в Праге, а затем в Вене. Заслуживает внимания его существенный вклад в развитие менгеровской субъективистской концепции издержек, понимаемых как субъективная ценность, приписываемая действующим субъектом тем целям, которыми он жертвует в ходе действия (субъективная концепция альтернативных издержек). Стоит отметить и придуманный Визером термин *grenznutzen*, или предельная полезность (от *grenz* — граница и *nutzen* — полезность). Однако позднее стало ясно, что Визер находился в большей степени под влиянием не австрийской, а лозаннской школы. Собственно говоря, Мизес даже пишет, что Визер «не был творческим мыслителем и в целом был скорее вреден, чем полезен. Он никогда по-настоящему не понимал истинного смысла идеи субъективизма для австрийской школы мысли и в результате совершал много досадных ошибок. Его теория вменения несостоятельна. Его идеи о расчетах стоимости оправдывают

вывод, что его следует считать членом скорее не австрийской школы, а лозаннской (Леон Вальрас и др. и идея экономического равновесия)» (Mises 1978, 38).

4.9. Триумф модели равновесия и позитивистской теоретической модели

Вплоть до 1930-х годов экономисты использовали модель равновесия как своего рода вспомогательный интеллектуальный инструмент, предназначенный, методом от противного, для развития теории реальных рыночных процессов. Но в 30-е годы большинство экономистов перестали рассматривать модель равновесия как вспомогательный инструмент и постепенно начали воспринимать ее как единственный значимый объект исследований. В этот период неоклассические экономисты превратили модель равновесия в центральный пункт исследований, и экономисты в целом постепенно утратили интерес к изучению динамических рыночных процессов. В результате исследовательская программа австрийской школы оказалась в изоляции, а члены школы зачастую сами не осознавали того, что в доминирующей школе экономической мысли произошли кардинальные перемены. По словам Хикса, в действительности австрийцы вовсе не были особой сектой за пределами основного течения экономической науки. Более того, до этого периода именно они и представляли собой основное течение, тогда как остальные (ранние неоклассики, занимавшиеся моделью равновесия) пребывали за пределами доминирующей школы (Hicks 1973, 12).

Следует признать, что в течение ряда лет напряженность отношений между двумя концепциями равновесия — как вспомогательного инструмента или как фокальной точки исследований — оставалась скрытой. Свидетельство этого можно найти у Парето. В 1906 г. он признавал чисто вспомогательную роль модели равновесия, когда в связи с системой уравнений, описывающих равновесие, заметил: «С практической точки зрения, это находится за пределами возможностей алгебраического анализа... В этом случае роли поме-

няются, и уже не математика сможет помочь политической экономии, а политическая экономия поспешит на помощь математике. Иными словами, если бы все эти уравнения были действительно известны, единственный способ их решения заключался бы в том, чтобы наблюдать за реальными решениями, которые дает рынок» (Pareto 1971, 171). Однако в той же самой работе (Pareto 1971, 120), высказываясь об идее предложенных Эджуортом кривых безразличия, Парето заключает: в том, что касается определения экономического равновесия, реальный рыночный процесс и «индивидуум могут исчезнуть, при условии, что оставят нам фотграфию своих вкусов».

Это напряжение (или, вернее, противоречие) между реализмом и моделью равновесия проступает еще более рельефно, когда рассматривать все работы Парето. Как известно, он был не только теоретиком общего равновесия, но и видным социологом, давшим жизнь целой школе итальянской социологической мысли в области государственных финансов.

На вышеописанную эволюцию экономической мысли серьезно повлиял триумф панфизикализма и методологического монизма, т.е. идей Шлика, Маха и других позитивистов Венского кружка, которые требовали применения методов физики с ее постоянством функциональных отношений и лабораторными экспериментами во всех науках, в том числе и в экономической теории. Эту методологическую цель, которую Вальрас открыто позаимствовал при чтении трактата, написанного физиком Пуансо, полностью и безусловно разделял Шумпетер начиная уже с 1908 г., когда была опубликована его книга «Природа и сущность теоретической экономики».

Визер, который по крайней мере в сфере методологии оставался на позициях австрийской школы, дал резко критическую отповедь панфизикализму Шумпетера в рецензии на его книгу (Wieser 1911). В особенности он критиковал Шумпетера за уступки методологическому инструментализму (который позднее был взят на вооружение Милтоном Фридменом и позитивистами чикагской школы), а также за его попытку применить в экономической науке чуждые

ей методы физики и механики (ошибка, которую Хайек впоследствии окрестил «сциентизмом»). Эту ошибку особенно наглядно иллюстрирует случай Леона Вальраса. Он впал в нее, прочтя, чуть ли не в один присест, трактат физика Луи Пуансо, где описывается, как взаимосвязанные части физической системы удерживаются в равновесии действием противоположных сил. Вальрас сообщает, что читал книгу Пуансо в течение нескольких дней и решил использовать ее как модель своей исследовательской программы. С этого момента целью Вальраса было сделать для экономической науки то же, что Пуансо сделал для физики и механики (Mirowski 1991).

Неудивительно, что теоретикам австрийской школы, которых занимало построение теории реальных динамичных рыночных процессов, никогда не знающих равновесия, это направление исследований представлялось крайне ошибочным. Кроме того, Визер порицает панфизикалистов за неспособность понять, что законы экономической теории по необходимости должны быть генетико-каузальными*, а не функциональными, поскольку происхождение явлений здесь открывается путем интроспекции, а функциональные взаимосвязи, как мы уже отметили, синхронны, не оставляют места для времени и предпринимательского творчества и устанавливают связи между разнородными количествами с временной точки зрения.

Однако только после работ Мизеса и Хайека представители австрийской школы в полной мере осознали методологическую пропасть между собой и коллегами, изучающими неоклассическую модель равновесия. Это осознание пришло в ходе двух других важных дискуссий с участием австрийцев: дискуссии по вопросу о невозможности социализма и полемики между Хайском и Кейнсом. Ниже мы детально рассмотрим вклад, сделанный Мизесом и Хайеком, а также ключевую роль этих дискуссий в последующем развитии австрийской парадигмы.

* «Генетический» в данном контексте указывает на временную последовательность. — *Прим. ред.*

Глава 5

ЛЮДВИГ ФОН МИЗЕС И ДИНАМИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ РЫНКА

5.1. Введение

Людвиг фон Мизес больше любого другого члена австрийской школы преуспел в выделении сущности выдвинутых Менгером принципов и в применении их к новым областям экономической науки, что обусловило существенный подъем австрийской школы в XX в. По словам самого Мизеса, «то, что отличало австрийскую школу и обеспечило ей вечную славу, — это доктрина экономической деятельности, противостоящая принципам экономического равновесия или отсутствия деятельности» (Mises 1978, 36). Мизес лучше других применил эту динамическую концепцию рынка в новых областях и при этом распространил ее на теорию денег, кредита и экономических циклов, создал изолированную теорию предпринимательства как координирующей и движущей силы рынка, детально проработал и уточнил методологические основания школы и теории динамики как альтернативы концепциям, основанным на идее равновесия. Все эти достижения оказались, говоря книжным языком, крайне стимулирующими и плодотворными. В общем, Мизес придал австрийской школе мощный импульс в области теории, опираясь на который его ученики во главе с Хайеком обеспечили мощное возрождение австрийской школы в последние десятилетия XX в.

5.2. Краткий биографический очерк

Людвиг Эдлер фон Мизес родился 29 сентября 1881 г. в городе Лемберге, в пределах тогдашней Австро-Венгерской империи. Сегодня родной город Мизеса называется Львов и

находится на территории Республики Украина. Отец Людвиг получил образование в Цюрихском политехническом институте и стал влиятельным инженером, специалистом по строительству железных дорог. Людвиг был старшим из трех братьев, один из которых умер в детстве, а другой, Ричард, с которым у Людвигу всю жизнь были весьма прохладные отношения, стал видным математиком и логическим позитивистом.

Мизес рассказывает о себе, что стал экономистом, прочитав в рождественские дни 1903 г. книгу Карла Менгера «Основания политической экономики» (Mises 1978, 33). Степень доктора права Мизес защитил 20 февраля 1906 г. и до 1914 г. посещал экономический семинар Ойгена Бём-Баверка. Мизес быстро выделился как самый блистательный из участников этого семинара наряду с Й. Шумпетером, которого всегда считал чрезвычайно путаным и несерьезным теоретиком; озабоченный прежде всего производимым им впечатлением, тот попал в ловушку неоклассического сциентизма и отверг прославленную австрийскую традицию.

В 1906 г. Мизес начал преподавать. В течение шести лет он вел курс экономики в Венской женской коммерческой академии, а начиная с 1913 г. в течение двадцати лет был приват-доцентом Венского университета. В 1934 г. Мизес получил место профессора международных экономических отношений в Высшем институте международных исследований в Женеве, Швейцария. С началом Второй мировой войны Мизес, спасаясь от Гитлера, переехал в США, получил гражданство и стал профессором Нью-Йоркского университета, где преподавал до выхода в отставку в 1969 г.

В 1920 г. Мизес создал и до 1934 г. вел знаменитый экономический семинар (*Privatseminar*), работавший в его кабинете в Венской Торговой палате, где он служил руководителем финансового управления и генеральным секретарем, что давало ему возможность оказывать серьезное влияние на экономическую политику своей страны. Этот семинар, работавший по пятницам во второй половине дня, посещали не только его ученики, писавшие под руководством Мизеса свои докторские диссертации, но также, по личному пригла-

шению, весьма известные экономисты со всего мира. В работе семинара регулярно участвовали Фридрих Хайек, Фриц Махлуп, Готтфрид фон Хаберлер, Оскар Моргенштерн, Паль Розенштейн-Родан, Феликс Кауфман, Альфред Шюц, Рихард фон Штригль, Карл Менгер (математик, сын Карла Менгера, основателя австрийской школы) и Эрик Фогелин — это если говорить о немецкоязычных участниках. Из Великобритании и США приезжали среди прочих Лайонел Роббинс, Хью Гейтскелл, Рагнар Нерске и Алберт Харт. Позднее, уже в Америке, Мизес возобновил семинар, который работал в Нью-Йоркском университете вечером по четвергам с осени 1948 г. по весну 1969 г. Среди множества участников второго периода выделяются будущие профессора Мюррей Ротбард и Израэл Кирцнер.

Людвиг фон Мизес был удостоен почетной степени доктора Нью-Йоркского университета и, по ходатайству Ф. А. Хайека — Фрайбургского университета (г. Брейсгау, Германия). Кроме того, в 1962 г. он получил австрийскую почетную медаль за вклад в науки и искусства, а в 1969 г. был провозглашен почетным членом Американской экономической ассоциации. Мизес скончался в Нью-Йорке 10 октября 1973 г., за год до того, как лучший из его учеников, Ф. А. Хайек, получил Нобелевскую премию по экономике за вклад в экономическую науку. За свою жизнь Мизес опубликовал 22 книги и сотни статей и монографий по экономическим вопросам, труды, которые Беттина Бьен Гривз и Роберт Макги каталогизировали и аннотировали в двух толстых томах (Bien Greaves and McGee 1993, 1995).

Судьба даровала Мизесу долгую жизнь в науке, растянувшуюся почти на семь десятилетий XX в., и репутацию экономиста со всемирной славой (Rothbard 1973). Уже в 1944 г. Генри Саймонс отзывался о нем как о величайшем из живущих профессоров экономики. Даже Милтон Фридмен, позитивистски настроенный экономист чикагской школы, которого никто не заподозрил бы в сочувствии теоретическим взглядам Мизеса, вскоре после его смерти отзывался о нем как о величайшем экономисте всех времен (Mises 1995, 1). Морис Алле, другой лауреат Нобелевской премии

по экономике, написал, что Мизес был «человеком исключительного ума, внесшим выдающийся вклад в экономическую науку» (Allais 1989, 307). Наконец, Роббинс в автобиографии написал о Мизесе: «Но я не в силах вообразить, что кто-либо, не ослепленный политическими предрассудками, может прочесть его основные работы, ...и его авторитетный трактат «Человеческую деятельность», не испытав при этом чувства, что перед ним труд редкостных достоинств и интеллектуальный стимул высшего порядка...» (Robbins 1971, 108).

5.3. Теория денег, кредита и экономических циклов

С самого начала своей научной карьеры, еще посещая семинар Бём-Баверка, Мизес осознавал необходимость распространить разработанную Менгером субъективистскую концепцию экономической теории на область денег и кредита и проанализировать то, как манипулирование инструментами кредитной и денежной политики сказывается на структуре капитальных благ (в трактовке Бём-Баверка). Уже в 1912 г., в возрасте 31 года, Мизес опубликовал первое издание книги «Теория денег и средств обращения» (Mises 1980), которая быстро стала классическим трактатом по денежной теории во всех странах континентальной Европы.

Этот первый плодотворный вклад Мизеса в сфере денег стал большим шагом вперед, углубившим субъективизм и динамическую австрийскую концепцию путем применения их к теории денег и связав ценность денег с теорией предельной полезности. По сути дела, Мизес первым разобрался в казавшейся неразрешимой проблеме порочного круга, которая, как считалось в то время, не позволяла применить теорию предельной полезности к феномену денег. В самом деле, цена, или покупательная способность, денег определяется спросом и предложением; в свою очередь спрос на деньги предъявляют люди, исходящие не из непосредственной полезности денег, а именно из их покупательной способности. Мизес разорвал этот порочный круг аргументации

с помощью своей *теоремы регрессии* (Mises 1996; Мизес 2005). Согласно этой теореме, спрос на деньги определяется не их *сегодняшней* покупательной способностью (что привело бы нас к порочному кругу), а основанным на опыте знанием их *вчерашней* покупательной способности. Вчерашняя покупательная способность в свою очередь определяется спросом на деньги, опирающимся на знание действующих лиц о позавчерашней покупательной способности денег. Этот процесс ведет нас назад в прошлое, вплоть до той точки истории, когда впервые появился спрос на определенный товар (золото или серебро) как на средство обмена. Таким образом, теорема регрессии — это просто ретроспективное применение предложенной Менгером теории эволюционного возникновения денег.

Как было отмечено выше, «Теория денег и средств обращения» быстро стала классическим сочинением в области денежной теории и в качестве такового использовалась во всех престижных университетах континентальной Европы. Мы говорим о континентальной Европе, потому что на английский работу перевели только в 1930-х годах, из-за чего ее влияние на англосаксонский мир было, к сожалению, невелико. Кейнс, например, признается: «Я больше использовал бы работы этих авторов [Мизеса и Хайека], если бы их книги, попавшие мне в руки, только когда эти страницы уже были в типографии, появились раньше, когда мои идеи только формировались, и если бы мое знание немецкого не было настолько скверным (на немецком я в состоянии понять только то, что уже знаю, так что из-за трудностей с языком новые идеи мне недоступны)» (Keynes 1971).

В этой книге Мизеса намечена блистательная теория экономических циклов, которая со временем стала известна как австрийская теория делового цикла. Применяв теории английской денежной школы к разработанной Бём-Баверком субъективистской теории капитала и процента, Мизес осознал следующее: когда управляемая центральным банком банковско-кредитная система с частичным резервированием вступает на путь экспансионистского создания кредитов и депозитов, не обеспеченных реальными сбережениями

(фидуциарные средства обращения), это не только провоцирует циклический, неконтролируемый рост объема денежной массы, но и неизбежно, поскольку кредиты создаются *ex nihilo* под искусственно заниженную ставку процента, ведет к искусственному, неустойчивому «удлинению» производственных процессов, которые в результате делаются чрезмерно капиталоемкими.

Согласно Мизесу, усиление любого инфляционного процесса посредством кредитной экспансии рано или поздно стихийно и неумолимо порождает попятное движение и провоцирует кризис или экономический спад, который выявляет все совершенные инвестиционные ошибки, ведя к массовой безработице и вызывая необходимость ликвидации и размещения заново всех неверно инвестированных ресурсов. Для устранения повторяющихся экономических циклов Мизес предложил создать банковскую систему со 100-процентными резервными требованиями для вкладов до востребования и завершил свою книгу следующим утверждением: «Теперь очевидно, что единственное средство устранить всякое влияние человека на кредитную систему — это пресечь все дальнейшие выпуски фидуциарных средств обращения. Основную концепцию закона Пилля нужно сформулировать по-новому и провести в жизнь с большей полнотой, чем это было сделано в его время в Англии, охватив законодательным запретом и выпуск кредитов в форме остатков банковских счетов. ...Было бы ошибкой предполагать, что современная организация обмена обречена существовать вечно. Она несет в себе семена саморазрушения. Развитие фидуциарных средств обращения неизбежно приведет к ее развалу» (Mises 1980; Мизес 2007).

Разработанная Мизесом теория цикла впервые сделала возможным объединение микро- и макроаспектов экономической теории, которые до тех пор существовали обособленно, поскольку считалось невозможным применить к деньгам теорию предельной полезности, а потому вся теория денег строилась на агрегированных показателях вроде общего уровня цен. Более того, Мизес предложил аналитические инструменты, позволяющие объяснить повторя-

ющиеся бумы и спады, поражающие регулируемые рынки с того самого момента, когда возникли современные банковские системы с частичным резервированием, включая серьезные эпизоды стагфляции 1970-х и недавние финансовые и экономические кризисы азиатских рынков (Huerta de Soto 2006, 479—503; Уэрта де Сото 2007). Поэтому ничего удивительного, что именно Мизес стоял за созданием Австрийского института исследований делового цикла, первым руководителем которого он назначил Ф. А. Хайека, и что только этот институт смог предсказать Великую депрессию 1929 г. как неизбежный результат последовавших за Первой мировой войной эксцессов денежной и кредитной политики «ревуших» 1920-х (Skousen 1993, 247—284; Скоузен 2002). Более того, следует подчеркнуть, что параллельно с анализом невозможности социализма, чему посвящен следующий раздел, Мизес и его ученики отшлифовали теорию цикла. Австрийская теория кризиса может рассматриваться просто как применение более широкой теории к частному случаю, особенностью которого является рассогласование, вызываемое правительственным вмешательством, осуществляемым средствами фискальной, кредитной и денежной политики, вмешательством, которое всегда ведет к системному рассогласованию производственной структуры экономики (как внутри-, так и межвременному).

5.4. Теорема о невозможности социализма

Третьим важнейшим вкладом Мизеса была его теория о неосуществимости социализма.

Мизес утверждал, что с позиций субъективизма австрийской школы такая невозможность очевидна, а неспособность неоклассических авторов заметить это проистекает прежде всего из ошибочности их методологического подхода, в частности из того факта, что в их моделях состояний равновесия предполагается доступность всей информации, необходимой для достижения равновесия: «Иллюзия, что в обществе, основанном на государственной собственности на средства производства, возможен рациональный порядок

экономического управления, обязана своим происхождением теории ценности классической школы и неспособности многих современных экономистов продумать последовательно продумать до конечных выводов фундаментальные теоремы субъективистской теории. ...Воистину именно ошибки этих школ позволили расцвести социалистическим идеям» (Mises 1996; Мизес 2005, 195—196).

Согласно Мизесу, источником всякого волевого акта, мнения и знания является творческая способность действующего человека, а потому любая система, основанная на насильственном принуждении, используемом для подавления свободной человеческой деятельности, как это имеет место в случае социализма и, в меньшей степени, интервенционизма, препятствует возникновению в сознании действующих субъектов информации, необходимой для координации общества. Мизес осознал, что *экономический расчет*, понимаемый как любое ценностное суждение о результатах альтернативных направлений деятельности*, открытых перед человеком, требует доступности информации из первых рук и оказывается невозможным в системе, которая, подобно социалистической, опирается на принуждение и разрушает, в большей или меньшей степени, добровольный обмен (в ходе которого личные оценки проявляются, обнаруживаются и создаются) и свободное использование денег, понимаемых как добровольно выбранное и общепринятое средство обмена.

Концепция и анализ экономического расчета и его значения в сфере экономической теории составляют один из важнейших аспектов мизесовской мысли. Пожалуй, величайшей заслугой Мизеса в этой области является то, что он теоретически установил связь между субъективной, внутренней сферой личных оценок (порядковая) и внешней сферой рыночно-ценовых оценок, выраженных в форме денежных единиц (количественная сфера экономического расчета). «Мостик» между этими двумя сферами оказывается возможен всякий раз, когда расходящиеся субъективные оценки

* См. : Мизес Л. фон. Человеческая деятельность. С. 190—218.

приводят к межличностному обмену, находящему воплощение в денежной рыночной цене, т.е. в исторической пропорции обмена в денежных единицах, в цене, обладающей определенной, количественной, реальной природой, такой, к которой предприниматель сможет позднее обратиться как к ценной информации, помогающей предсказывать ход будущих событий и принимать решения (экономический расчет). Поэтому ясно, что, если силой убрать свободу человеческой деятельности, добровольные межличностные обмены прекратятся, что приведет к разрушению мостика или связи между субъективной, внутренней сферой непосредственных оценок и создания информации (порядковой) и внешней сферой цен (количественной). Более того, разрушение этой связи делает экономический расчет совершенно невозможным (Rothbard 1991, 64—65).

Отсюда Мизес делает вывод о том, что в отсутствие рыночной свободы, свободных рыночных цен и/или денег никакой рациональный экономический расчет невозможен, где под рациональным расчетом понимается тот, который возможен при доступности необходимой (неслучайной) информации.

Мизес систематизировал свои фундаментальные идеи о социализме и изложил их в замечательном критическом трактате об этой общественной системе, первое издание которого появилось на немецком языке в 1922 г., а потом последовали английское (1934), французское (1938), испанское (1961), итальянское (1991) и, наконец, русское (1994) издания. Работа называется «Социализм: экономический и социологический анализ» (Mises 1981; Мизес 1994).

«Социализм» Мизеса приобрел огромную популярность в Европе, и под влиянием этой книги, среди всего прочего, теоретики такого калибра, как Ф. А. Хайек (первоначально социалист фабианского толка), Вильгельм Рёпке и Лайонел Роббинс, обратились к либерализму. Более того, эта работа разожгла третью важную дискуссию (после *Methodenstreit* и спора о концепции капитала) с участием австрийских теоретиков, — о невозможности экономического расчета при социализме. Это одна из важнейших дискуссий в истории

экономической мысли, растянувшаяся на несколько десятилетий и оказавшая сильное влияние тем, что помогла выделить и отточить отличительные черты австрийской школы экономической теории. Более того, сегодня широко признано, даже бывшими социалистическими теоретиками, что австрийцы выиграли в споре о невозможности социализма. Так, например, Роберт Хейлбронер был вынужден признать: «Мизес был прав. ...Социализм оказался великой трагедией этого столетия» (Heilbroner 1990, 1110—1111). Ученики Оскара Ланге, Брюс и Ласки, пришли к выводу, что Ланге и социалистические теоретики «не смогли противостоять австрийскому вызову» (Brus and Laski 1985, 60; Huerta de Soto 1992).

В заключение этого раздела особо подчеркнем, что аргумент Мизеса о невозможности социализма — это теоретический аргумент относительно *интеллектуальной ошибки*, сопутствующей любому социалистическому идеалу, потому что невозможно организовать общество с помощью команд и принуждения, заведомо зная, что руководящий орган не в состоянии получить необходимую для выполнения этой задачи информацию. Таким образом, аргумент Мизеса — это *теоретический аргумент* о практической невозможности социализма. Мы могли бы даже сказать, что это главный теоретический аргумент, потому что теория — всего лишь абстрактный, формальный и качественный анализ реальности, который не должен терять с нею связи, а, напротив, иметь как можно более непосредственное отношение к событиям и процессам реального мира. Поэтому совершенно неверно рассматривать предложенный Мизесом анализ как решение вопроса о невозможности социализма с позиций формальной модели равновесия или «чистой логики выбора», в чем ошибочно были убеждены многие видные неоклассические авторы, неспособные понять различие между «теорией» и анализом равновесия. Фактически уже в 1920 г. Мизес сам позаботился о том, чтобы недвусмысленно отвергнуть применимость его теоремы к модели равновесия. Поскольку данная модель, уже в момент ее формулирования, предполагает, что вся необходимая информация должна быть налично,

она изображает фундаментальную экономическую проблему социализма решенной *ab initio** по определению, так что неоклассический теоретик просто не замечает эту проблему. Согласно Мизесу, имеет место строго обратная ситуация, поскольку, по его мнению, корень проблемы заключается в том, что, когда руководящий орган издает указ или приказ в пользу определенного экономического проекта или против него, у него отсутствует информация, позволяющая выяснить, правильно он действует или нет, а потому он и не может производить никаких экономических расчетов или оценок. Если предположить, что руководящий орган располагает всей необходимой информацией и что, кроме того, никаких изменений не происходит, очевидно, что проблема экономического расчета даже не возникает, так как изначально действует предположение, что такой проблемы не существует. Соответственно Мизес пишет: «В статическом состоянии можно обойтись без экономического расчета. Ведь здесь в экономической жизни вечно повторяются одни и те же события, и если предположить, что статическая социалистическая экономика будет стремиться сохранить то последнее состояние, которое она унаследовала от конкурентной экономики, во всяком случае можно представить себе рационально управляемую, с экономической точки зрения, производственную систему социализма. При этом мы отвлеклись от того факта, что в реальной жизни статическое состояние невозможно, потому что экономические данные постоянно изменяются, так что статическая природа экономической деятельности — это всего лишь теоретическое предположение, которому не соответствует никакое реальное положение вещей» (Mises 1935, 109).

Таким образом, аргумент Мизеса — это теоретический аргумент о логической невозможности социализма, который, однако, опирается на теорию и логику человеческой деятельности и реальных социальных, динамических и стихийных процессов, которые она приводит в движение, а не на теорию или логику механической деятельно-

* Изначально (лат.). — Прим. перев.

сти, осуществляемой в условиях совершенного равновесия «всеведущими» существами, равно далекими как от реальности, так и от человека. Как еще более четко объясняет Мизес в своей книге о социализме: «Иными словами, в стационарных условиях больше не существует проблем, которые требовали бы экономических расчетов. В соответствии с *гипотезой* основная функция экономических расчетов предполагается уже выполненной и больше нет нужды в аппарате расчета. Используя популярную, хотя и не вполне удовлетворительную, терминологию, можно сказать, что проблема экономического расчета есть проблема экономической динамики, а не статики» (Мизес, 1994, 94).

Это утверждение Мизеса идеально соответствует всем наиболее характерным чертам австрийской традиции, заложенной Менгером, развитой позднее Бём-Баверком и, в третьем поколении, укрепленной самим Мизесом. Следовательно, поскольку в состоянии равновесия никакие экономические расчеты не нужны, неудивительно, что открыть теорему о невозможности экономического расчета при социализме сумели только теоретики, бывшие приверженцами школы, которая, подобно австрийской, с самого начала сделала центром своей исследовательской программы теоретический анализ действующих на рынке реальных динамических процессов, а не разработку механистичных моделей частичного или общего равновесия.

Именно в силу этого для всех тех неоклассических теоретиков, которые, подобно членам чикагской школы, путают теорию со статическим анализом моделей равновесия, социализм не представляет никаких теоретических проблем, поскольку в своих моделях эти теоретики предполагают, что вся необходимая информация уже имеется. Например, можно еще раз вспомнить основателя чикагской школы Фрэнка Найта, заявившего: «Социализм — это политическая проблема, которую следует обсуждать на языке социально-политической психологии, а экономической теории почти нечего сказать по этому поводу» (Knight 1938, 267—268). Ту же ошибку совершали неоклассические экономисты социалистической ориентации, такие как Оскар Ланге и его после-

дователи (Липпинкот, Дикинсон, Дурбин, Тейлор, Лернер), когда утверждали, что анализ с позиций экономического равновесия доказал, что Мизес был не прав, поскольку, в соответствии с предложенной Вальрасом системой совместных уравнений, для поднятой Мизесом проблемы экономической координации существует данное решение. Ни один из теоретиков равновесия не ухватил сути вызова, брошенного Мизесом и Хайеком, и никто из них не понял того, что их отказ принять динамичный австрийский подход делает их совершенно слепыми к теоретическим проблемам, которые были открыты Мизесом и Хайеком. Пожалуй, никакая другая область экономической науки не дает более наглядного примера разрушительного влияния неоклассической позитивистской методологии, мешающей весьма одаренным теоретикам воспринять подлинно важные проблемы, возникающие в мире реальной экономики.

5.5. Теория предпринимательства

В основе четвертого существенного вклада Мизеса в экономическую науку лежит взгляд на людей как на неизменных участников и главных фигурантов всех социальных процессов. Мизес пришел к пониманию, что экономическая теория, первоначально развивавшаяся вокруг *homo economicus*, исторического *идеального типа* (по Веберу), под линзами менгеровской субъективистской концепции стала общей теорией всей человеческой деятельности и социальных взаимодействий (по терминологии Мизеса, *праксиологией*). Существенные характеристики и последствия человеческой деятельности и взаимодействий подробно исследованы и образуют главный предмет всеобъемлющего экономического трактата Мизеса, названного им «Человеческая деятельность» (Мизес 2005). Мизес считает, что во всякой деятельности наличествует предпринимательский, гипотетический компонент и развивает теорию предпринимательства, понимаемого как способность людей создавать и распознавать возникающие в их окружении субъективные возможности получения прибыли и действовать так, чтобы их реализовать.

Мизес прямо утверждает, что существенный элемент предпринимательства — способность людей к творчеству: «Созидательным является только человеческий ум, направляющий деятельность и производство» (Mises 1996; Мизес 2005, 134). Он резко критикует популярные заблуждения, изображающие предпринимательскую прибыль как результат простого принятия рисков, тогда как риск порождает не более чем одну из статей издержек производственного процесса, которая не имеет ни малейшего отношения к предпринимательской прибыли (Mises 1996; Мизес 2005). Мизес также обсуждает по существу ложную идею, согласно которой предпринимательство — это управленческий фактор производства, который можно покупать и продавать на рынке на основе максимизирующих решений. В противовес этому, он утверждает: «Чтобы добиться успеха в коммерции, человеку не нужен диплом школы делового администрирования. В этих школах готовят подчиненных для выполнения рутинной работы. Там не готовят предпринимателей. На предпринимателя нельзя подготовить. Человек становится предпринимателем, используя возможности и заполняя пробелы» (Mises 1996; Мизес 2005, 296).

В последние годы мизесовская теория предпринимательства получила дальнейшее развитие в трудах одного из наиболее выдающихся учеников Мизеса, Израэля Кирцнера, профессора экономики Нью-Йоркского университета, о вкладе которого мы расскажем в главе 7.

Предпринимательская способность людей не только объясняет их постоянный поиск и создание новой информации о целях и средствах, но и является ключом к пониманию тенденции к координации, которая, при условии отсутствия насильственного вмешательства, постоянно и стихийно возникает на рынке. Именно предпринимательская способность к координации, как было показано в главах 1 и 2, делает возможным развитие логического корпуса экономической теории, лишенной ошибок эциентистского (математического и статистического) анализа, опирающегося на предположения о неизменности, полного заимствований из чуждого мира физических и естественных наук, бледной копией которого он является (Mirowski 1991).

5.6. Метод экономической науки: теория и история

По сравнению с другими представителями австрийской школы, Мизес разработал наиболее целостный и системный подход к вопросу о методе экономической науки, что и составляет его пятый крупный вклад в эту науку. Он утверждает, что общественные науки, или, скорее, науки о человеческой деятельности, делятся на две ветви: праксиологию (общую теорию человеческой деятельности, самой развитой частью которой является экономическая теория) и историю.

Сфера праксиологии — это применение концептуальной категории «человеческая деятельность», для чего необходимо из сущности человеческой деятельности дедуктивно вывести праксиологические теоремы. При таком подходе экономическая теория строится априорным, дедуктивным способом, основываясь на концепции и категории деятельности. Отправной точкой служат небольшое число фундаментальных аксиом, присущих концепции деятельности. Важнейшая из них — сама категория деятельности, смысл которой в том, что, в соответствии со своей шкалой ценности, люди методом проб и ошибок выбирают цели и ищут средства, пригодные для их достижения. Другая аксиома говорит нам, что, поскольку средства редки, они вначале будут использованы для достижения наиболее ценных целей и только после того послужат удовлетворению всех других, менее насущных («закон убывающей предельной полезности»). Третья утверждает, что, делая выбор между двумя благами с идентичными свойствами, доступными в разные моменты времени, человек всегда предпочитает то, которое можно получить раньше («закон временного предпочтения»). Помимо этого, концепция человеческой деятельности включает следующие существенные элементы: деятельность всегда разворачивается во времени; время — редкий ресурс; люди действуют с целью переместиться из одного состояния в другое, сулящее большее удовлетворение.

Основываясь на этих аксиомах, Мизес с помощью логической дедукции строит экономическую теорию, ориентируя ее на проблемы, характерные для реальной жизни, и вставляя

в цепочки логически дедуктивных рассуждений в подходящих местах релевантные данные опыта. Таким образом, данные опыта, известные и истолкованные в свете теории человеческой деятельности, позднее вновь используются в ее рамке в качестве «предположений» для создания теорем, с большей точностью отражающих реальную жизнь.

Таким образом, с позиции Мизеса, опыт служит только для того, чтобы направить любознательность исследователя к определенным проблемам. Он говорит нам, что нужно исследовать, но не дает указаний о методологическом пути, которым мы должны следовать в поисках знания. В любом случае, согласно Мизесу, следует понимать два момента: во-первых, ни одно реальное явление не может быть познано прежде, чем реальность не получит истолкования в свете концепций и теорем человеческой деятельности; и, во-вторых, не опыт, а только мышление может направлять исследователя к этим гипотетическим типам человеческой деятельности и к проблемам, которые хоть и неизвестны по прошлому опыту, но могут с достаточным основанием рассматриваться как потенциально критически важные в будущем.

Другой ветвью науки о человеческой деятельности является история — систематический сбор и изучение данных опыта, связанного с человеческой деятельностью. Следовательно, она имеет дело с конкретным содержанием прошлой человеческой деятельности.

Таким образом, для занятий этой наукой историк должен иметь в своем распоряжении теорию, дающую ему возможность истолковывать действительность. Более того, он нуждается в особых суждениях значимости, чтобы определять, какие факторы оказывали наиболее существенное влияние на изучаемые им события прошлого (*Verstehen*, или понимание), и именно суждения значимости превращают его дисциплину в подлинное искусство.

Эти ценностные суждения, связанные с пониманием, человек использует и всякий раз, когда ему нужно предсказать развитие окружающей обстановки, затрагивающее тот вид деятельности, в котором он участвует. Тем не менее Мизес утверждает, что в экономической науке невозможны «науч-

ные» предсказания, т.е. предсказания того типа, которые нам знакомы по естественным наукам. Напротив, законы нашей дисциплины исключительно логико-дедуктивны и позволяют только, так сказать, «качественные» предсказания. Они не имеют ничего общего с теми, которые делают ученые в области физики и прикладных наук, и совершенно невозможно дать точное предсказание относительно конкретных будущих событий. Разумеется, в повседневной жизни человек вынужден постоянно планировать свою деятельность и действовать в соответствии с определенными представлениями о том, как будут разворачиваться события в дальнейшем. Делая эти предсказания, человек использует свое теоретическое знание, в его свете истолковывает факты (всегда полагаясь на собственное понимание, т.е. на свое знание конкретных обстоятельств ситуации, в которой он находится) и «предсказывает» ход событий, способных затронуть его деятельность.

Таким образом, будущие события — это всегда большая неопределенность; человек способен лишь свести ее к минимуму (но не рассеять окончательно), если обладает значительными познаниями в теории и богатым опытом в области ценностных суждений и мотивов, побуждающих людей осуществлять определенные действия и вести себя определенным образом. Таким образом, опыт свидетельствует, что некоторые люди лучше других подготовлены к тому, чтобы предпринимательски планировать свою будущую деятельность. Любой человек, действующий в соответствии со своими представлениями о будущем развитии событий, является предпринимателем. В этом смысле, согласно Мизесу, мы все являемся предпринимателями; всем людям ежедневно приходится предпринимать действия с учетом своих представлений о том, что случится в будущем. Поскольку врожденной способностью к предпринимательству обладают все люди, им приходится, используя свои теоретические знания и опыт, предугадывать ход грядущих событий. Однако ученый-экономист как таковой не в состоянии делать какие-либо конкретные предсказания, т.е. предсказания событий с указанием точного количества, места и времени. Как только экономист начинает настаивать на своей способности делать прогнозы, он явным образом тут же

покидает область экономической науки ради человеческой, предпринимательской области предсказаний. Согласно Мизесу, предположение о том, что экономическая наука способна давать научные предсказания наравне с естественными науками, выдаст полное невежество относительно мира, в котором мы живем, и относительно природы человека вообще, а также ошибочное представление о методологических основах экономической науки в частности (Mises 1996; Мизес 2005).

5.7. Заключение

Людвиг фон Мизес признан самым значительным и влиятельным экономистом австрийской школы в XX в. Кроме того, он сумел завершить самый важный — в сравнении со всем, что было создано в австрийской школе, — всеобъемлющий систематический экономический трактат, в котором подробно объясняет все то существенное, что на протяжении своей жизни ему удалось достичь в области экономической науки. Работа озаглавлена «Человеческая деятельность: трактат по экономической теории», и первое немецкое издание Мизес подготовил накануне Второй мировой войны, будучи профессором в Женеве. Первое английское издание появилось 14 сентября 1949 г., т.е. более пятидесяти лет назад. С тех пор 800-страничный труд, охватывающий все фундаментальные аспекты экономической науки с позиций субъективистского динамического австрийского подхода, был переведен на девять языков: немецкий (1940), английский (1949), итальянский (1959), испанский (1960), китайский (1978), французский (1985), португальский (1990), японский (1990) и русский (2000). В нашей области это одна из самых цитируемых работ; на нее ссылаются прежде всего в монографиях и статьях по экономическим вопросам вообще, а также в работах по вопросам методологии экономической науки, и экономического анализа социализма в частности. По оценкам, общий тираж этого подлинного шедевра экономической науки достигает 150 тыс. экземпляров. С чтения этой работы следует начинать каждому, желающему глубже ознакомиться с австрийской экономической школой (Huerta de Soto 1995, I–Ivii; Salerno 1999; Салерно 2007).

Глава 6

Ф. А. ХАЙЕК И СТИХИЙНЫЙ ПОРЯДОК РЫНКА

6.1. Биографическое введение

Ф. А. Хайек был одной из ведущих интеллектуальных фигур XX века. Многосторонний философ, великий классический либеральный мыслитель и лауреат Нобелевской премии по экономике за 1974 г., Хайек написал множество работ, оказывающих мощное влияние не только в экономической науке, но и в философии и политике. Как было недавно сказано, наступающий период, если иметь в виду историю экономической, политической и общественной мысли, бесспорно может быть назван «эрой Хайека».

Хайек появился на свет 8 мая 1899 г. в семье университетских преподавателей и высокопоставленных чиновников, в которой очень высоко ценилась интеллектуальная университетская жизнь. При этом молодой Хайек был далеко не блестящим студентом: живое, хаотичное интеллектуальное любопытство мешало ему прилежно сосредоточиться на многочисленных учебных курсах. По признанию самого Хайека, записывая лекции, он переставал понимать то, что слышит, а поскольку толком запомнить объяснения профессоров не удавалось, то когда он хотел аргументировать какую-то позицию, ему приходилось *ex novo* и с большим напряжением изобретать все доводы. В статье «Два типа ума» (Науек 1978с, 50—56) Хайек отмечает, что свою интеллектуальную плодовитость всегда приписывал именно кажущейся хаотичности и интуитивности — качеством, характерным для его мышления и отличавшим его от других австрийских теоретиков, таких как Бём-Баверк и сам Мизес, чье владение предметом было абсолютным, так что они говорили о нем предельно ясно и четко.

Вернувшись с фронтов Первой мировой войны (где он подцепил малярию и немного овладел итальянским), Хайек поступил в Венский университет, бывший в то время подлинным центром интеллектуальных тенденций и дискуссий. (Строгий анализ причин интеллектуального расцвета послевоенной Вены еще не написан.) Какое-то время Хайек предполагал изучать психологию и впоследствии действительно опубликовал книгу «Сенсорный порядок» (Наук 1952а), очень значительную работу, в которой изложил основы своего подхода к эпистемологии. Но в конце концов он остановился на праве и общественных науках, а областью специализации выбрал экономическую теорию; его руководителем стал Фридрих фон Визер — как мы уже отметили, самый, пожалуй, путаный и эклектичный член второго поколения австрийской школы.

По собственному признанию Хайека, в эти годы его политические взгляды мало чем отличались от взглядов других студентов: он был социалистом «фабианского» толка, верившим вслед за своим учителем Визером, что благотворное вмешательство государства может улучшить общество. Только после того, как Хайек прочитал «Социализм», критический трактат Мизеса, опубликованный в 1922 г., он расстался с юношескими социалистическими идеалами. Рекомендация Визера помогла Хайеку установить близкое профессиональное сотрудничество с Мизесом, сначала в возглавляемом им Управлении военных репараций, а потом в качестве руководителя основанного Мизесом Австрийского института исследований делового цикла. Кроме того, Хайек стал одним из самых усердных и продуктивных участников семинара по экономической теории, который Мизес проводил каждые две недели в Венской торговой палате, в своем кабинете генерального секретаря.

Следует подчеркнуть, что Хайек в большом долгу у Мизеса, идеи которого послужили отправным пунктом почти всех его работ по теории экономики.

Благодаря Мизесу Хайек вышел из-под нездорового влияния Визера и вернулся к основам австрийской концепции экономики, которые заложил Менгер, обогатил Бём-Баверк

и укрепил Мизес, защищавший их от недальновидности позитивистских теоретиков вроде Шумпетера и приверженцев модели равновесия вроде Визера. Отношения между учителем Мизесом и учеником Хайесом развивались весьма необычно. Питая друг к другу взаимное признание и уважение, временами они расходились во взглядах. Отметим, что Хайеку было свойственно подчеркивать свою интеллектуальную независимость от учителя, теории которого, как признавал сам Хайек, в конечном итоге неизменно подтверждались ходом развития реального мира.

В 1931 г. другой последователь Мизеса, Лайонел Роббинс, предложил Хайеку пост профессора в Лондонской школе экономики, который он и занимал до 1949 г. Так Хайек стал ведущим представителем австрийской школы экономической теории в англоязычном мире. Хайека всегда отличала предельная учтивость в отношении его оппонентов, которых он позволял себе упрекнуть разве что в интеллектуальной ошибке, но ни в коем случае не в недобросовестности. Так было, например, во время дискуссий с социалистами, Кейнсом, Найтом и чикагской школой, с которыми он полемизировал не только в вопросах методологии (Хайек даже заявил, что после «Общей теории» Кейнса наибольшую опасность для экономической теории представляет книга Милтона Фридмана «Очерки по позитивной экономической теории» (Friedman 1953), но также о теории денег, капитала и циклов (Hayek 1994). Хайек не произнес ни слова упрека или протеста, даже когда на него яростно и несправедливо набросился Кейнс, а члены экономического факультета Чикагского университета забаллотировали, высокомерно отказавшись принять в свои ряды «теоретика австрийской школы». (К счастью, Хайек в конце концов был принят — без официального жалования, поскольку его оплату взял на себя частный фонд, — в Комитет по общественным наукам того же университета, где он написал свой монументальный труд «Конституция свободы» [Hayek 1990a; Хайек 2007].)

Хайеку не очень повезло в личной жизни. В 1949 г. он разрушил свою семью, решив развестись с женой, чтобы жениться на страстной любви своей молодости — кузине,

которая по недоразумению вышла замуж за другого. Хайек заново влюбился в нее, приехав в Вену после Второй мировой войны, когда кузина уже овдовела. Хайек и его семья дорого заплатили за это решение. Английские друзья вслед за Роббинсом отвернулись от него, первая жена умерла, по видимому, не вынеся печали (тема эта была запретной, Хайек и его близкие отказывались об этом говорить). Как бы то ни было, примирение с Роббинсом состоялось только много лет спустя по случаю свадьбы сына Хайека — Лоренса, так что Хайеку пришлось 1950-е и начало 1960-х годов провести в «ссылке» в США. Хуже того, в эти годы Хайек начал страдать из-за серьезных проблем со здоровьем: сначала от нарушения обмена веществ, что крайне ослабило и истощило его, потом он начал терять слух, что сделало его несколько сухим в личном общении, и, наконец, ученого терзали повторяющиеся приступы тяжелой депрессии, надолго лишавшие его интеллектуальной активности. Собственно говоря, во введении к сочинению «Право, законодательство и свобода» Хайек признавался: временами казалось, что болезни не дадут ему закончить книгу (Науек 1981; Хайек 2006). Неизвестно, в какой мере суровый личный опыт Хайека усилил его убежденность в огромной важности следования моральным образцам для сохранения человеческой жизни на личном и социальном уровне. Однако то, как он подчеркивал это в своих работах, создаст впечатление, что мысль принадлежит человеку, знающему, о чем он говорит, по личному опыту.

Все проблемы со здоровьем (телесным и психическим) чудесным образом исчезли, когда в 1974 г., ровно через год после смерти своего учителя Людвиг фон Мизеса, Хайек получил Нобелевскую премию по экономике. Он почувствовал, что время изоляции в научном мире осталось позади, и начался период неустанной деятельности, когда он ездил по всему миру, пропагандируя свои идеи, и даже сумел закончить еще несколько книг. (Последняя из них — «Пагубная самонадеянность: ошибки социализма», появилась, когда ученому было почти 90.) По сути дела, можно утверждать, что присуждение Хайеку Нобелевской премии стало началом поразительного возрождения современной австрийской

экономической школы, — возрождения, ареной которого стал теперь весь мир.

Хайек всегда сторонился политики. Он полагал даже, что роль интеллектуала, главной жизненной целью которого должна быть научная истина, несовместима с ролью политика, вынужденного ради голосов избирателей подчиняться диктату общественного мнения (Науск 1991). Хайек верил, что в долгосрочной перспективе намного продуктивнее усилия, направленные на то, чтобы убедить интеллектуалов (и отсюда большой успех основанного им классического либерального общества Мон-Пелсерин) или повлиять на общественное мнение. (Хайек отговорил Энтони Фишера от карьеры политика и убедил его, что для распространения в мире идей классического либерализма намного полезнее будет создать Институт экономических отношений (Institute of Economic Affairs), а позднее — Исследовательский фонд Атлант (Atlas Research Foundation)). В общем, без стратегических инициатив Хайека невозможно представить то изменение общественного мнения и интеллектуального климата, которое привело к падению Берлинской стены и свободнорыночной/консервативной революции, произошедшей в США при Рейгане и в Англии при Маргарет Тэтчер, — революции, которая оказала и продолжает оказывать столь мощное влияние на ход мировых событий.

Будет, пожалуй, уместным закончить этот раздел рассказом об отношении Хайека к религии. Крещеный католик, он в юности перестал соблюдать обряды и стал агностиком. Тем не менее с годами в нем росло общее понимание ключевой роли религии в сохранении обычаев, составляющих основу общества, и, в частности, значения теологов испанского золотого века как предшественников современной экономической и общественной науки. Более того, в 1993 г. католический мыслитель Майкл Новак удивил интеллектуальный мир, сделав достоянием гласности длительный личный разговор папы Иоанна Павла II с Хайеком, незадолго до смерти последнего в 1992 г., и обратил внимание на несомненные признаки заметного влияния мыслей ученого в энциклике *Centesimus Annus*, особенно в главах 31 и 32, которые полны

заимствованиями из Хайека (Novak 1993a; 1993b). Мы никогда не узнаем, смог ли Хайек, убежденный агностик, в последние минуты жизни сделать необходимые шаги, чтобы постичь и принять ту высшую «антропоморфную» сущность, которая намного превосходило его способность понимания. Но вот что нам известно наверняка: Хайек лучше, чем кто бы то ни было, понимал опасности, которыми грозит обожествление человеческого разума, и ключевую роль религии в избежании этих опасностей, вплоть до того, что, как пишет Хайек в последнем предложении своей последней книги, «от ответа на этот вопрос может зависеть выживание нашей цивилизации» (Науек 1988; Хайек 1992).

6.2. Исследование экономических циклов: межвременное рассогласование

Первые десятилетия своей научной карьеры Хайек посвятил исследованию циклов. Он шел путем, намеченным Мизесом, но стал автором ряда собственных, очень существенных достижений. Шведская академия присудила ему в 1974 г. Нобелевскую премию главным образом за его работы 1930-х годов в области теории циклов.

Надо подчеркнуть, что, когда в 1931 г. Хайек прибыл в Англию, его аналитический инструментарий был куда богаче, чем у его английских коллег в целом и у Кейнса в частности. Прежде всего, Хайек владел теорией капитала Бём-Баверка и превосходно понимал, что мнимый «парадокс бережливости» теоретически совершенно бессмысленен. Ведь, согласно теории Бём-Баверка, любое увеличение сбережений ведет к сокращению потребления, тем самым понижая относительные цены потребительских товаров. То, что Хайек назвал «эффектом Рикардо», заключается в повышении спроса на инвестиционные товары, причиной чего является рост реальной заработной платы, который в свою очередь *ceteris paribus** вызывается понижением цен на потребительские товары, провоцируемым ростом сбережений. Уменьшение

* При прочих равных (лат.). — Прим. перев.

цен на потребительские товары ведет также к относительному росту предпринимательских прибылей на этапах, дальше всего отстоящих от потребления, где в условиях падения процентных ставок, вызываемого изобилием сбережений, наблюдается повышение ценности продукции. Совместным результатом всех этих факторов является удлинение производственной структуры, капиталоемкость которой повышается под влиянием более щедрого финансирования, делающегося возможным благодаря увеличению количества реально сбереженных ресурсов (Hayek 1995). Согласно Хайеку, проблема возникает, когда манипуляцией денежным обращением в форме кредитной экспансии, осуществляемой банковской системы без опоры на реальные сбережения, делают доступными для предпринимателей новые финансовые ресурсы, которые превращаются в инвестиции, как если бы они действительно были результатом роста сбережений, что на деле не так. Итогом оказывается удлинение инвестиционных процессов, отражающее искусственное понижение ставки процента, которое не может продолжаться долго. Таким образом, для Хайека главное — это происходящие под влиянием роста денежной массы изменения относительных цен (точнее, цен на капитальные блага, используемые на разных этапах производственного процесса, и цен на потребительские товары). Количественная теория денег, которую интересует исключительно воздействие колебаний денежной массы на общий уровень цен, склонна игнорировать и затемнять данное явление.

Более того, Хайек понял, что в 1920-х годах американский Федеральный резерв обдуманно проводил политику активной кредитной экспансии, чтобы нейтрализовать «дефляционные» последствия значительного роста производительности. Так что, даже несмотря на отсутствие заметного роста цен на потребительские товары и услуги, в этот период происходил значительный рост денежной массы и сформировался огромный финансовый пузырь. Рано или поздно этот пузырь должен был лопнуть и вскрыть накопившиеся грубые инвестиционные ошибки. Хайек утверждает, что *в ситуации падения цен, отражающего общий рост производительности,*

политика стабилизации ценности денег неизбежно порождает серьезное межвременное рассогласование между решениями инвесторов и потребителей, которое рано или поздно должно принять форму экономической рецессии. Хайек выразил эти идеи в статье «Межвременное равновесие цен и изменение ценности денег» (“Intertemporal Price Equilibrium and Movements in the Value of Money”), опубликованной в 1928 г. (Hayek 1937). Применив этот анализ к существовавшим тогда обстоятельствам, Хайек сумел предсказать Великую депрессию, начавшуюся в октябре 1929 г., которую он всегда рассматривал как результат искусственной масштабной кредитной экспансии, проводившейся Федеральным резервом все предшествующее десятилетие (Hucra de Soto 2006, 424—431, Скоузен 2002).

Позднее, в 1931 г., Хайек опубликовал книгу «Цены и производство» (Hayek 1935, Хайек 2007), пожалуй, свою самую значительную и известную работу по теории цикла. В этой короткой, но имеющей ключевое значение, работе, Хайек объясняет, с точными аналитическими подробностями, каким образом кредитная экспансия, не имеющая опоры в предшествующем росте добровольных сбережений, искажает производственную структуру, искусственно делая ее чрезмерно капиталоемкой, требуя, чтобы допущенные ошибки были обнаружены в форме рецессии.

Для Хайека изменения денежной массы не бывают нейтральными и всегда оказывают крайне пагубное влияние на структуру относительных цен. Когда новые деньги создаются в форме кредита, они всегда попадают в экономику в конкретной точке. Первоначально деньги расходуются на определенные средства производства и производственные услуги, и только потом, медленно, последствия дополнительного вливания денег распространяется по всей производственной структуре. Это означает, что некоторые цены (на капитальные блага, дальше всего отстоящие от конечного этапа потребления) будут загрохнуты раньше других (цен на товары, стоящие ближе к потреблению), и таким образом размещение ресурсов в производственной структуре изменится. Появление дополнительных фидуциарных денег, созданных банковской системой, означает, что некоторые предприни-

матели, которые несли бы постоянные убытки, теперь получают прибыль, а многие рабочие, которые не могли бы найти работу в определенных секторах, легко ее получают.

Обычно новые деньги попадают на рынок вслед за искусственным снижением ставок процента (ниже «естественного» уровня), что является одним из элементов политики кредитной экспансии и дешевых денег. Относительное падение учетной ставки и облегчение условий выдачи кредитов логически ведет к росту инвестиционных расходов по отношению к потребительским, тем самым искажая индикаторы, которыми руководствуются предприниматели, особенно показатель относительной доходности капитала, вложенного на каждом из этапов или стадий составляющих, согласно австрийцам и нашему знанию, производственную структуру.

В результате понижения процентных ставок прибыльными делаются инвестиции, которые раньше таковыми не были. Относительный рост инвестиционных расходов в свою очередь толкает вверх цену факторов производства, что заставляет предпринимателей переходить к более капиталоемким методам производства и обеспечивает повышение спроса на природные ресурсы. В то же самое время происходит падение относительных прибылей в отраслях, производящих потребительские товары, где издержки постепенно повышаются, а цены — нет. Это кладет начало перетоку производительных факторов из отраслей, расположенных ближе к потреблению, в самые капиталоемкие сектора хозяйства. Для того чтобы новая капиталоемкая система производства, которая только начала создаваться, смогла принести плоды, этот переток должен осуществляться достаточно долгое время. Хайек подчеркивает, что когда полезность машины зависит от производства других капитальных благ, без которых ее невозможно использовать, то машина оказывается бесполезной, если из-за нехватки ресурсов эти комплементарные товары оказываются не произведенными.

Тем не менее раньше или позже новые деньги, которые банковская система впрыснула в экономику, начинают попадать в карманы владельцев факторов производства, и соответствующий рост денежных доходов толкает вверх

спрос на потребительские товары. Нет причин полагать, что потребители заметно изменили изначальную пропорцию распределения денежных доходов между потреблением в настоящем и в будущем. Поэтому если исключить гипотетический случай, в котором экономические агенты направляют в сбережения все новые деньги, созданные банковской системой (практически невероятное событие), то мы получим повышение относительных цен на потребительские товары, порождаемое: а) приходом новых, ликвидных денежных активов в сектор потребительских товаров, что обеспечивает повышение спроса; и б) тем фактом, что производство потребительских товаров временно сокращается не только из-за временного отвлечения ресурсов из секторов, расположенных ближе к потреблению, но и потому, что многие ресурсы поглощены инвестициями, которые начнут давать отдачу только в конце продолжительного периода времени.

Повышение относительных цен в секторе потребительских товаров ведет к ряду последствий, прямо противоположных вышеописанным, которые первоначально дает кредитная экспансия: прибыли начинают расти в отраслях, расположенных ближе к потреблению, и относительно падать в инвестиционных секторах. Капитальные блага, которые предприниматели начинают производить с прицелом на очень капиталоемкую структуру производства, теперь должны быть адаптированы, если это возможно, к менее капиталоемкой структуре (а потому и более трудоемкой, что логично, если учесть, что повышение потребительских цен всегда означает падение реальных ставок заработной платы). В результате начинается общий переток факторов производства из инвестирования в потребление, а наиболее капиталоемкие сектора (строительство, верфи, высокотехнологичные отрасли, компьютеры и коммуникации и пр.), прибыльные только при низких ставках процента, теперь несут большие убытки, поскольку, как теперь выясняется, их расширение было чрезмерным и неоправданным. Короче говоря, из-за нехватки реальных ресурсов, необходимых для завершения чрезмерно амбициозных изменений производственной структуры, экономический спад становится неизбежным.

Эти изменения были предприняты по ошибке, объясняемой чрезмерной легкостью финансирования, ставшей результатом развязанной банковской системой искусственной кредитной экспансии. Внешними проявлениями спада являются избыток производственных мощностей в инвестиционных секторах и относительная нехватка их в секторах, расположенных ближе к потреблению.

Хайек подчеркивает, что рецессии представляют собой, по существу, кризисы, провоцируемые избыточным спросом на потребительские товары или, точнее, недостатком сбережений, иными словами, сбережений оказывается недостаточно, чтобы завершить ошибочно начатые инвестиции в капиталоемкие производства. В результате кредитной экспансии возникает примерно та же ситуация, что на воображаемом острове, обитатели которого затеяли строительство машины, способной удовлетворять все их нужды, но истратили свои сбережения и капитал раньше, чем достроили ее, а потому вынуждены забросить проект и заняться исключительно добычей пропитания, не имея возможности использовать при этом какой-либо капитал.

Таким образом, существование во многих производствах в период рецессии «простаивающих мощностей» (особенно в отраслях, дальше всего отстоящих от потребления, таких как строительство, производство капитальных благ, телекоммуникаций или компьютеров) никоим образом не доказывает, согласно Хайеку, что капитала слишком много или что потребление недостаточно. Напротив, это признак того, что мы не в состоянии использовать весь наличный постоянный капитал, так как текущий спрос на потребительские товары настолько неотложен, что мы не можем себе позволить роскошь производить переменный капитал, необходимый для использования этих простаивающих мощностей.

Таким образом, Хайек доводит до логического конца теорию капитала Бём-Баверка и мизессовский анализ цикла, когда он описывает, как централизованное вмешательство в денежное обращение порождает широкое межвременное рассогласование между решениями экономических агентов (инвесторов и потребителей), и объясняет, что рецессия —

это всего лишь этап здоровой реорганизации экономики. Хайек объясняет, что этот этап нельзя миновать, но можно его облегчить, если избегать последующей кредитной экспансии или искусственного стимулирования потребления и позволить силам рынка постепенно утвердить новую структуру производства, более соответствующую истинным желаниям участвующих в ней экономических агентов (Huerta de Soto 2006, 265—341; см.: Уэрта де Сото 2007, гл. 5, 1—2).

Выше вкратце приведен предложенный Хайском анализ теории экономического цикла, позднее завершённый в работе «Прибыль, процент и инвестиции» (Hayek 1939), в которой он исходит из предположения, что неиспользуемые факторы производства существуют. Хайек постепенно углублял и оттачивал свой анализ параллельно с дискуссиями с Кейнсом и теоретиками чикагской школы по теории денег, капитала и циклов. В следующем разделе мы рассмотрим эти дискуссии.

6.3. Дискуссии с Кейнсом и чикагской школой

Нет ничего удивительного в том, что Хайек с самого начала противостоял теоретикам неоклассической традиции, которые из-за отсутствия корректной теории капитала и неспособности применить теорию предельной полезности к деньгам настаивали на том, чтобы подходить к текущим экономическим проблемам исключительно с макроэкономических позиций.

Хайек выдвинул радикальные возражения против количественной теории денег, которой придерживались неоклассические экономисты вообще и чикагская школа в частности: «В силу своей макроэкономической природы она сосредоточена исключительно на общем уровне цен и внутренне не способна обнаружить последствия, которые экспансия платежных средств оказывает на структуру относительных цен. Поэтому она не учитывает самые тяжкие последствия инфляционного процесса: ошибочное инвестирование ресурсов и, как результат, порождение соответствующей безработицы» (Hayek 1980).

Помимо этого, Хайек возобновил дискуссию, которую Бём-Баверк вел с Кларком по вопросу концепции капитала. В своей работе «Чистая теория капитала» (Hayek 1941) и статье «Мифология капитала» (Hayek 1936, 199—228) Хайек подверг критике основателя чикагской школы Фрэнка Найта за приверженность мифической концепции капитала как однородного самовозобновляющегося фонда, в результате чего он проглядел структуру этапов производства, образующих в совокупности производственный процесс, и свел к нулю роль предпринимателя как в непрерывном создании, координации и поддержании этих этапов, так и в решении не делать этого. Согласно Хайеку, подход Найта очень опасен, поскольку одержимость равновесием ведет его в конечном счете к защите необоснованных теорий недопотребления и, косвенным образом, к оправданию кейнсианской политики искусственного вздувания эффективного спроса, не желающей учитывать ее искажающее воздействие на микроэкономическую структуру общественного производства.

Впрочем, наибольшее значение имела дискуссия между Хайеком и Кейнсом, длившаяся на протяжении 1930-х годов (Hauck 1995). Хайек положил начало дискуссии двумя большими рецензиями на книгу Кейнса «Трактат о деньгах», появившуюся на английском в самом начале 1930-х годов, когда Хайек только поселился в Англии. Кейнс ответил яростными нападкамии на книгу Хайека «Цены и производство», и завязался спор, в котором был выяснен ряд важных аспектов теории денег и циклов. Сегодня, когда кейнсианская лодка прочно села на мель, мы начнем с того, на чем закончилась дискуссия в конце 1930-х. Хайек особенно критиковал Кейнса за его макроэкономический подход и отсутствие надлежащей теории капитала, которая бы, подобно предложенной Бём-Баверком, изображала производственную структуру как совокупность этапов. В вину Кейнсу он поставил и неразборчивость, с которой тот принял вульгарный миф о недопотреблении, в частности, не сумев понять, что вполне можно получать прибыль на производстве определенного товара даже в условиях падения спроса

на него, если при этом инвестировать в сокращение производственных издержек, внедряя дополнительные капитальные блага и создавая таким образом более капиталоемкую производственную структуру. В этой структуре на этапах, дальше всего отстоящих от потребления, обеспечивается занятость для факторов производства, высвобождаемых в результате роста сбережений на этапах, расположенных ближе к потреблению.

Более того, Хайек рассматривал кейнсианский рецепт выхода из Великой депрессии как всего лишь временное решение, чреватое неблагоприятными последствиями. Действительно, любое искусственное повышение совокупного спроса ведет к серьезному искажению структуры производства и способно породить лишь нестабильную занятость. К тому же, когда со временем станет ясно, что труд используется в неприбыльных производствах, возникнет еще большая безработица. Согласно Хайеку, предписываемые кейнсианцами и монетаристами фискальные и кредитно-денежные манипуляции вносят серьезные искажения в межвременное согласование рынка. Поэтому Хайек выступает в пользу политики жестких денежных стандартов и против валютного национализма и гибких обменных курсов, решительными сторонниками которых являлись Кейнс и теоретики чикагской школы. В другой замечательной книге, «Валютный национализм и международная стабильность» (Наук 1937), Хайек показывает, каким образом гибкие валютные курсы порождают и стимулируют глубокие искажения производственной структуры, неизбежно ведущие к рецессиям, которых не возникло бы в условиях фиксированных обменных курсов. Хайек утверждает, что гибкие валютные курсы препятствуют координации, осуществляемой рынком, и порождают излишние денежные искажения в реальном процессе размещения ресурсов.

Чтобы читателю было легче сопоставить радикальные различия в австрийском подходе Хайека и в макроэкономическом подходе кейнсианцев и монетаристов, мы свели эти различия в таблицу 6.1.

Таблица 6.1

Два противоположных подхода к экономической теории

Австрийская школа	Неоклассическая школа (монетаристы и кейнсианцы)
1. Время играет существенную роль	1. Влияние времени игнорируется
2. Капитал рассматривается как <i>неоднородное</i> множество капиталных благ, постоянно изнашивающихся и подлежащих замене	2. Капитал рассматривается как <i>однородный самовоспроизводящийся</i> фонд
3. Производственный процесс динамичен и разделяется на <i>разнообразные, вертикальные</i> этапы	3. Идея <i>одномерной, горизонтальной</i> производственной структуры, пребывающей в <i>равновесии</i> (кругооборот дохода)
4. Деньги влияют на процесс, изменяя структуру <i>относительных</i> цен	4. Деньги влияют на <i>общий</i> уровень цен. Изменения относительных цен не рассматриваются
5. Макроэкономические явления объясняются через <i>микроэкономические</i> (изменения относительных цен)	5. <i>Макроэкономические агрегированные показатели</i> мешают анализу стоящей за ними микроэкономической реальности
6. Приверженность теории, объясняющей <i>повторяемость</i> экономических кризисов институциональными причинами	6. Истинная теория циклов отсутствует. Кризисы объясняют <i>внешними</i> причинами (психологическими и/или ошибками кредитно-денежной политики)
7. Разработана детальная <i>теория капитала</i>	7. Теория капитала отсутствует
8. <i>Сбережения</i> играют решающую роль. Они порождают изменения длины производственной структуры и определяют выбор используемых технологий	8. Сбережения <i>не</i> имеют значения. Капитал производится <i>горизонтально</i> (того же самого все больше и больше), а <i>производственная функция</i> фиксирована и определяется состоянием технологии

1	2
9. Существует <i>обратная</i> взаимосвязь между спросом на средства производства и спросом на потребительские товары. Для любых инвестиций нужны сбережения и, следовательно, временное сокращение потребления	9. Спрос на средства производства <i>прямо</i> соотносится со спросом на потребительские товары
10. Предполагается, что производственные издержки <i>субъективны</i> и не предопределены	10. Производственные издержки <i>объективны</i> , реальны и предопределены
11. Рыночные цены определяют величину производственных издержек, а не наоборот	11. Исторические издержки производства определяют рыночные цены
12. Ставка процента — это рыночная цена, определяемая субъективными оценками временного предпочтения. Ставка процента используется для получения величины текущей стоимости, к которой тяготеет рыночная цена каждого капитального блага. Чтобы получить текущую стоимость капитальных благ, ожидаемый от них будущий поток доходов дисконтируют по ставке процента. Банковское дело с частичным резервированием и проводимая центральным банком политика манипулирования ставкой процента порождают повторяющиеся циклы бумов (искусственных) и спадов	12. Ставка процента определяется предельной производительностью или эффективностью капитала, понимаемой как внутренняя ставка дисконтирования, при которой ожидаемый поток доходов равен издержкам производства (которые мыслятся неизменными и предопределенными). Считается, что в краткосрочной перспективе ставка процента зависит исключительно от объема денежной массы

6.4. Дискуссия с социалистами и критика социальной инженерии

Начиная с публикации в 1935 г. сборника эссе о логической невозможности социализма «Коллективистское экономическое планирование» (Науек 1975), Хайек неумоимо

и преданно, бок о бок с Мизесом, участвовал в дискуссии о невозможности экономического расчета при социализме. Основная идея Хайека, отраженная в заглавии последней написанной им книги, «Пагубная самонадеянность», состоит в том, что социализм представляет собой пагубное заблуждение интеллектуальной гордыни или научного высокомерия. В своих работах Хайек использует термин «социализм» в очень широком смысле, охватывающем не только так называемый реальный социализм (т.е. систему, основанную на государственной собственности на средства производства), но и вообще любую систематическую попытку с помощью принудительных методов социальной инженерии частично или целиком спроектировать или организовать какую-либо область сети человеческих взаимодействий, образующих рынок и общество. Хайек полагает, что социализм, в этом широком смысле слова, представляет собой интеллектуальную ошибку, потому что для того, кто желает организовать общество или регулировать его, логически *невозможно* создать или получить информацию или знание, которые позволили бы ему исполнить волюнтаристское намерение «усовершенствовать» общество. Собственно говоря, общество, согласно Хайеку, не является системой, «рационально организованной» чьим-то умом, потому что оно представляет собой *стихийный порядок*, т.е. динамический процесс, постоянно развивающийся и возникающий в ходе непрерывного взаимодействия миллионов людей, который не был и даже не мог быть сознательно или обдуманно создан каким-либо одним человеком.

Сушность социального процесса, по Хайеку, заключается (как мы видели в главе 2) в сугубо личной, субъективной, практической и рассеянной информации, или знании, которую каждый человек — в своих конкретных обстоятельствах места и времени — постепенно открывает и порождает в каждом из действий, которые он предпринимает для достижения своих конкретных целей, действий, материализующихся в этапах того увлекательного путешествия, каким является жизнь каждого человека. Для того чтобы люди могли по-предпринимательски открывать и передавать огромные объ-

емы практической информации или знания, требующегося для сохранения и развития сегодняшней цивилизации, они должны иметь возможность — без каких-либо помех, особенно систематического или институционального насилия или принуждения, — свободно ставить перед собой цели и находить средства, необходимые для их достижения. Поэтому понятен тот смысл, в каком Хайек рассматривает социализм, независимо от его типа или степени, как *интеллектуальную ошибку*. С одной стороны, человек, желающий «улучшить» или организовать определенную область общественной жизни с помощью институционального насилия, не в состоянии обладать огромными объемами практической, разрозненной информации, рассеянной по умам тысяч людей, которым приходится против своей воли выполнять его приказы. (Эта невозможность связана с ограниченностью его способности понимания, с объемом информации и в особенности с невыразимой в словах и динамической природой практического знания, имеющего ключевое значение для жизни в обществе.) С другой стороны, систематическое использование принуждения и насилия, являющееся самой сутью социализма, не позволяет людям свободно стремиться к своим целям, но тем самым и цели не могут выступать в качестве *стимулов* для открытия и создания практической информации, необходимой для развития и координации общества.

Хайек утверждает, что в силу тех же самых причин, по которым социализм является интеллектуальной ошибкой и логической невозможностью, институты, имеющие особое значение для жизни в обществе (моральные, правовые, языковые и экономические), не могли быть обдуманно созданы кем-либо, а являются результатом длительного эволюционного процесса, в который вносили свой крошечный вклад в виде опыта, желаний, стремлений, знания и пр. миллионы и миллионы людей сменяющих друг друга поколений, положивших, таким образом, начало ряда поведенческих норм (институтов), которые одновременно возникали в процессе социального взаимодействия и делали этот процесс возможным. Эти поведенческие нормы, или материальные правила поведения, образуют *промежуточную область* между

биологическим инстинктом, который затрагивает каждого из нас, и областью человеческого разума. Эта область промежуточна, потому что, хотя подобные правила поведения, несомненно, возникают в результате человеческой деятельности, они включают огромные объемы информации, опыта и знаний, намного превосходящие возможности любого отдельного ума создать, постичь или задумать подобного рода институты с нуля.

Правила поведения, делающие возможным возникновение цивилизации, появляются в результате эволюционного процесса, в ходе которого социальные группы, первыми выработавшие нормы и правила поведения, благоприятные для мирной, добровольной торговли (совокупность правил и институтов, образующих право собственности), постепенно поглощают и подчиняют себе другие группы, сравнительно более отсталые из-за своей примитивной или родовой организации. Поэтому, как указывает Хайек, социалисты глубоко заблуждаются, полагая, что чувства и установки, типичные для малых примитивных групп (основанные на принципах солидарности, альтруизма и преданности), могут стать основой *обширного порядка общественного сотрудничества*, образующего современное общество. В самом деле, принципы солидарности и альтруизма пригодны в примитивных группах именно потому, что в подобных группах потребности и особенности каждого члена хорошо известны. Однако попытка распространить принципы солидарности и альтруизма, типичные для родоплеменной группы, на обширный порядок общественного сотрудничества, где взаимодействуют и сотрудничают миллионы людей, которые не знают и никогда не узнают друг друга, способна привести лишь к исчезновению цивилизации, к физическому уничтожению большей части человечества и возврату к примитивному родоплеменному хозяйству, едва-едва обеспечивающего простое выживание.

Новый вклад Хайека состоял главным образом в демонстрации того, что идея Мизеса о невозможности экономического расчета при социализме представляет собой просто частный случай более общего принципа логической

невозможности социальной инженерии или, иными словами, «конструктивистского» или «картезианского» рационализма. Поскольку рационализм этого типа покоится на иллюзии, что человеческий разум намного могущественнее, чем на самом деле он отражает пагубную сциентистскую заносчивость, не признающую границ для будущего применения методов социальной инженерии. Хайек использует термин «сциентизм» для обозначения неоправданного применения в общественных науках методов физических и естественных наук. В 1940-х — начале 1950-х годов он написал ряд статей, которые позднее, в 1955 г., объединил в сборнике «Контрреволюция науки» (Наук 1955; Хайек 2003). В этой книге Хайек дает уничтожающий анализ позитивистского рационализма, идущего от идей Конта, Сен-Симона и узкого бентамовского утилитаризма, предполагающих окружение, в котором информация о выгодах и издержках каждого действия известна и позволяет принимать максимизирующие решения. К сожалению, в этот же период была опубликована работа Милтона Фридмана «Очерки по позитивной экономической теории» (Friedman 1953), которая завоевала огромную популярность и дала новый импульс использованию позитивистской методологии в нашей науке. Хотя Хайек в своей книге в целом предвосхитил и подверг критике большинство наиболее одиозных положений Фридмана, сам Хайек позднее заявил: «Знаете, я часто говорю о том, что одна из всцей, о которых я больше всего жалею, это что я не вернулся к критике трактата Кейнса [«Общей теории»], но почти так же досадно, что я не подверг критике книгу Милтона “Очерки по позитивной экономической теории”, в определенном смысле крайне опасную» (Наук 1994, 145). Это замечание может удивить тех, кто отождествляет Хайека с либерализмом чикагской школы, не отдавая себе отчет в очень глубоких методологических различиях между членами этой школы и австрийскими теоретиками. В другом месте он более подробно высказался о методологических разногласиях с Фридменом и неоклассиками: «Фридмен — это архипозитивист, считающий, что научные аргументы могут строиться только на том, что эмпирически доказано. Я же полагаю, что

нам уже известно столько деталей в области экономической теории, что единственная задача — привести знания в порядок. Вряд ли мы нуждаемся в какой-либо новой информации. Главная трудность — переварить уже известное. Статистика не делает нас мудрее, она лишь дает информацию о конкретной ситуации. Не думаю, что статистические исследования могут чем-то помочь в плане теории. ...У монетаризма Милтона и у кейнсианства гораздо больше общего между собой, чем у меня с любым из этих направлений. ...Чикагская школа мыслит, в сущности, “макроэкономическими” понятиями. Они ведут анализ на уровне агрегированных показателей и средних: совокупное количество денег, общий уровень цен, общая безработица, все эти статистические величины. ...Возьмите “количественную теорию” Фридмена. Сорок лет назад я писал, что у меня есть сильные возражения против нее, так как это очень грубый подход, оставляющий без внимания массу вещей. Мне досадно, что такой искушенный человек, как Милтон Фридмен, не использует ее в качестве первого приближения, а принимает всю целиком. Так что в конечном итоге мы расходимся именно методологические вопросы» (Науск 1993, 129—130).

Наконец, следует помнить, что Хайек начал критический анализ теории равновесия с двух плодотворных статей, опубликованных в 1930-х и 1940-х гг., — «Экономическая теория и знание» (1937) и «Использование знания в обществе» (1945). В них подчеркивается вывод, к которому Хайек пришел в ходе дискуссий с социалистическими неоклассическими теоретиками, а именно, что они проглядели проблему неосуществимости социализма, поскольку в своих моделях общего равновесия исходят из предположения, что вся необходимая информация о переменных и параметрах совместных уравнений, описывающих равновесие, уже «дана». Хайек показывает, что, вопреки предположению теории экономического равновесия, в реальной жизни подобная информация никогда не бывает «дана», а ее постепенно открывают предприниматели в динамичном процессе, который и должен быть объектом исследований экономистов. Таким образом, Хайек отвергает неоклассическую концепцию

совершенной конкуренции и, следуя австрийской традиции (идущей от схоластов), предлагает динамичную модель конкуренции, понимаемой как процесс открытия информации. Эту идею он выразил в двух важных статьях — «Смысл конкуренции» (1946) и «Конкуренция как процедура открытия» (1968) (Хайек 2000, 102—114; Хайек 1989).

6.5. Право, законодательство и свобода

1949 год, когда Хайек покинул Лондонскую школу экономики и перебрался в Чикагский университет, ознаменовался существенным изменением его исследовательской программы. Он отошел от проблем экономической теории и взялся за исследование правовых и институциональных факторов, ведущих к свободному обществу. Хайек утратил интерес к теоретическим дискуссиям 1950—1960-х годов, предметом которых были выросшие из «кейнсианской революции» макроэкономические концепции, и в ожидании, когда уляжется буря сциентизма, взялся за начатое Карлом Менгером исследование возникновения и эволюции институтов. Плодом тридцатилетних усилий стали две работы первостепенной важности — «Конституция свободы» (Наук 1990а; Хайек 2007) и «Право, законодательство и свобода» (Наук 1978, 1981; Хайек 2006).

Здесь невозможно представить все достижения Хайека в области теории права и политологии, хотя на испанском эта работа уже проделана выдающимся исследователем его творчества (De la Nuez 1994). Отметим только наличие очевидной связи между достижениями Хайека в области экономической теории и в области теории права и политологии. Согласно Хайеку, поскольку социализм представляет собой системную, институционализированную атаку на свободу человеческой деятельности, осуществляемую посредством *принуждающих декретов и приказов*, следствием оказывается разрушение традиционной концепции *права*, понимаемого как совокупность правил, имеющих *общий* (равно применимых к каждому) и *абстрактный* (поскольку они просто устанавливают рамки деятельности, никак при этом не оговари-

вая конкретных результатов социального процесса) характер. В результате материальное право оказывается вытесненным ложным «правом», которое представляет собой конгломерат административных предписаний, норм и приказов, точно устанавливающих, как именно должен действовать тот или иной человек. Так что по мере расширения и углубления государственного вмешательства в экономику традиционные законы перестают действовать в качестве норм личного поведения, а их роль принимают на себя принуждающие декреты и приказы, исходящие от властного органа (избранного демократически или нет), которые Хайек, противопоставляя их общей концепции права, называет «законодательством». Таким образом, сфера практического действия закона сужается и оказывается ограниченной теми областями, которые, даже если они являются объектом регулирования, не попадают под прямое влияние интервенционистского режима.

Более того, у всего этого есть еще очень существенное побочное следствие: поскольку вместе с материальными законами исчезают и важные ориентиры, постепенно меняется и тип личности, так что люди утрачивают привычку приспосабливаться к абстрактным, общим правилам поведения. Они все в меньшей степени усваивают и соблюдают традиционные нормы поведения. Кроме того, социализм культивирует пренебрежение к закону, поскольку во многих случаях неисполнение приказов властей становится вопросом выживания, а для коррумпированных предпринимателей это же является залогом успеха, так что в результате люди начинают воспринимать пренебрежение правилами как превосходное выражение человеческой изобретательности (которую нужно воспитывать и поощрять), а не как нарушение системы норм, чреватое опасностью для общественной жизни. Короче говоря, социализм толкает людей к нарушению закона, выхолащивает содержание закона и извращает его, дискредитируя закон на социальном уровне, в результате чего граждане теряют всякое уважение к закону.

Согласно Хайеку, это унижение концепции права неизменно сопровождается параллельным унижением концепции *справедливости*. В традиционном смысле справедливость —

это равная обязательность для всех людей абстрактных материальных правил поведения, составляющих частное право и уголовное право. Поэтому вовсе не случайно правосудие изображают с завязанными глазами — оно и должно быть *слепо* в применении закона, ибо сказано: «не будь лицепрятен к нищему; и не угождай лицу великого» (Лев 19, 14). Поскольку социализм систематически искажает традиционную концепцию закона, он также подменяет традиционную идею справедливости. Ведь в социалистической системе «справедливость» состоит преимущественно в произвольных оценках, осуществляемых правящими органами или отдельными судьями, исходящими из более или менее эмоционального впечатления о конкретных «конечных результатах» некоего социального процесса, который, как им представляется, они воспринимают в данный момент и смело пытаются направлять с помощью приказов. Получается, что теперь оценивается не поведение людей, а воспринимаемый «результат» поведения в ложном контексте «справедливости», которую украшают прилагательным «социальная», чтобы сделать ее привлекательной для пострадавших от несправедливости. С позиций традиционного права, *нет ничего более несправедливого, чем концепция социальной справедливости*, потому что она опирается на взгляды, впечатления или оценки «результатов» социальных процессов, невзирая на оценку поведения людей с позиций норм традиционного права.

Хайек отмечает, что в традиционном праве судьи выполняют чисто интеллектуальную функцию и не имеют права действовать под влиянием эмоций или личной оценки последствий приговора для каждой из сторон. Если, как это происходит в социалистической системе, объективное применение закона оказывается необязательным и допускаются судебные решения, основывающиеся на более или менее субъективных эмоциональных впечатлениях, исчезает всякая правовая определенность, а люди скоро начинают понимать, что любое притязание может получить судебную защиту, если удастся произвести на судью благоприятное впечатление. Это становится мощным стимулом для сутяжничества, а в хаотической ситуации, создаваемой паутиной

противоречивых и произвольных декретов, обременяет судей настолько, что их работа делается все более невыносимой и неэффективной. Процесс распада заканчивается только с фактическим исчезновением традиционного правосудия, а также судей, которые превращаются в обычных бюрократов, подчиняющихся политической власти и отвечающих за проведение в жизнь ее распоряжений. В таблице 6.2 представлены основные различия между стихийным процессом, основанным на предпринимательстве и свободном взаимодействии людей, и организованной системой, базирующейся на приказах и институциональном принуждении. Таблица выявляет противоположные эффекты, оказываемые, согласно Хайеку, этими двумя подходами на концепции права и справедливости и их применение.

Таблица 6.2

Стихийный социальный процесс, основанный на предпринимательстве (свободное социальное взаимодействие)	Социализм (систематическая институциональная агрессия против предпринимательства и свободной человеческой деятельности)
1. Координация в обществе осуществляется стихийно благодаря предпринимательству, которое постоянно открывает и устраняет социальную рассогласованность, возникающую как возможность получения прибыли (стихийный порядок)	1. Предпринимаются попытки для обдуманной координации сверху с помощью <i>исходящих от властей, принудительных указов, распоряжений и регулирования</i> (организованная иерархия — от <i>hieros</i> — священный и <i>archein</i> — властвовать)
2. Главной фигурой процесса является <i>человек</i> , действующий и проявляющий творческую предприимчивость	2. Главной фигурой процесса является <i>лидер</i> (демократический или нет) и <i>государственный чиновник</i> (человек, действующий в соответствии с административными приказами и постановлениями властей)

1	2
<p>3. Социальное взаимодействие строится на <i>договорных</i> связях, а стороны обмениваются товарами и услугами в соответствии с материальными юридическими правилами (правом)</p>	<p>3. Социальное взаимодействие строится на гегемонических связях: одни приказывают, другие повинуются. В «социальной демократии» «большинство» осуществляет принуждение по отношению к «меньшинству»</p>
<p>4. Преобладает <i>традиционная концепция права, понимаемого как совокупность абстрактных общих правил</i>, равно применяемых ко всем независимо от входящих обстоятельств</p>	<p>4. Преобладают <i>постановления и предписания</i>, формально во всем подобные традиционным нормам закона, но являющиеся особыми, конкретными указами, которые предписывают людям выполнять в определенных обстоятельствах определенные действия и не применяющиеся равным образом ко всем</p>
<p>5. Законы и институты, делающие возможными социальные процессы, не были созданы обдуманно, а <i>развились из традиций</i>; они заключают в себе накопленные многими поколениями огромные объемы практического опыта и информации</p>	<p>5. <i>Органы власти</i> обдуманно выпускают постановления и предписания, которые в силу неустранимого неведения властей относительно гражданского общества отличаются крайним несовершенством и неосновательностью</p>
<p>6. Стихийный процесс делает возможным <i>социальный мир</i>, поскольку каждый человек, действующий в рамках закона, получает выгоду от своего практического знания и <i>преследует собственные частные цели</i> на пути мирного сотрудничества с другими людьми, стихийно приспосабливая свое поведение к поведению других людей, преследующих совсем другие цели</p>	<p>6. Должна <i>преобладать</i> и быть обязательной для всех одна цель или один набор целей, достижение которых обеспечивается обдуманными распоряжениями. Это ведет к неустранимому и бесконечному социальному конфликту и насилию, исключаям всякую возможность социального мира</p>

1	2
7. Свобода понимается как отсутствие насилия или агрессии (как институциональных, так и не имеющих системного характера)	7. «Свобода» понимается как способность в любой момент достигать конкретные цели посредством простого акта воли, приказа или прихоти)
8. Преобладает традиционное понимание <i>справедливости</i> , в соответствии с которым закон (его материальная часть) должен быть одинаковым для всех независимо от конкретных результатов социального процесса. Единственным видом равенства является <i>равенство перед законом</i> , применяемым системой правосудия, слепой к частным различиям между людьми	8. Преобладает ложная идея «справедливости результатов» или <i>«социальной справедливости»</i> , иными словами, идея <i>равенства результатов</i> социального процесса независимо от поведения (какими бы они ни были с позиций традиционного права) участвующих лиц
9. Преобладают отношения <i>абстрактного, экономического и делового</i> характера. Ложные концепции лояльности, «солидарности» и иерархии не вменяются в жизнь людей. Каждый выстраивает свое поведение в соответствии с нормами материального права и участвует во <i>всеобщем социальном порядке</i> , в котором нет ни «врагов», ни «друзей», ни ближних, ни дальних, а есть просто множество людей, в большинстве своем неизвестных, с которыми человек взаимодействует взаимовыгодным и все более сложным и далеко идущим образом (истинное значение термина «солидарность»)	9. В социальной жизни преобладает <i>политическое</i> , а главные связи «родоплеменные»: а) <i>преданность</i> группе и ее волю; б) уважение к <i>иерархии</i> ; в) помощь «ближнему», с которым ты знаком («солидарность»), и пренебрежение и даже презрение к «другим», более или менее неизвестным людям, являющимся членами других «племен», которые только в силу этого вызывают недоверие и считаются «врагами» (ложное и близорукое значение термина «солидарность»)

Глава 7

ВОЗРОЖДЕНИЕ АВСТРИЙСКОЙ ШКОЛЫ

7.1. Кризис теории равновесия и математической экономики

Три десятилетия после окончания Второй мировой войны, вплоть до 1975 г., были в нашей науке временем триумфа неоклассическо-кейнсианского синтеза и математических моделей равновесия. В этот период анализ с позиций теории равновесия стал основой экономической науки, хотя следует заметить, что в вопросе об использовании идеи равновесия экономисты разделились на два больших лагеря.

Один лагерь пошел за Самуэльсоном, который после публикации «Основ экономического анализа» (Samuelson 1947) присоединился к Хиксу в разработке неоклассическо-кейнсианского синтеза. Самуэльсон открыто принял теорию Ланге и Лернера о возможности рыночного социализма (Samuelson 1947, 217, 232), а тем самым и враждебное отношение к открытой Мизесом теореме о невозможности социализма. Более того, Самуэльсон поставил перед собой цель реформировать экономическую науку на основе широкого применения математического языка и в результате принял ряд упрощающих положений, которые почти целиком исключили из его модели богатство и сложность реальных рыночных процессов. На этом пути шаг за шагом средства анализа (математические методы) были смешаны с его содержанием, а синтаксическая ясность была достигнута ценой обеднения семантического содержания экономического анализа, вплоть до того, что не признавался научный статус самых реалистичных, но не использующих математик теорий. А так называемой литературной экономической теории было отказано в праве на существование (Boettke 1997, 11—64).

Теоретики этой группы, в которую вошли также Кеннет Эрроу, Джерард Дебрё, Фрэнк Хан, а позднее и Джозеф Стиглиц, приняли конкурентно-равновесную модель как нормативную, как идеальное состояние реальной экономической жизни. Поэтому когда они замечали, что реальные условия не соответствуют равновесию в условиях совершенной конкуренции, то воображали, что выявили ситуацию «провала рынка», оправдывающую немедленное вмешательство государства, которое должно сдвинуть ситуацию к идеалу, представленному моделью общего равновесия.

В оппозиции к первому лагерю сформировался второй, куда вошли теоретики равновесия, несмотря на это, являвшиеся сторонниками рыночной экономики. Ядро этой группы составляла чикагская школа, а среди ее ведущих авторов числились Милтон Фридмен, Джордж Стиглер, Роберт Лукас и Гэри Беккер, которых объединяла приверженность таким теоретическим принципам, как модель равновесия, принцип максимизации и допущение постоянства.

Реакция этих экономистов, которые хоть и были теоретиками равновесия, но защищали рыночную экономику от нападков первого лагеря, выступавшего с позиции «провалов рынка», состояла в указании на то, что модель равновесия достаточно точно описывает реальный мир, но, в соответствии с принципами школы общественного выбора, провалы государственного сектора всегда будет превосходить любые провалы частного сектора.

Теоретики чикагской школы считали, что этот подход обеспечивает им иммунитет от нападков теоретиков провалов рынка и что чикагский анализ доказывает ненужность государственного вмешательства в экономику. Поскольку, с точки зрения этой школы, реальный мир очень похож на модель конкурентного равновесия, ее члены держались убеждения, что реальный рынок эффективен по критерию Парето и не требует государственного вмешательства, тем более что коалиция политиков, избирателей и бюрократов также действует весьма неэффективно.

С точки зрения динамической австрийской концепции рынка, позиции обоих этих лагерей в высшей степени уязвимы.

В отношении чикагских моделей австрийцы отмечают, что те основываются исключительно на следующих исходных предположениях: равновесие, максимизация и постоянство. Австрийцы утверждают, что, прежде чем делать вывод о том, что реальная ситуация очень близка к модели равновесия, чикагским теоретикам следовало бы разработать теорию реального рыночного процесса, которая бы объясняла, чем этот процесс напоминает равновесие, если он его вообще напоминает. Иными словами, вера представителей чикагской школы в то, что модель конкурентного равновесия достоверно описывает реальный мир, слишком утопична; они безо всякой необходимости оставляют фланги открытыми для идеологических противников из первого лагеря, в некотором смысле более реалистичных.

Но и неоклассические теоретики провалов рынка, с австрийской точки зрения, допускают существенные ошибки. Они не замечают динамичных эффектов координации, осуществляемого предпринимателями, которые проявляются на реальном рынке. Эти теоретики предполагают, что с помощью государственного вмешательства каким-то образом можно приблизиться к идеалу общего равновесия, как если бы плановые органы на самом деле могли получить информацию, которая в действительности им принципиально недоступна. Австрийцам теоретики провалов рынка не кажутся утопистами, напротив, некоторые из них считают мир куда худшим местом, чем он есть на самом деле. Но, сделав центром анализа равновесие, пусть даже в качестве ориентира, они упускают из виду происходящий на рынке реальный процесс координации и тот факт, что столь критикуемое ими неравновесие не является проявлением ни несовершенства, ни провалов рынка, а фактически представляет собой самую естественную черту реального мира и что в любом случае реальный рыночный процесс превосходит все доступные для человека альтернативы.

Таким образом, если оставить в стороне теорию общественного выбора, то, с точки зрения экономистов австрийской школы, в подходе теоретиков провалов рынка имеются две основных теоретические проблемы: во-первых, они

не учитывают, что интервенционистские меры, предлагаемые ими с целью приблизить состояние реального мира к модели равновесия, крайне вредны для предпринимательского процесса координации, происходящего в реальном мире; и, во-вторых, они предполагают, что тот, кто осуществляет государственное вмешательство, может иметь доступ к принципиально недоступной информации.

Австрийские теоретики предлагают выйти за пределы двух равновесных подходов (предлагаемых чикагской школой и теоретиками провалов рынка), перенеся фокус экономических исследований на динамический процесс предпринимательской координации, который в конечном счете и обеспечивает движение к состоянию равновесия, хотя в реальной жизни это состояние недостижимо. Тогда в фокусе исследования окажется не модель равновесия, а анализ динамики, т.е. исследование рыночных процессов, что позволит избежать серьезных пороков обеих разновидностей неоклассического подхода.

Два примера, из микро- и макроэкономики, помогут прояснить это предложение австрийцев.

Первый пример — это современное развитие теории информации, которое, по версии чикагской школы, началось с плодотворной статьи Стиглера «Экономическая теория информации» (Stigler 1961; Стиглер 1995). Стиглер и его последователи из чикагской школы рассматривают информацию объективно, т.е. как товар, который продают и покупают на рынке с учетом издержек и выгод. Эти теоретики признают, что в реальном мире существует неведение, но утверждают при этом, что оно всегда существует на «оптимальном» уровне, так как поиск новой информации, объективно говоря, заканчивается, только когда предельные издержки оказываются выше предельного дохода.

Теоретики провалов рынка во главе с Гроссманом и Стиглицем, в соответствии с характерным для них подходом, дают иной экономический анализ информации. У них получается, что реальный мир пребывает в состоянии неэффективного равновесия, в котором они выделяют следующий «провал»: поскольку экономические агенты считают,

что цены являются эффективным носителем информации, возникает эффект «безбилетника», в силу которого экономические агенты не заботятся о частном приобретении нужной им дополнительной информации, потому что она стоит дорого. Эти теоретики делают очевидный для них вывод: рынок склонен производить неэффективно малый объем информации, что оправдывает вмешательство государства, когда выгоды превосходят издержки на отслеживание ситуации и пр. (Grossman and Stiglitz, 1980).

Как мы отметили в начале этой книги, с позиции австрийской школы, принципиальной проблемой обоих подходов является то, что они рассматривают информацию как нечто объективное, как если бы информация где-то «хранилась» (хотя порой никто не знает где). В отличие от теоретиков двух неоклассических направлений, австрийцы полагают, что информация, или знание, всегда субъективна и не может быть данной, потому что предприниматели постоянно ее создают или порождают в ходе выявления возможностей прибыли, что происходит, когда в непрерывно меняющейся конфигурации рыночных цен находят незамеченные прежде рассогласованность или нескоординированность. Таким образом, предпринимательская информация не может распределяться с учетом издержек и выгод, потому что, пока предприниматели ее не откроют, ее ценность никому не известна. Более того, раз невозможно осуществить максимизирующее распределение (с учетом издержек и выгод), весь предлагаемый чикагской школой анализ информации рассыпается как карточный домик.

К тому же, пока свободное предпринимательство осуществляется без помех или запретов, нет оснований полагать, что рынок «недопроизводит» информацию, потому что отсутствуют критерии, по которым можно было бы оценить, насколько объем информации, реально создаваемой рынком, меньше «оптимального». Здесь непосредственно применим австрийский анализ теоретической невозможности социализма, в соответствии с которым надзорный орган никогда не сможет превзойти творческую предпринимательскую способность экономических агентов, являющихся главными

движущими силами рыночных процессов. Как известно, падре Хуан де Мариана еще в период испанского золотого века провозгласил, что слепой не может быть поводырсом зрячих (даже если зрение последних «несовершенно» или они видят только одним глазом).

Второй пример, помогающий понять австрийское предположение, — это разные теоретические предположения ученых относительно рынка труда. Как известно, теоретики чикагской школы неоклассической макроэкономической теории подвергли резкой критике иррациональность кейнсианского допущения о том, что ставки номинальной заработной платы негибки к понижению. Мы уже видели, что члены чикагской школы рассматривают существующее на рынке неведение как, по определению, «оптимальное». Иными словами, безработный остается безработным, потому что предпочитает продолжить поиск более подходящей работы, чем принять то, что ему предлагают, откуда делается вывод о том, что на реальном рынке не может существовать вынужденной безработицы. Они также делают вывод о существовании экономических циклов, оказывающих влияние на занятость, причиной чего может быть либо ряд неожиданных изменений объема денежной массы, мешающих агентам четко отличать происходящие по реальным причинам изменения относительных цен от порождаемых инфляцией изменений общего уровня цен (Lucas 1977), либо просто внезапное появление внешнего предложения, или реальных шоков (Kydland and Prescott 1982).

Со своей стороны, неокейнсианцы (Shapiro and Stiglitz 1984; Salop 1979) разработали разные модели безработицы в состоянии равновесия, основанные на максимизирующем поведении агентов, действующих в окружении, в котором подтверждается гипотеза «эффективной заработной платы». Согласно этой гипотезе, не производительность определяет ставки заработной платы, а, наоборот, ставки заработной платы определяют производительность. Иными словами, чтобы поддерживать заинтересованность своих работников, предприниматели устанавливают ставки заработной платы на слишком высоком уровне, при котором рынок труда

не расчищается. И в этом случае, с позиций динамической австрийской концепции рынка, оба подхода совершенно неадекватны. Считать, как это делают чикагские теоретики, всю безработицу «добровольной» крайне нереалистично, поскольку тем самым предполагается, что реальные процессы координации, образующие суть рыночного процесса, уже завершены, а потому достигнуто и конечное состояние покоя, описываемое моделью равновесия. На самом деле реальный рынок пребывает в постоянном состоянии неравновесия, и даже при отсутствии институциональных ограничений (законы о минимуме заработной платы, вмешательство профсоюзов и пр.) вполне возможно, что многие люди, которые были бы рады работать на определенных предпринимателей (а те с радостью приняли бы их на работу), остаются безработными, и им так и не суждено встретить этих предпринимателей, а если они и пересекутся, то не сумеют воспользоваться взаимовыгодной возможностью заключить договор о найме — просто в силу недостатка предпринимательской бдительности.

Что же касается теоретиков гипотезы «эффективной заработной платы», представление о том, что в отсутствие юридических или профсоюзных ограничений состояние вынужденной безработицы может — из-за «эффективной заработной платы» — длиться сколь угодно долго, прямо противоречит предпринимательскому желанию нанимателей и наемных работников получать прибыли и избегать убытков. В самом деле, если бы рабочие потребовали слишком высокую заработную плату и, как следствие, не смогли бы найти работу, они снизили бы свои требования; точно так же и в случае предпринимателей: если бы кто-то переплачивал своим рабочим, чтобы они были довольны, а позднее бы обнаружил, что может нанять таких же или даже более толковых работников за меньшие деньги, в конце концов он вынужден был бы изменить стратегию по доброй воле или под давлением, чтобы выжить на рынке. Более того, мы даже не упомянули, что неокейнсианцы проглядели то, какие серьезные последствия для занятости имеет государственное вмешательство в работу рынка труда, понимаемого как динамический процесс.

С позиций австрийской школы, экономические циклы не являются ни чисто экзогенными явлениями (вызываемыми неожиданными внешними изменениями, реальными шоками и т.п.), как полагают чикагские теоретики, ни чисто эндогенными (провоцируемыми негибкостью номинальной или реальной заработной платы или эффективной заработной платой), как считают кейнсианцы. Для австрийцев, как нам известно, причины экономических циклов кроются в определенных денежно-кредитных институтах (банковское дело с частичным резервированием под управлением центрального банка). Хотя сегодня эти институты считаются чисто рыночными, они не возникли в ходе естественного развития, а были навязаны извне и порождают значительную рассогласованность в процессе межвременной рыночной координации (Huerta de Soto 2006; Уэрта де Сото 2007).

Поэтому можно сделать вывод, что динамическая австрийская концепция рынка сглаживает недостатки и смягчает крайние выводы двух течений теории равновесия (чикагской школы и некейнсианства), а также привносит в анализ элемент реализма, позволяющего обойти порождаемые обоими вариантами неоклассического подхода серьезные ошибки в теории и экономической политике.

Поэтому неудивительно, что современная экономическая наука, в которой господствует математический язык обеих ветвей теорий равновесия, по общему мнению, переживает глубокий кризис. Можно выделить следующие главные его причины: во-первых, акцент на исследование состояний равновесия, не имеющих ничего общего с реальностью, но зато являющихся единственными состояниями, которые поддаются математическим методам анализа; во-вторых, полное пренебрежение ролью динамических рыночных процессов и реальной конкуренции, либо их исследование ведется под неправильным углом зрения; в-третьих, недостаточное внимание роли, которую играют на рынке субъективная информация, знание и процессы обучения; и, в-четвертых, неразборчивость в использовании макроэкономических агрегатов и сопутствующее пренебрежение исследованием процессов координации пла-

нов индивидуальных участников рынка. Все эти факторы объясняют царящее в экономической науке непонимание наиболее острых проблем реальной экономической жизни нашего времени, а также состояние кризиса и падение престижа нашей науки. У всех вышеперечисленных факторов есть один общий источник: нереалистичность допущений и попытка применить методологию, характерную для естественных наук, в науках о человеческой деятельности, в области, им совершенно чуждой. Именно состояние кризиса экономической науки объясняет также и начавшееся в 1974 г. мощное возрождение австрийской школы экономической теории, члены которой смогли, имея в виду необходимость перестройки нашей дисциплины, предъявить альтернативную парадигму, гораздо более реалистичную, логически последовательную и плодотворную.

7.2. Ротбард, Кирцнер и возрождение австрийской школы

Присуждение в 1974 г., через год после смерти Мизеса, Нобелевской премии по экономике Ф. А. Хайеку, его самому блестящему ученику, и растущее недоверие к кейнсианской макроэкономической теории и ее интервенционистским рецептам — ситуация, впервые ставшая очевидной в период стагфляции 1970-х, — придали новый импульс доктринальному развитию австрийской школы (Kirzner 1987, 148—150).

Ведущую роль в этом возрождении австрийской школы сыграли два самых блестящих американских ученика Мизеса — Мюррей Ротбард и Израэл Кирцнер.

Ротбард родился в 1926 г. в Нью-Йорке, в семье еврейских иммигрантов из Польши. Докторскую степень он получил в Колумбийском университете (Нью-Йорк), где учился под руководством своего соседа, знаменитого экономиста Артура Бернса. Ротбарду повезло стать участником семинара, который в то время Людвиг фон Мизес проводил в Нью-Йоркском университете, и он сразу выдвинулся в число его самых молодых, одаренных и многообещающих учеников.

Со временем Ротбард стал профессором экономики в Нью-Йоркском политехническом институте, а позднее в Невадском университете, штат Лас-Вегас, где и преподавал вплоть до своей внезапной смерти 7 января 1995 г. Ротбард был одним из самых последовательных, разносторонних и настойчивых мыслителей австрийской школы, занимавшихся разработкой естественно-правового философского фундамента экономического либерализма. Он опубликовал более двадцати книг и сотни статей, включая важные работы по экономической истории, такие как «Великая депрессия в Америке» (Rothbard 1975), и по экономической теории, например «Человек, экономика и государство» (Rothbard 1993), а также «Власть и рынок» (Rothbard 1977; Ротбард 2002; Ротбард 2007). Кроме того, недавно издательство «Эдвард Элгар» опубликовало в Англии книгу «Логика деятельности», двухтомную антологию основных статей Ротбарда по экономической теории (Rothbard 1997). То же издательство осуществило посмертную публикацию двух томов монументальной работы Ротбарда «Австрийский взгляд на историю экономической мысли» (Rothbard 1995a, 1995b).

Израэл Кирцнер родился в Англии в 1930 г. и после ряда семейных пертурбаций перебрался в Нью-Йоркский университет для изучения делового администрирования. Также случайно (для получения степени нужно было набирать баллы в зачетную книжку, и он решил походить на семинар профессора с самым большим числом публикаций, которым оказался Мизес) он вошел в контакт с великим австрийцем и стал еще одним усердным участником мизесовского семинара. Более того, Кирцнер понял, что его призвание — преподавать, и стал профессором экономики в том же институте, где незадолго до этого получил докторскую степень. Кирцнер специализировался в развитии динамического понимания предпринимательства и в изучении координационной функции предпринимательства на рынке. Он опубликовал несколько значительных книг на эту тему, в том числе «Конкуренция и предпринимательство» (Kirzner 1973; Кирцнер 2001; Кирцнер 2007), «Восприятие, возможность и прибыль» (Kirzner 1979)

и «Открытие и капиталистический процесс» (Kirzner 1985). Кроме того, в книге «Открытие, капитализм и распределительная справедливость» (Kirzner 1989) Кирцнер исследовал последствия применения его динамичной концепции предпринимательства для *социальной этики*. Наконец, он написал множество статей по австрийской экономической теории в целом и о предпринимательстве в частности и сумел в них представить очень четкое, вдохновляющее понимание роли предпринимательства в рыночных процессах, которое мы уже изложили в главе 2 этой книги.

В новом возрождении австрийской школы принимала участие большая группа молодых теоретиков из различных европейских и американских университетов. Среди американских университетов выделяются Нью-Йоркский (Марио Риццо и Израэл Кирцнер), университет Джорджа Мейсона (Питер Бёттке, Дональд Лавой и Карен Вон) и Обернский университет, шт. Алабама (профессора Роджер Гаррисон, Джозеф Салерно и Ганс-Герман Хоппе), а в других учебных заведениях мы видим, среди многих других, столь заметных австрийских экономистов, как Йорг Гвидо Хюльсманн, Джералд О’Дрисколл, Лоренс Уайт и Джордж Селгин. В Европе упомянем профессоров Стивена Литтлчайлда и Нормана Барри из Букингемского университета, профессоров Уильяма Кейзера и Геррит Мейджер в Голландии, профессора Раймундо Кубедду в Италии, профессоров Паскаля Салена и Жака Гарелло во Франции, профессора Хосе Мануэля Морейру из университета Оporto в Португалии, а в Испании к австрийской школе тяготеет растущая группа профессоров и исследователей, осознающих огромную ответственность, налагаемую признанием испанских корней школы (см. главу 3), которая быстро консолидируется и включает профессоров Рубио де Уркваи, Хосе Хуана Франка, Анхела Родригеса, Оскара Вару, Хавьера Аранзандель Керро и пр.

Кроме того, последние двадцать пять лет наблюдается значительный рост публикаций книг и монографий авторов, принадлежащих к австрийской школе экономической теории, а их статьи регулярно появляются в двух научных

журналах: *The Quarterly Journal of Austrian Economics*, публикуемом раз в квартал издательством *Transaction Publishers* в США, и *The Review of Austrian Economics*, выходящем дважды в год в издательстве *Kluwer Academic Publishers* в Голландии.

Наконец, регулярно собираются всевозможные международные конференции и семинары, дающие возможность обсудить новые идеи и достижения современной австрийской школы экономической теории. В них участвуют профессора и исследователи со всего мира.

7.3. Текущая исследовательская программа австрийской школы и ее предсказуемый вклад в будущее развитие экономической науки

Падение Берлинской стены, а с ней и реального социализма оказало глубокое влияние на господствовавшую до тех пор неоклассическую парадигму и общую ситуацию в экономической науке. Представляется очевидным, что экономика как наука потерпела серьезное поражение, потому что, за единственным исключением австрийской школы, экономисты не смогли предвидеть столь важное событие и дать его адекватный анализ. К счастью, благодаря пережитому конфузу у нас теперь есть возможность верно оценить природу и степень искажений, вносимых неоклассическими «теоретическими окулярами», которые до настоящего момента мешали большинству экономистов с достаточной ясностью видеть и понимать наиболее значительные события общественной жизни. Более того, нет необходимости осуществлять перестройку экономической науки «с нуля», так как многие необходимые аналитические инструменты уже разработаны и отшлифованы австрийскими теоретиками, которым с самого основания школы приходилось отстаивать, объяснять и уточнять свою позицию в постоянных дискуссиях с оппонентами-сциентистами.

Вряд ли можно здесь перечислить все области нашей дисциплины, затронутые сложившейся ситуацией, и уж тем

более не получится детально описать новое содержание, которое может принести вклад представителей австрийской школы, поэтому мы ограничимся рядом отдельных примеров.

Во-первых, следует отметить *теорию институционального принуждения*, развившуюся из австрийского анализа социализма. Мы уже объяснили, что каждый акт предпринимательства подразумевает открытие новой информации, ее распространение на рынке и согласование несоординированного поведения людей, и все это в рамках стихийного эволюционного процесса, который делает возможной жизнь в обществе. Поэтому ясно, что систематическое, институционализированное принуждение, сопутствующее социализму и интервенционизму (т.е. государственному вмешательству в рыночную экономику), в большей или меньшей степени блокирует не только создание и распространение информации, но и нечто еще более серьезное: стихийный процесс координации рассогласованного поведения и, таким образом, само сохранение скоординированного социального процесса. В общем, необходимость анализа рассогласованностей, создаваемых экономическим интервенционизмом всюду, куда он вторгается, открывает огромное новое поле для исследований.

Во-вторых, необходимо отказаться от распространенной функциональной теории образования цен и заменить ее *теорией цен*, объясняющей, как последовательный эволюционный процесс приводит к динамичному формированию цен. Движущей силой этого процесса служит предпринимательство, т.с. человеческая деятельность участников рынка, а не пересечения более или менее загадочных кривых или функций, которые в любом случае не имеют реального значения, потому что информация, предположительно необходимая для их изображения, даже не существует в умах участников.

В-третьих, следует отметить развитие австрийской теории *конкуренции и монополии*, которая призывает к отказу от топорной статической теории рынков, предлагаемой в стандартных учебниках, и замене ее теорией конкуренции,

понимаемой как динамический, чисто предпринимательский процесс соперничества. Такая теория делает неактуальными проблемы монополии в их традиционном понимании и выдвигает на первый план институциональные ограничения предпринимательства во всех сферах рынка. Более того, важным политическим следствием австрийского подхода к конкуренции и монополии является необходимость пересмотра всей антимонопольной политики и законодательства, которые, с австрийской точки зрения, оказываются ненужными и даже вредными (Kirzner 1998—1999, 67—77; Armentano 1972).

В-четвертых, как мы уже видели, *теория капитала и процента* находится под сильным влиянием субъективистского подхода австрийской школы. Необходимо опять ввести теорию капитала в состав университетских курсов экономики, чтобы преодолеть неадекватность макроэкономического подхода, игнорирующего микроэкономические процессы координации, происходящие в производственной структуре реальной экономики.

В-пятых, по мнению представителей австрийской школы, в ближайшем будущем наиболее трудной теоретической задачей для нашей науки может оказаться *теория денег, кредита и финансовых рынков*. С завершением теоретического анализа социализма наименее изученной и самой жизненно важной областью является сфера денег и кредита, где продолжают господствовать методологические ошибки, теоретическая путаница и систематическое принуждение центральных банков. Социальные отношения, включающие использование денег, наиболее абстрактны и трудны для понимания, а потому знание, порождаемое ими, отличается наибольшей обширностью, сложностью и трудноуловимостью, что в свою очередь делает вмешательство государства в этой области особенно пагубным и в конечном счете непосредственной причиной регулярных экономических спадов (Huerta de Soto 2006; Уэрта де Сото 2007).

В-шестых, *теория экономического роста и экономической отсталости*, опирающаяся на модели равновесия и макроэкономические агрегаты, была сформулирована без учета

единственных подлинных героев этого процесса: людей, их бдительности и творческой предприимчивости. Поэтому следует перестроить всю теорию роста и экономической отсталости, устранив элементы, служащие оправданием институционального принуждения и делающие эту теорию не только бесполезной, но и опасной. Необходимо сосредоточиться на теоретическом исследовании процессов обнаружения возможностей развития, которые остаются незамеченными из-за недостатка предпринимательского элемента, несомненно, являющегося ключом к преодолению экономической отсталости.

В-седьмых, те же соображения применимы к так называемой *экономической теории благосостояния*, которая основана на фантазмагорической концепции эффективности по Парето и в принципе бесполезна и не относится к делу, потому что может работать только в статичной ситуации, характеризующейся наличием полной информации, чего никогда не бывает в реальности. Соответственно эффективность зависит не от критерия Парето, а должна быть определена через способность предпринимательства к стихийному координированию рассогласованностей, возникающих в ситуациях неравновесия (Cordato 1992).

В-восьмых, *теория «общественных» благ* всегда была чисто статичной и строилась в рамках парадигмы равновесия, поскольку исходила из того, что обстоятельства, определяющие «совместимость предложения» и «неисключительность в потреблении», заданы и не изменяются. Однако с позиций динамической теории предпринимательства любой явный пример коллективного блага создает для кого-то возможность открыть и устранить ситуацию посредством предпринимательского творчества в правовой и/или технологической области. Поэтому, с точки зрения австрийской школы, множество общественных благ имеет тенденцию становиться пустым; тем самым во многих областях общественной жизни исчезает самое затасканное алиби, привлекаемое в оправдание государственного вмешательства в экономику.

В-девятых, отметим исследовательскую программу, развиваемую австрийскими теоретиками в области *теории*

общественного выбора и экономического анализа институтов и права. В настоящее время в этих областях исследователи пытаются избавиться от нездорового влияния статичной модели, основанной на предположении о полноте информации, — модели, которая у неоклассиков породила псевдонаучный анализ многих законов, опирающийся на методологические предположения, идентичные тем, которые в прошлом привлекались для оправдания социализма (полнота информации). Подобные предположения исключают динамический, эволюционный анализ стихийных социальных процессов, чьей движущей силой является предпринимательство. Представители австрийской школы видят явное противоречие в попытке анализа правовых норм и правил, исходя из парадигмы, которая, подобно неоклассической, предполагает неизменность окружения и полноту информации (безусловной или вероятностной) относительно издержек и выгод, вытекающих из этих норм и правил. В самом деле, если бы такая информация существовала, в нормах и правилах не было бы необходимости, так что было бы эффективнее заменить их простыми приказами. Собственно говоря, если что-то и может служить объяснением и обоснованием эволюционного возникновения права, то это именно свойственное людям неустранимое неведение.

В-десятых, достижения австрийских теоретиков в целом и Хайека в частности дали революционный толчок развитию *теории народонаселения.* Для австрийцев люди не однородный фактор производства, а множество личностей, наделенных врожденной способностью к предпринимательскому творчеству. Поэтому они рассматривают рост численности населения не как помеху экономическому развитию, а как его движущую силу и необходимое условие. Более того, было показано, что развитие цивилизации включает постоянный рост горизонтального и вертикального разделения практического знания, которое возможно только в условиях параллельного роста числа людей, достаточного для поддержания наращивания объема практической информации, используемой на социальном уровне (Huerta de Soto 1992, 80—82). Эти идеи были затем развиты учеными, на-

ходившимися под влиянием австрийской школы, такими как Джулиан Саймон, который применил их к теории роста населения в странах третьего мира и к анализу положительных экономических последствий иммиграции (Simon 1989, Simon 1994; Саймон 2005).

И наконец, в-одиннадцатых, достижения австрийской школы оказывают мощное влияние в области *теоретического анализа справедливости и социальной этики*. Замечательными примерами этого является не только предложенный Хайеком во втором томе сочинения «Право, законодательство и свобода» критический анализ концепции социальной справедливости, но и упомянутая выше работа Кирцнера «Открытие, капитализм и распределительная справедливость», где он продемонстрировал, что у каждого человека есть право на плоды его собственной творческой предприимчивости. В своем анализе Кирцнер развивает и доводит до конечных логических следствий подход к этому вопросу, предложенный ранее Робертом Нозиком (Nozick 1974; Нозик 2007). Наконец, один из самых блестящих учеников Ротбарда — Ганс-Герман Хоппе разработал априорное обоснование прав собственности и свободного рынка на основе принципа Хабермаса, согласно которому аргументация предполагает существование и признание собственности каждого человека на свое тело и личные качества. Основываясь на этом принципе, Хоппе логически выводит целостную теорию свободного рынка и капитализма (Hoppe 1989), которая дополняет обоснование свободы, исходящее из концепции естественного права, предложенное Ротбардом в ставшем уже классическим трактате «Этика свободы» (Rothbard 1998).

Можно было бы упомянуть и другие области исследований, в которых программа неавстрийской школы экономической теории, несомненно, даст плодотворные результаты. Но мы считаем, что уже в достаточной мере обозначили направление, в котором сможет двинуться в будущем экономическая наука, освободившись от теоретических и методологических изъянов, пока сковывающих ее развитие. В новом столетии широкое распространение австрийского

подхода обеспечит становление более обширной, богатой, реалистичной и внятной социальной науки, которая всецело будет служить человечеству.

7.4. Ответы на некоторые замечания и критику

Ну а теперь перейдем к ответу на ряд наиболее типичных критических выпадов против австрийской парадигмы и объясним, почему мы считаем их необоснованными. Чаще всего австрийцам предъявляют следующие критические замечания.

А) Два подхода (австрийский и неоклассический) не исключают, а взаимодополняют друг друга.

Таков тезис тех неоклассических авторов, которые хотели бы сохранить эклектическую позицию и обойтись без прямого противостояния австрийской школе. Но австрийцы видят в этом не более чем прискорбное следствие нигилизма, типичного для методологического плюрализма, в соответствии с которым все методы приемлемы, так что у экономической науки остается только одно дело — выбор методов, наиболее пригодных для решения каждой конкретной проблемы. Австрийские авторы рассматривают эту позицию как попытку оградить неоклассическую парадигму от уничтожающей методологической критики. Тезис о совместимости был бы обоснован, если бы неоклассический метод (основанный на равновесии, постоянства и узких концепциях оптимизации и рациональности) соответствовал тому, как действуют люди в реальности, а не вел бы к искажению теоретического анализа, что ему, по мнению австрийцев, свойственно. Это объясняет необходимость переформулировать теоретические выводы неоклассиков с позиций динамической субъективистской австрийской методологии, выявить аналитически ущербные и отбросить их как несостоятельные. Ведь невозможно представить, что неоклассическая парадигма способна вместить реалии человеческой жизни, которые, подобно творческой предприимчивости, не укладываются в концептуальные рамки ее категорий. Попытка уложить изучаемую австрийцами

субъективную реальность человеческой деятельности в прокрустово ложе неоклассической парадигмы неизбежно ведет либо к вопиющему ее пародированию, либо к благополучному краху неоклассического подхода и замене его более богатой и реалистичной, сложной и проясняющей концептуальной схемой, характерной для австрийской школы.

Б) *Австрийцам не следует критиковать неоклассиков за использование упрощенных допущений, делающих реальность более легко постижимой.*

В ответ на этот часто используемый аргумент австрийские экономисты возражают, что одно дело — упрощенное предположение и совсем другое — совершенно нереалистичное. Допущения неоклассиков не годятся именно потому, что противоречат эмпирической реальности, тому, как люди действуют и выражают себя (динамически и творчески). Не упрощенность, а фундаментальная нереалистичность неоклассических предпосылок ставит под сомнение, с точки зрения австрийцев, обоснованность теоретических выводов, к которым приходят неоклассики в результате анализа изучаемых ими проблем прикладной экономики.

В) *Австрийцы не смогли формализовать свои теоретические построения.*

Это единственный аргумент, выдвинутый Стиглицем в недавнем критическом анализе моделей общего равновесия (Stiglitz 1994, 24—26). Мы уже объяснили, почему большинство австрийских экономистов с самого начала очень скептически относятся к использованию математического языка в нашей науке. Австрийцы рассматривают использование математики, скорее, как порок, а не достоинство, потому что этот символический язык был разработан для нужд логики, естественных наук и инженерного дела. Во всех этих областях нет ничего похожего на субъективное время и творческую предприимчивость, а потому в математических построениях отсутствуют самые главные особенности людей, являющихся главными фигурантами изучаемых экономикой социальных процессов.

Более того, нет никакой уверенности в том, что математики когда-либо справятся с задачей разработки совершенно новой «математики», которая позволит анализировать творческую способность человека во всем ее разнообразии. Для этого им пришлось бы отказаться от заимствованных ими в физическом мире постулатов постоянства, лежащих в основе всех известных математических языков. С нашей точки зрения, идеальным научным языком для анализа этой творческой способности является именно тот язык, который люди стихийно и постепенно развили в своей повседневной предпринимчивой деятельности и который нам известен в форме различных вербальных языков, используемых сегодня в мире.

Г) Австрийцы проводят очень мало эмпирических исследований.

Чаще всего австрийскую школу критикуют именно за это. Хотя австрийцы очень внимательны к истории, они признают, что их научная деятельность разворачивается в другой области, в области теории, и что, с их точки зрения, сначала нужна теория, а уж потом ее можно применять к реальности или иллюстрировать историческими событиями. По сути дела, австрийцы считают, что имеет место перепроизводство эмпирических данных и сравнительная нехватка теоретических исследований, облегчающих понимание и истолкование реальности. Более того, хотя методологические предположения неоклассической школы (равновесие, максимизация и постоянство предпочтений) вроде бы полезны для эмпирических исследований и сопоставления теорий, они часто маскируют истинные теоретические взаимосвязи, так что могут привести к серьезным ошибкам в теории и истолковании того, что происходит на деле в данный момент или в данных исторических обстоятельствах.

Д) Австрийцы пренебрегают экономическим прогнозированием.

Мы уже видели, что австрийские теоретики весьма сдержанны и осторожны в отношении возможности научного пред-

сказания будущих событий в экономической и социальной области. Они предпочитают заниматься разработкой концепций и теоретических законов, позволяющих истолковывать реальность и помогающих действующим людям (предпринимателям) принимать решения с большими шансами на успех. Австрийцы делают только качественные «предсказания» и формулируют их в строго теоретических терминах, но, как ни парадоксально, на практике именно реализм их допущений (динамические процессы предпринимательского творчества) позволяет делать значительно более точные «предсказания» в области человеческой деятельности, чем получается у их неоклассических коллег. Примерами могут служить предсказание краха реального социализма, неявно содержавшееся в данном Мизесом анализе невозможности социализма, и предсказание краха 1929 г. Любопытно, что неоклассические экономисты не предвидели этих грандиозных исторических событий.

Е) *У австрийцев нет эмпирических критериев для проверки истинности своих теорий.*

Согласно этой критике, часто звучащей со стороны эмпириков, страдающих комплексом Фомы Неверующего («поверю, когда увижу»), только эмпирическая проверка позволяет надежно выявлять несостоятельные экономические теории. Как мы уже знаем, этот подход пренебрегает тем фактом, что в экономической науке эмпирические свидетельства всегда противоречивы, потому что относятся к сложным историческим явлениям, не поддающимся проверке в лабораторных условиях, в которых значимые явления можно было бы изолировать, а все остальные факторы оставались постоянными. Иными словами, законы экономики — это всегда законы при прочих равных условиях (*ceteris paribus*), потому что в реальной жизни предположение о постоянстве всегда оказывается ложным. Австрийцы утверждают, что для проверки истинности теорий совершенно достаточно непрерывного устранения ошибок в цепочке логически-дедуктивных аргументов путем анализа и исследования различных шагов в формулировании теорий и чрезвычайной тщательности,

когда, в случае применения теории к реальным ситуациям, оказывается необходимым определить, верны ли стоящие за ними *допущения* в рассматриваемом историческом контексте. В силу единообразия логической структуры человеческого мышления предлагаемого австрийцами непрерывного процесса проверки истинности более чем достаточно для достижения intersubjectивного согласия между учеными, чего, в случае эмпирических явлений, достичь достаточно трудно, потому что последние в силу своей сложности неизменно допускают самые разные и взаимоисключающие истолкования.

Ж) Австрийцы догматичны.

К счастью, благодаря поразительному возрождению австрийской школы в последние годы и распространению более точного знания о ней среди экономистов это обвинение звучит все реже. Но в прошлом многие неоклассические экономисты поддавались искушению отменить австрийскую парадигму, обвинив ее в догматичности и даже не сделав попытки как следует с ней ознакомиться или ответить на выдвигаемую австрийцами критику.

Брюс Колдуэлл относится к числу тех, кто подверг резкой критике это отношение неоклассиков, с порога отвергавших методологическую позицию австрийцев, даже не попытавшись в ней разобраться. Колдуэлл утверждает, что это отношение само по себе догматично и совершенно неприемлемо с научной точки зрения. Критикуя отношение Самуэльсона к австрийской школе, он задается вопросом: «Каковы причины такой почти антинаучной реакции на праксиологию? В этом есть, конечно, элемент практической заинтересованности: в случае принятия праксиологии профессиональным сообществом, человеческий капитал большинства экономистов резко уменьшится (или устареет). Но главная причина отторжения предложенной Мизесом методологии не в ее выгоды. Попросту говоря, сосредоточенность праксиологов на «конечных основаниях» экономической теории должна казаться если не извращением, то глупостью тем экономистам, которые прилежно изучали методологию по

Фридмену, а потому совершенно уверены, что допущения не имеют значения, а ключевой вопрос — это предсказание. ...Независимо от причин такая реакция сама по себе догматична и, в сущности, антинаучна» (Caldwell 1994, 118—119).

Парадоксально, но настоящая заносчивость и догматизм присущи тому, как неоклассические экономисты обычно предъявляют свой подход, который они считают наиболее типичным для экономической науки, — подход, основанный на принципах равновесия, максимизации и постоянстве предпочтений. Тем самым неоклассики монополизируют понимание того, что они считают экономической наукой, и пытаются заткнуть рты теоретикам, которые, подобно австрийцам, представляющим альтернативную точку зрения, привержены более богатой и реалистичной парадигме и конкурируют с неоклассиками в области научных исследований. Мы надеемся, что в интересах будущего развития нашей дисциплины этот замаскированный догматизм (например, Becker 1995) окончательно исчезнет.

7.5. Заключение: сравнительная оценка австрийской парадигмы

То, как неоклассические экономисты обычно оценивают успех различных парадигм, соответствует их общей методологической позиции — все оценки строго эмпиричны и количественны. Например, главным доказательством своего «успеха» они обычно считают *число* ученых, разделяющих конкретную методологическую позицию. Часто ссылаются также на *число* конкретных проблем, которые удалось «разрешить» с помощью рассматриваемого подхода. Но «демократический» аргумент о числе ученых, разделяющих ту или иную парадигму, вряд ли убедителен (Yeager 1997, 153, 165). Дело не только в том, что, как свидетельствует история мысли, даже в естественных науках большинство ученых нередко заблуждалось; в экономической науке возникает дополнительная проблема: эмпирические свидетельства никогда не бывают бесспорными, а потому ошибочные доктрины не удается немедленно выявить и отвергнуть.

Более того, когда кажется, что основанный на равновесии теоретический анализ получает эмпирическое подтверждение, он потом долгое время воспринимается обоснованным даже при полной несостоятельности лежащей в его основе экономической теории. И даже если в конце концов теоретическая ошибка или дефект вскрываются, тот факт, что анализ имел отношение к решению конкретных исторических проблем, означает, что, когда проблемы перестают быть актуальными, допущенные при анализе теоретические ошибки остаются незамеченными большинством.

Кроме того, у многих групп (государственных органов, общественных лидеров и граждан в целом) сохраняется (и предположительно сохранится в будущем) наивная, но сильная потребность в конкретных предсказаниях и эмпирическом, «операциональном» анализе, способном предложить меры экономической и социальной политики. Поэтому неудивительно, что рынок удовлетворяет этот спрос (так же, как спрос на гороскопы и астрологические прогнозы), поставляя публике многочисленных «аналитиков» и «специалистов по социальной инженерии», которые со всей научной респектабельностью снабжают своих клиентов тем, в чем те нуждаются.

Мизес, однако, верно заметил: «Появление профессии экономиста — следствие интервенционизма. Профессиональный экономист — это специалист, который разрабатывает различные меры государственного вмешательства в производство. Он является экспертом в сфере экономического законодательства, которое сегодня неизменно направлено на создание препятствий на пути действия рыночной экономики» (Мизес 2005, 815). «Демократический» аргумент не имеет смысла, если профессиональные специалисты по государственному вмешательству в экономику должны определять конечную ценность парадигмы, которая, как в случае австрийского подхода, дискредитирует методологию, поддерживаемую этими специалистами. Более того, если признать, что в области экономической теории, в отличие от естественных или прикладных наук, возможны серьезные ошибки и откаты назад, то число успешно решенных практических

проблем нельзя считать надежным критерием теоретического успеха, потому что завтра может открыться, что кажущееся «правильным» с точки зрения результата опирается на ложную теорию.

Вместо эмпирических критериев успеха мы предлагаем *качественный критерий*. В соответствии с ним успех школы должен оцениваться по вкладу ее теоретических достижений в развитие человечества. И самой успешной будет школа, давшая в этом отношении больше других. При таком подходе очевидно, что австрийская школа превосходит неоклассическую. Австрийцы сформулировали теорию невозможности социализма, и если бы к ней вовремя прислушались, человечеству удалось бы избежать многих страданий. Более того, исторический крах реального социализма наглядно продемонстрировал обоснованность и огромную значимость австрийского анализа. Как мы уже отметили, аналогичную пронизательность австрийцы проявили в случае Великой депрессии 1929 г. и во многих других, когда речь шла о разрушительных последствиях государственного интервенционизма. Примеры включают сферу денег и кредита, теорию экономических циклов, выдвижение динамической теории конкуренции и монополии, которая вытеснила статическую, теорию интервенционизма, утверждение новых критериев динамической эффективности, заменивших традиционный критерий Парето, критический анализ концепции «социальной справедливости» и, короче говоря, более точное понимание рынка как процесса социального взаимодействия, движущей силой которого является предпринимательство. Все вышеперечисленное — примеры достигнутых австрийской школой существенных качественных успехов, резко контрастирующих с серьезными пороками неоклассической школы, члены которой, по их собственному признанию, не сумели понять теоретической невозможности социалистической экономики и предвидеть ее пагубные последствия. Шервин Розен, принадлежащий к чикагской школе, признал: «Случившийся в прошлом десятилетии крах системы централизованного планирования для большинства из нас стал полной неожиданностью» (Rosen 1997, 139—152). Был

захвачен врасплох и сам Рональд Коуз, сказавший: «Из того, что я знал или прочел, ничто не указывало на надвигающийся крах» (Coase 1997, 45).

Некоторые неоклассические экономисты, как, например, Марк Блауг, продемонстрировав немалое мужество, заявив о своем отказе от модели общего равновесия и статической неовальрасианской парадигмы. Блауг заключает: «Постепенно и крайне неохотно, но я все же пришел к выводу о том, что они [австрийская школа] правы, а мы все заблуждались [в вопросе о вальрасианском общем равновесии]» (Blaug and de Marchi 1991, 508). Позднее в связи с использованием неоклассической парадигмы для оправдания социалистической системы Блауг назвал ее «с управленческой точки зрения, наивной настолько, что она была решительно смелотворна. Повестись на весь этот вздор могли только люди, одурманенные статической теорией равновесия в условиях совершенной конкуренции. В 1950-х я оказался в числе тех, кто, будучи студентом, схавал все это, но сейчас могу только изумляться собственному идиотизму» (Blaug 1993, 1571).

Понятно, что, если мы хотим преодолеть инерцию, питаемую устойчивым общественным спросом на конкретные предсказания, формулы для государственного вмешательства и эмпирические исследования, потребляемые обществом вопреки тому, что, с теоретической точки зрения, они имеют серьезные изъяны, маскируемые эмпирическим контекстом, в котором трудно найти неопровержимые доказательства, необходимо развивать и распространять в нашей науке субъективистский австрийский подход. Поэтому *Methodenstreit* австрийской школы будет продолжаться до тех пор, пока в каждой конкретной ситуации люди будут выбирать идеи не по их теоретической обоснованности, а по обещанию что-то быстро изменить и пока будет преобладать традиционная заносчивость или пагубная рационалистическая самонадеянность рода человеческого. Именно в силу этой самонадеянности в каждой исторической ситуации люди исходят из того, что обладают куда более детальной и точной информацией, чем в состоянии когда-либо получить (Hayek 1988; Хайек 1992). Наше единственное оружие в борь-

бе против этой опасной склонности человеческого мышления, склонности, которая проявляется вновь и вновь, — это разработанная теоретиками австрийской школы гораздо более реалистичная, плодотворная и гуманистическая методология, которая, будем надеяться, в дальнейшем сможет оказывать все большее влияние на развитие экономической науки.

Приложение

Отрывки из текстов по австрийской экономической школе

Это приложение содержит три отрывка из работ, имеющих ключевое значение для истории экономической мысли, в которых обсуждается австрийская школа экономической теории. Мы предлагаем их как основу для возможного текстологического анализа. В качестве примера такового мы включили краткий комментарий к первому цитируемому отрывку.

Логическая экономика против математической экономики

Ниже мы приводим несколько важных отрывков из главы 16 (о ценах) экономического трактата Людвиг фон Мизеса «Человеческая деятельность». Мизес рассматривает антагонизм между сторонниками логического и математического направлений в экономической науке как нечто большее, чем простое разногласие по поводу предпочтительного метода экономических исследований. Речь идет о самих основаниях экономической теории. Либо мы сводим объект нашего анализа к состоянию равновесия, и в таком случае можно использовать математические методы, либо делаем главным объектом исследований рыночный процесс, и в этом случае математические методы не только неприменимы, но и противопоказаны. Прочтите, что говорит об этом сам Мизес.

«Проблема цен и издержек исследуется и с помощью математических методов. Всегда существовали экономисты, которые считали, что единственным подходящим методом изучения экономических проблем являются математические методы, и высмеивавшие экономистов-логиков как «литературных» экономистов.

Если бы антагонизм между экономистами сторонниками логики и математики представлял собой просто разногласия относительно наиболее адекватных процедур, которые

следует применять в экономическом исследовании, то было бы излишним уделять этому особое внимание. Лучший метод доказал бы свое преимущество, приводя к лучшим результатам. Возможно, разнообразие процедур было бы необходимо для решения разных проблем, и для некоторых из них один метод был бы более полезным, чем для других.

Однако это не полемика по поводу эвристических вопросов, а спор, затрагивающий основы экономической науки. Математические методы должны быть отвергнуты не только по причине их бессодержательности. Это абсолютно порочный метод, отталкивающийся от ложных предпосылок и ведущий к ошибочным выводам. Его силлогизмы не просто бесплодны; они уводят мысль от изучения реальных проблем и искажают взаимосвязи между явлениями.

Идеи и методики экономистов математического направления неоднородны. Существуют три течения, которые следует рассматривать отдельно друг от друга.

Первое представлено статистиками, которые стремятся обнаружить экономические законы, изучая экономический опыт. Они стремятся трансформировать экономическую теорию в «количественную» науку. Их программа сконцентрирована в девизе Эконометрического общества: «Наука — это измерение».

Фундаментальная ошибка, содержащаяся в этом рассуждении, показана выше. Опыт экономической истории — это всегда опыт сложных явлений. Сообщаемое им знание никогда не аналогично знанию, извлекаемому экспериментатором из лабораторного эксперимента. Статистика — это метод представления исторических фактов, касающихся цен и другой необходимой информации о человеческой деятельности. Она не является экономической наукой и не может вырабатывать экономические теоремы и теории. Статистика цен является экономической историей. Понимание того, что *ceteris paribus* увеличение спроса должно привести к повышению цен, получено не на основе опыта. Никто и никогда не был и не будет в состоянии наблюдать изменение одной рыночной переменной *ceteris paribus*. Никакой количественной экономической науки не существует. Все

экономические величины, которые нам известны, являются данными экономической истории. Ни один разумный человек не будет настаивать на том, что связь между ценой и предложением в целом или предложением конкретного товара является постоянной. Наоборот, нам известно, что внешние явления оказывают разное влияние на разных людей, что реакции одних и тех же людей на одни и те же внешние события меняются и что индивидов невозможно объединить в классы людей, реагирующих одинаково. Это понимание является продуктом нашей априорной теории. Сторонники эмпиризма отвергают эту теорию. Они делают вид, что стремятся получать знания только из исторического опыта. Однако они вступают в противоречие со своими собственными принципами, как только выходят за рамки чистой регистрации отдельных единичных цен и начинают строить ряды данных и вычислять средние. Данным опытом и статистическим фактом является только цена, уплаченная в определенное время и в определенном месте за определенное количество конкретного товара. Группировка различных цен и вычисление средних значений направляются теоретическими рассуждениями, которые логически и во времени этому предшествуют. Степень учета сопутствующих обстоятельств и привходящих моментов, относящихся к рассматриваемым ценам, зависит от такого же теоретического рассуждения. Никто еще не набрался смелости заявить, что увеличение предложения любого товара на a процентов должно всегда — в любой стране и в любое время — привести к падению его цены на b процентов. Но так как ни один сторонник количественной экономической теории еще не рискнул на основе статистического опыта точно специфицировать условия, вызывающие отклонение от отношения $a:b$, то тщетность их усилий очевидна. Более того, деньги не являются единицей измерения цен. Они — средство, меновое отношение которого также меняется, хотя, как правило, не с той же скоростью и не в той степени, в какой меняются взаимные меновые отношения товаров и услуг. Вряд ли есть необходимость в дальнейшем развенчании претензий количественной экономической

науки. Несмотря на громкие заявления ее защитников, для реализации ее программы не было сделано ничего. Последние свои исследования Генри Шульц посвятил измерению эластичности спроса на различные товары. Профессор Пол Г. Дуглас оценил результат исследований Шульца как «работу, столь же необходимую, чтобы помочь сделать экономическую теорию более или менее точной наукой, как определение атомных весов для развития химии». Но все дело в том, что Шульц не занимался определением эластичности спроса на любой товар как таковой. Данные, на которые он опирался, были ограничены определенными географическими областями и историческими периодами. Его результаты для конкретного товара, например картофеля, относятся не к картофелю вообще, а к картофелю в Соединенных Штатах в период с 1875 по 1929 гг. В лучшем случае это весьма сомнительный и неудовлетворительный вклад в различные разделы экономической истории. Это безусловно не шаг в направлении реализации запутанной и противоречивой программы количественной экономической науки. Необходимо подчеркнуть, что представители двух других направлений математической экономической теории полностью осознают всю бесполезность количественной экономической науки. Свидетельством этого является тот факт, что они еще ни разу не рискнули ввести в свои формулы и уравнения величины, определенные эконометристами, и тем самым использовать их для решения конкретных проблем. В сфере человеческой деятельности не существует других средств трактовки будущих событий, кроме обеспечиваемых пониманием.

Вторая область, изучаемая экономистами математического направления, это отношение между ценами и издержками. Занимаясь этими проблемами, они игнорируют работу рыночного процесса и, более того, делают вид, что абстрагируются от использования денег, присущего любому экономическому вычислению. Но когда они говорят о ценах и издержках в целом и сопоставляют цены и издержки, они молчаливо подразумевают существование и использование денег. Цены всегда являются денежными ценами, а из-

держки невозможно учесть в экономическом расчете, если они не выражены на языке денег. Если не пользоваться языком денег, то издержки выражаются комплексом разнородных товаров и услуг, которые необходимо затратить, чтобы получить конечный продукт. С другой стороны, цены, если этот термин вообще применим к любым меновым отношениям, определяемым прямым товарообменом, представляют собой перечисление количеств разнообразных товаров, на которые «продавец» может обменять определенный запас. Товары, к которым относятся эти «цены, не совпадают с товарами, к которым относятся «издержки». Сравнение цен и издержек, выраженных в натуральной форме, невозможно. То, что продавец ценит товары, которые он отдает, меньше, чем те, которые получает в обмен на них; продавец и покупатель расходятся в субъективных оценках двух обмениваемых товаров; предприниматель займется реализацией проекта только в том случае, если ожидает получить за произведенную продукцию товары, которые он ценит выше, чем потраченные на ее производство, все это нам уже известно из прагматологических размышлений. Именно это априорное знание позволяет нам предвидеть поведение предпринимателя, имеющего возможность воспользоваться экономическим расчетом. Но экономист-математик обманывается, считая, что исключение любого упоминания денег позволяет решить эти проблемы в более общем виде. Бессмысленно исследовать примеры несовершенной делимости факторов производства без ссылок на экономический расчет в денежном измерении. Такое исследование никогда не выйдет за рамки уже имеющегося знания, заключающегося в том, что любой предприниматель стремится производить такие изделия, продажа которых принесет ему выручку, которую он ценит выше, чем весь комплекс благ, израсходованных на их производство. Однако если не существует косвенного обмена и нет общеупотребительного средства обмена, то он имеет шанс добиться успеха, только обладая сверхчеловеческими умственными способностями. Ему необходимо одним взглядом охватить все меновые отношения, установившиеся на рынке, и в соответствии с ними точно определить должное

место каждому товару.

Невозможно отрицать, что все исследования, касающиеся соотношения цен и издержек, предполагают как использование денег, так и рыночный процесс. Но приверженцы математической экономической теории закрывают на это глаза. Предполагается, что их уравнения и графики описывают реальную действительность. На самом деле они описывают лишь гипотетическое и неосуществимое положение, не имеющее ничего общего с рассматриваемыми каталлактическими проблемами. Они подставляют алгебраические символы вместо ясных денежных терминов и считают, что эта процедура делает их рассуждения более научными. Это производит сильное впечатление на доверчивых обывателей. А фактически они просто вносят путаницу и неразбериху в вопросы, удовлетворительная трактовка которых дается в учебниках по коммерческим вычислениям и бухгалтерскому учету.

Некоторые из этих математиков заходят так далеко, что заявляют о возможности осуществления экономического расчета на основе единицы полезности. Они называют свои методы анализом полезности. Их ошибка разделяется третьей разновидностью математической экономической науки.

Отличительной чертой представителей третьей группы является открытое и сознательное стремление решать проблемы каталластики безо всяких ссылок на рыночный процесс. Их идеал — перестроить экономическую теорию по образу механики. Они постоянно прибегают к аналогиям из классической механики, которая, по их мнению, является уникальной и совершенной моделью научного исследования. Нет нужды в очередной раз объяснять, почему эта аналогия является поверхностной и вводящей в заблуждение и чем целеустремленная человеческая деятельность радикально отличается от предмета механики — движения. Достаточно обратить внимание на один момент, а именно на практическую значимость дифференциальных уравнений в обеих областях.

Размышления, приводящие в итоге к формулированию уравнения, необходимо носят нематематический характер.

Формулирование уравнения представляет собой окончательное оформление нашего знания; непосредственно оно не увеличивает нашего знания. Хотя в механике уравнение может иметь большую практическую пользу. Поскольку существуют постоянные взаимосвязи между различными механическими элементами и поскольку эти взаимосвязи можно установить экспериментально, то становится возможным использовать уравнения для решения определенных технологических проблем. Наша промышленная цивилизация как раз и является результатом успешного использования дифференциальных уравнений в физике. Но между экономическими элементами таких постоянных взаимосвязей не существует. Уравнения, формулируемые математической экономической теорией, остаются бесполезной гимнастикой человеческого ума и оставались бы таковой, даже если бы выражали гораздо больше, чем они выражают на самом деле.

Здоровое экономическое рассуждение никогда не должно забывать двух фундаментальных принципов теории ценности: во-первых, определение ценности, имеющее своим результатом действие, означает предпочтение и отклонение; оно никогда не означает равенства или безразличия. Во-вторых, не существует других методов сравнения оценок разных индивидов или оценок одних и тех же индивидов в разных ситуациях, кроме как установить, расположены ли рассматриваемые альтернативы в одинаковом порядке предпочтения.

В идеальной конструкции равномерно функционирующей экономики все факторы производства используются таким образом, что каждый из них приносит наибольшую пользу. Никакое мыслимое и возможное изменение не может улучшить состояние удовлетворения; ни один фактор не используется для удовлетворения нужды a , если это препятствует удовлетворению нужды b , которая считается более ценной, чем удовлетворение a . Безусловно, это идеальное состояние распределения ресурсов можно описать с помощью дифференциального уравнения и наглядно представить в виде графика. Но подобные построения ничего не

утверждают о рыночном процессе. Они просто намечают нереальную ситуацию, в которой рыночный процесс будет остановлен. Экономисты-математики не стремятся к целостному теоретическому объяснению рыночного процесса, а уклончиво забавляются вспомогательными понятиями, применяемыми в контексте этой ситуации и теряющими всякий смысл вне этого контекста.

В физике мы имеем дело с изменениями, происходящими в явлениях, воспринимаемых органами чувств. Мы отыскиваем регулярность в последовательности этих изменений, и эти наблюдения ведут нас к созданию физической науки. Нам ничего не известно о первичных силах, стимулирующих эти изменения. Для изучающего разума они суть конечная данность и не поддаются дальнейшему анализу. В результате мы видим регулярное взаимопереплетение наблюдаемых образований и свойств. Именно эту взаимную зависимость исходных фактов физика описывает в дифференциальных уравнениях.

Первый известный нам праксиологический факт состоит в том, что человек целенаправленно стремится вызвать определенные изменения. Именно это знание объединяет предмет праксиологии и отличает его от предмета естественных наук. Нам известны силы, лежащие в основе изменений, и это априорное знание ведет нас к постижению праксиологических процессов. Физик не знает, что такое электричество. Ему известны только явления, приписываемые тому, что называется электричеством. Но экономист знает, что приводит в действие рыночный процесс. И только благодаря этому знанию он может отличить рыночные явления от остальных явлений и описать рыночный процесс.

Экономист-математик никак не способствует объяснению рыночного процесса. Он просто описывает вспомогательное средство логической экономической теории как ограничивающее понятие — определение положения дел, при котором нет никакой деятельности, а рыночный процесс застывает. Это все, что он может сказать. Он переводит на язык алгебраических символов то, что логическая экономическая теория формулирует на словах, давая определение идеаль-

ным конструкциям конечного состояния покоя и равномерно функционирующей экономики, и что сам экономист-математик должен описать словами, прежде чем начнет собственно математическую работу.

Экономисты и логического, и математического направлений утверждают, что человеческая деятельность в конечном счете направлена на установление подобного состояния равновесия и достигнет его, если прекратятся всякие изменения исходных данных. Но логическому экономисту известно гораздо больше. Он показывает, каким образом деятельность предприимчивых людей, промоутеров и спекулянтов, стремящихся получить прибыль за счет несоответствий в структуре цен, уничтожает эту разницу и тем самым иссушает источники предпринимательских прибылей и убытков. Он показывает, каким путем этот процесс приведет к возникновению равномерно функционирующей экономики. В этом состоит задача экономической теории. Математическое описание различных состояний равновесия — просто игра. Проблема заключается в анализе рыночного процесса.

Сравнение двух методов экономического анализа помогает нам понять смысл часто звучащих пожеланий расширить границы экономической науки путем создания динамической теории вместо того, чтобы заниматься только статическими проблемами. В отношении логической экономической науки этот постулат лишен всякого смысла. Логическая экономическая наука по своей сути является теорией процессов и изменений. Она использует идеальные конструкции неизменности для объяснения феномена изменений. В математической экономической науке положение иное. Ее уравнения и формулы ограничены описанием состояния равновесия и бездействия. До тех пор, пока она пребывает в царстве математических процедур, она не может утверждать ничего относительно того, каким образом складываются эти состояния, и их перехода в другие состояния. В отношении математической экономической науки это пожелание весьма обосновано. Но у нее нет средств, чтобы выполнить это пожелание. Проблемы анализа процесса, т.е. единст-

венные экономические проблемы, которые имеют значение, не поддаются какому бы то ни было математическому подходу. Введение в уравнения переменных времени — это не выход. Утверждения о том, что любое изменение предполагает время и что изменение всегда встроено во временную последовательность, представляют собой просто способ выразить тот факт, что поскольку присутствует жесткость и неизменность, постольку времени не существует. Основной недостаток математической экономической науки не в том, что она игнорирует ход времени, а в том, что она игнорирует функционирование рыночного процесса.

Математическая экономическая теория не может показать, как из неравновесного состояния возникают действия, ведущие к установлению равновесия. Конечно, можно указать математические операции, требующиеся для преобразования математического описания конкретного неравновесного состояния в математическое описание равновесного состояния. Но эти математические операции никоим образом не описывают рыночный процесс, порожденный несоответствиями структуры цен. Дифференциальные уравнения механики имеют целью точно описать рассматриваемые движения в любой проходящий момент времени. Экономические уравнения не имеют никакого отношения к реальным условиям, существующим в каждое мгновение временного интервала между неравновесным и равновесным состояниями. Только люди, полностью ослепленные предубеждением, что экономическая теория должна представлять собой бледную копию механики, могут недооценивать весомость этого возражения. Крайне несовершенная и поверхностная метафора не заменяет услуг, оказываемых логической экономической наукой.

В любом разделе каталлактики можно обнаружить разрушительные последствия математической трактовки экономической науки. Достаточно сослаться всего на два примера. Первый из них — это так называемое уравнение обмена, представляющее собой тщетные попытки экономистов-математиков решить проблему изменений покупательной способности денег. Второй лучше всего представить ссылкой

на авторитетное высказывание профессора Шумпетера, согласно которому потребители, оценивая потребительские товары, “*ipso facto* также оценивают и средства производства, участвующие в создании этих товаров”. Вряд ли возможно более искаженно представить рыночный процесс.

Предмет экономической науки — не товары и услуги, а деятельность живых людей. Ее цель — не распространяться по поводу идеальных конструкций типа равновесия. Единственная задача экономической науки анализ деятельности людей, процессов».

Л. фон Мизес

Человеческая деятельность:
Трактат по экономической науке
Челябинск.: 2005,
Социум. С. 329—335

Комментарий

Во многих случаях использование математики является неизбежным результатом проведения эмпирических исследований в области экономической науки. В этом смысле использование статистических приемов следует рассматривать как метод исторических исследований, но не как инструмент развития экономической теории. В силу творческой природы человека любое эмпирическое знание всегда обусловлено историческими случайностями, так что нет гарантий, что в будущем оно останется неизменным. Поэтому для экономистов австрийской школы и, в частности, для Мизеса история, понимаемая как эмпирическое знание о реальности, хоть и очень важна в качестве надежного ориентира в понимании прошлых событий, но при этом способна служить лишь *иллюстрацией* действия теоретических законов экономической науки на примерах из реального прошлого. Однако на этом критика Мизесом использования математики не останавливается. Мизес отмечает, что даже экономисты математического толка для углубления своей теории неизменно используют логику, а уж только потом переводят свои идеи на язык математики и в таком формате представляют на суд читателей. При этом они утверждают, что использо-

вание математической записи делает язык более точным и упорядоченным, чем допускают логические рассуждения. Это утверждение крайне сомнительно. Словесные выражения могут иметь значительную степень гибкости и общности (что является несомненным преимуществом), оставаясь при этом не менее точными, чем математические. Источником большей общности вербального языка является, например, то, что он не скован ограничениями и автоматизмом, с которыми сопряжены математические операции. Поэтому легко понять, что если экономист математического толка сначала должен разработать свою теорию логически, чтобы потом выразить ее на языке математики, и при этом ему придется использовать правила логики для проверки выводов, следующих из его модели, то он нарушает великий научный принцип, согласно которому не следует умножать сущности без необходимости.

Впрочем, если бы единственное возражение против использования математики сводилось к экономии усилий, ее сторонники могли бы в свою защиту сослаться на соображения эстетики или академического престижа. Следует заметить, однако, что Мизес отвергает математические методы в экономической теории не только из-за их неэффективности, но и потому, что они серьезно сдерживают прогресс в нашей науке. Как мы отметили в главе I, представители австрийской школы рассматривают экономическую теорию как науку, имеющую дело с фактами реальной жизни — категориями человеческой деятельности, присутствующими в голове каждого человека и не имеющими ничего общего с формулами и другими элементами математического языка. Поэтому главная проблема с математикой заключается в том, что она пригодна для отражения только повторяющихся равновесных состояний, характерных для мира механики. Именно по этой причине математическая экономическая теория склонна к отрыву от реальности и к ограничению предмета своих исследований равновесными, или стационарными, экономическими моделями — ведь только они пригодны для анализа методами математики. Экономисты австрийской школы убеждены, что эта тенденция принесла большой

вред, потому что математические методы затемняют реальный предмет экономической науки. Экономическая наука должна заниматься исследованием человеческой деятельности, образующей рыночные процессы. Благодаря этим процессам рыночные экономики всегда стремятся к состоянию равновесия, но никогда его не достигают из-за постоянно меняющихся данных внешнего мира и прежде всего из-за творческой природы и предприимчивости человека, играющего ведущую роль в рыночных процессах. С точки зрения австрийцев, миссия экономиста заключается в изучении этих процессов, которые всегда толкают экономику к равновесию, но не самого равновесия, представляющего собой придуманную экономистами вспомогательную логическую конструкцию. Назначение этой конструкции только в том, чтобы с помощью сопоставлений и противопоставлений облегчать постижение динамических рыночных процессов. Поэтому понятно, что, с точки зрения Мизеса, математические методы следует отвергнуть не только как совершенно бесполезный, но и как вводящий в заблуждение инструмент, поскольку их использование опирается на ложные допущения (о существовании неизменных соотношений между экономическими переменными, о доступности всей необходимой информации и пр.) и ведет к ошибочным выводам (применимым только к отсутствующим в реальной жизни состояниям равновесия). Отсюда можно заключить, что математика отвлекает лучшие умы от подлинно экономических проблем и, что еще хуже, обрекает на ошибки.

Негативные последствия использования математики в экономической теории можно видеть практически во всех областях нашей науки. Например, теория «совершенной конкуренции» породила абсолютно нереалистичную модель, неспособную объяснить реальные рыночные процессы, которые одни только и должны интересовать экономистов. Точно так же «экономическая теория благосостояния» парадоксальным образом является попыткой оценить экономические реалии в свете модели, не имеющей отношения к реальной жизни, — модели общего равновесия. И последнее по порядку, но не по значению: существует проблема

экономического расчета при социализме, которую легионы математических экономистов считали разрешимой именно потому, что их модели и без того опирались на предположение о доступности всей информации, необходимой для составления соответствующей системы вальрасианских уравнений. Мы могли бы привести еще много примеров того, насколько экономическая наука нуждается в таком изменении парадигмы, которое бы направило исследователей в новом, более плодотворном направлении, прочь из трясины сциентизма.

Конкуренция как процесс открытия

Ниже мы приводим отрывок из третьего тома работы Ф. А. Хайека «Право, законодательство и свобода». В этом отрывке Хайек кратко намечает австрийское понимание конкуренции. Как мы объяснили в главах 1 и 2 этой книги, конкуренция понимается как динамический процесс соперничества, позволяющий предпринимателям создавать и находить наилучшие способы удовлетворения нужд потребителей. Благодаря творческой природе этого процесса мы не способны оценить его результаты, потому что не имеем критерия для выяснения того, в какой степени оптимальны эти результаты в каждом отдельном случае. Остается удовлетвориться непрерывностью — в благоприятном институциональном окружении — процесса, движущей силой которого является предпринимательство.

«В экономике, как и всюду, конкуренция — деликатная форма отношений, и к ней следует прибегать лишь в тех случаях, когда мы не знаем заранее, кто сделает работу лучше других. Только непосредственная деятельность, идет ли речь об экзаменах, спортивных соревнованиях или рынке, позволяет выяснить, кто в данный момент сильнее. При этом, конечно, каждый из соревнующихся может показать результаты ниже своих потенциальных возможностей — хотя, вообще говоря, соревнование один из эффективнейших способов обнаружения человеческих возможностей. Конкуренция по-

ощряет каждого делать работу лучше, чем его ближайший соперник. Если этот ближайший остается далеко позади, то лидер волен решать, какие усилия с его стороны являются чрезмерными. Только если преследователь наступает лидеру на пятки и лидер не знает, насколько он лучше преследователя, он, и оставаясь впереди, будет выкладываться полностью. И лишь в том случае, когда соперники слишком мало отличаются друг от друга и каждый стремится занять более высокое место — все они будут, так сказать, вытягиваться на цыпочках и смотреть через плечо, чтобы знать, не догоняет ли конкурент.

Таким образом, конкуренция, подобно эксперименту в науке, является прежде всего процедурой открытия. Ни одна теория, исходящая из допущения, что подлежащие открытию факты уже известны, не может оценить ее по достоинству. Поскольку вся совокупность фактов, известных или «данных», никогда не может быть учтена полностью (в начальных условиях имется неустранимая неопределенность), то нам остается надеяться на ту процедуру, которая с большей вероятностью, чем другие уже известные нам схемы и процедуры, способна принять во внимание самое большее число полезных фактов, характеризующих конкретную ситуацию. Ошибка в выборе правильной политики на основе следующих из конкуренции результатов начинается с допущения, что все относящиеся к делу обстоятельства известны кому-то одному. На самом деле речь идет о том, чтобы обеспечить оптимальное использование знаний и навыков, рассеянных среди сотен тысяч людей и в своей полноте никогда не известных и недоступных одному человеку. Конкуренция должна рассматриваться как процесс приобретения и передачи знаний; предполагать, что все знание с самого начала доступно кому-то одному, значит превратить конкуренцию в нонсенс. Судить о конкретных результатах конкуренции по воображаемым результатам, к которым она, как нам кажется, должна привести, так же бессмысленно, как судить о результатах научного эксперимента по тому, насколько он соответствует нашим ожиданиям. Как и в научном эксперименте, результаты оце-

ниваются здесь исходя из условий эксперимента. Поэтому от конкуренции не следует ждать большего, чем от других способов экспериментирования, а именно, что она ведет к чему-то отличному от максимизации измеримых результатов. Она лишь позволяет в благоприятных условиях лучше использовать умения и навыки людей, чем это было бы возможно при использовании других процедур. При этом, хотя любое использование знаний и навыков может рассматриваться как материальный выигрыш и, следовательно, каждый дополнительный акт обмена, устраивающий обе стороны, — как общественно полезный, мы никогда не сможем сказать, каково суммарное количество полученных в результате выгод. Мы имеем здесь дело с приращениями, которые нельзя просуммировать, и должны принять как возможный оптимум результаты, полученные в условиях, скорее всего наиболее благоприятных для открытия новых возможностей.

Как будет действовать индивид под давлением конкуренции, с чем он столкнется в этих условиях — не знает заранее даже он сам, а тем более кто-то другой. Поэтому бессмысленно ждать от индивида, что он будет вести себя «как если бы конкуренция была», когда на самом деле ее нет, или как если бы он работал в условиях полной конкуренции, в то время как на самом деле эти условия обеспечены лишь частично. Мы увидим, в частности, что главный источник ошибки кроется здесь в представлении, что «кривая издержек» индивида есть нечто объективное, установимое посредством экспертизы, тогда как фактически она определяется лишь на основе личного знания и суждений самого индивида, которые будут совершенно иными в зависимости от того, работает ли он в условиях острой конкуренции или же один или почти один.

Хотя объяснять результаты конкуренции — одна из главных задач экономической теории (иначе именуемой каталлактикой), но рассмотренные факты резко ограничивают возможности такой теории предсказывать конкретные результаты конкуренции, которые нас как раз особенно интересуют. В самом деле, конкуренция ценна как раз тем, что

обеспечивает процедуру открытия, в которой мы не нуждались бы, будь результаты конкуренции предсказуемы. Экономическая теория, исходящая из допущения, что теоретик во всей полноте обладает знанием реальных участников процесса, конструирует модель — и тем самым проливает свет на принцип действия процедуры открытия. Эта модель интересна нам, но лишь потому, что показывает, как работает система такого рода. Прилагать же эту модель нам приходится к реальным ситуациям, в которых мы не обладаем знанием вовлеченных в них людей. Экономист-теоретик как бы заглядывает в карты всех игроков, участвующих в построенной им мысленной модели, и на этой основе делает некоторые общие заключения о характере результата. Эти заключения, вероятно, могут быть проверены на искусственно построенных моделях, но интересны они как раз там, где теоретик проверить их не в состоянии, поскольку не обладает необходимой суммой знаний, рассеянных между всеми участниками реальной игры».

Ф. Хайек

Право, законодательство и свобода
М.: ИРИСЭН, 2006. С. 389—391

Природа удивления и открытия

В 1997 г. в связи с выходом Израэла Кирцнера в отставку с должности профессора экономической теории Нью-Йоркского университета редакция журнала *Journal of Economic Literature* попросила его написать статью с кратким описанием текущего положения дел в современной австрийской школе. Так появилась статья «Предпринимательское открытие и конкурентный рыночный процесс: австрийский подход», опубликованная в журнале 5 марта того же года (том 35). Ниже мы воспроизводим важный отрывок, в котором Кирцнер объясняет фундаментальную роль удивления и открытия как свойств творческого предпринимательства. Он также отмечает, что концепция открытия, или творчества, занимает место как раз между неоклассическим обдуманном поиском информации и анархичной и калейдоскопической

концепцией рынка, которую мы находим у таких авторов, как Шэкл. Вот собственные слова Кирцнера:

«И здесь австрийский подход предлагает новый взгляд на природу *удивления* и *открытия*. Когда человек вдруг замечает то, что раньше проходило мимо его внимания, это ни в каком смысле не является преднамеренным и осознанным производством знания. Вот что происходит в этом случае: человек открывает для себя свое прежнее неведение (до этого момента ему совершенно неизвестное). *Открытие* (относящееся к прежде неизвестным прибыльным возможностям) отличается от успешного поиска (относящегося к преднамеренному и осознанному производству информации, о нехватке которой человеку известно) тем, что первое (в отличие от второго) подразумевает наличие удивления, сопутствующего осознанию того, что ты просмотрел нечто, находящееся на расстоянии вытянутой руки («Ну надо же, ведь оно было у меня под самым носом!»). Эта характерная особенность *открытия* присуща предпринимательскому процессу, посредством которого рынок движется к равновесию. Можно ли обосновать, что систематическая тенденция, формирующая последовательность приятных сюрпризов, из которых должен состоять процесс приведения рынка в равновесие, является не невероятной серией счастливых случайностей, а результатом свойственной людям естественной *бдительности* к вероятным возможностям получить прибыль (или к опасности возможного бедствия). В мире неопределенности подобная естественная бдительность проявляется в дерзости и силе воображения, которые австрийская теория приписывает предпринимателям, действующим в условиях рынка. Предпринимательская бдительность означает восприимчивость к доступным (но до сих пор не замечаемым) деловым возможностям. Предпринимательский характер человеческой деятельности указывает не просто на то обстоятельство, что деятельность протекает в безграничном и неопределенном мире, но и на то, что люди постоянно спонтанно высматривают прежде не замеченные характеристики внешней среды (настоящие и будущие), которые могут вдохновить их на новые действия. Предприниматель

непрерывно, так сказать, сканирует горизонт, будучи готов к сделать открытие, при этом не зная того, что он ищет, и не применяя никакой сознательной методики поиска. Каждое такое открытие будет сопровождаться чувством удивления (по поводу своего прежнего неосознававшегося неведения). Предпринимательское отношение всегда готово к удивлению и сюрпризам, всегда готово предпринять шаги, требующиеся для того, чтобы извлечь прибыль из этих сюрпризов. Понятие открытия, нечто среднее между преднамеренным и осознанным производством информации в стандартной теории поиска и совершенно неожиданным выигрышем в результате чистой случайности, занимает центральное место в подходе австрийской школы. Именно прибыльные возможности, созданные совершенными ранее предпринимательскими ошибками, систематически стимулируют последующие предпринимательские открытия. Запускаемый таким образом предпринимательский процесс представляет собой процесс роста взаимной осведомленности участников рынка. Притягательная сила получения чистой прибыли запускает процесс, посредством которого чистая прибыль исчезает в ходе конкуренции. Повышение взаимной осведомленности в ходе процесса предпринимательского открытия и служит источником уравнивающих свойств рынка.

Israel M. Kirzner
Entrepreneurial Discovery and the Competitive
Market Process: An Austrian Approach //
Journal of Economic Literature. Vol. XXXV
(March 1997). P. 60—85.

Вместо послесловия

Людвиг фон Мизес

МЕСТО ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ В ОБЩЕСТВЕ

Экономическая наука

Общественной жизни свойственна регулярность явлений, которую человек должен учитывать в своей деятельности, если хочет добиться успеха.

Еще 200 лет назад все были абсолютно убеждены, что в событиях общественной жизни отсутствуют такие же регулярность и устойчивость явлений, какие уже были обнаружены в способе человеческих рассуждений и в последовательности природных явлений. Они не искали законов человеческого сотрудничества, считая, что человек способен организовать общество, как ему захочется.

Когда люди поняли, что явления рынка подчиняются законам, они начали разрабатывать каталлактику, или теорию обмена, составляющую сердце экономической науки.

Развитие экономической науки и рационалистической социологии от Кантильона и Юма до Бентама и Рикардо сильнее изменило человеческое мышление, чем любая другая научная теория до и после них. До той поры считалось, что помимо законов природы поведение действующего человека не стесняют никакие иные ограничения. Тогда еще не было известно, что еще что-то может ограничивать политическую власть, что существуют пределы, за которые она не может выходить. Сейчас известно, что в социальной реальности действует нечто, что власть и сила не способны изменить и к чему, если надеются достичь успеха, они должны приспособливаться точно так же, как они должны принимать в расчет законы природы*.

Свобода человека выбирать и действовать ограничена трояким образом. Во-первых, существуют физические законы, к бесчувственной абсолютности которых человек должен приспособлять свое поведение, если хочет жить. Во-вторых, это врожденные конституциональные характеристики индивида, а также расположение и действие факторов внешней среды; мы знаем, что они оказывают влияние как на выбор целей, так и на выбор средств, хотя наше знание о том, каким именно образом они действуют, весьма смутно. В-третьих, это регулярность взаимосвязей средств и целей, а именно экономический закон в отличие от физического и психологического закона.

Либерализм

Что неладно с нашей эпохой, так это как раз широко распространенное неведение о той роли принципов экономической свободы, которую они сыграли в технологическом развитии за последние 200 лет. Многие ошибочно полагали, что улучшение методов производства совпало с политикой *laissez faire* только благодаря случаю.

Потрясающий прогресс технологий производства и протекающее из этого увеличение богатства и благосостояния стали возможны только благодаря следованию либеральной экономической политике, которая представляла собой применение экономических учений на практике. Именно идеи экономистов классической школы ликвидировали помехи, создаваемые вековыми законами, обычаями и предубеждениями в отношении технологических улучшений и освободили гений реформаторов и новаторов от смирительных рубашек гильдий, опеки правительства и разнообразного общественного давления. Именно они понизили престиж завоевателей и экспроприаторов и продемонстрировали пользу деловой активности для общества. Ни одно из современных великих изобретений нельзя было бы использовать, если бы ментальность докапиталистической эпохи не была бы до основания разрушена экономистами. То, что обычно называется промышленной революцией, является продуктом идеологической революции, вызванной учениями экономистов.

Гражданин

Экономическая наука является философией человеческой жизни и деятельности и касается всех и каждого, энергией цивилизации и человеческого существования.

Упомянуть этот факт — не означает поддаться часто высмеиваемой слабости специалистов, переоценивающих важность своей отрасли знания. Не только экономисты, но и все люди придают экономической науке особое значение.

Все современные политические вопросы касаются проблем, обычно называемых экономическими. Каждый думает об экономической науке, отдает ли он себе в этом отчет или нет. Присоединяясь к политической партии и заполняя избирательный бюллетень, гражданин занимает определенную позицию по отношению к важнейшим экономическим теориям.

Никому не удастся уклониться от личной ответственности. Если кто-то пренебрегает тем, чтобы в меру своих способностей изучить связанные с этим проблемы, то это означает, что он добровольно уступает свое неотъемлемое право самозваной элите сверхчеловеков. Слепая надежда на «экспертов» и некритическое восприятие популярных лозунгов и предрассудков в таких жизненно важных вопросах равносильно отказу от самоопределения и согласию на доминирование других людей. В нынешних обстоятельствах нет ничего более важного для каждого мыслящего человека, чем экономическая наука. На карту поставлены его собственная судьба и судьба его детей.

Мало кто способен внести значительный вклад в экономическое знание. Но все разумные люди должны ознакомиться с учениями экономической теории. В нашу эпоху в этом заключается главный гражданский долг.

Свобода

Первостепенная роль экономических идей в определении хода гражданской жизни объясняет, почему правительства, политические партии и группы давления стремятся ограничить свободу экономической мысли. Они стремятся

пропагандировать «хорошую» доктрину и заставить молчать голоса «плохих» доктрин. На их взгляд, истина не имеет собственной внутренней силы, которая в конце концов могла бы обеспечить ее господство только благодаря ее истинности. Чтобы продлить ее существование, истину нужно подкрепить насильственными действиями со стороны полиции или других вооруженных групп.

Не только в странах, которыми правят варварские и неоварварские деспоты, но и в не меньшей степени в так называемых западных демократиях изучение экономической науки сегодня практически поставлено вне закона. В публичных обсуждениях экономических проблем почти полностью игнорируется все, что было сказано экономистами за последние 200 лет. С ценами, ставками заработной платы, процентными ставками и прибылью обращаются так, как будто их определение не подчиняется никаким законам. Правительства пытаются декретировать и ограничить максимальный уровень цен на товары и минимальные ставки заработной платы. Политики призывают коммерсантов снизить уровень прибыли, понизить цены и повысить ставки заработной платы, как если бы это зависело от похвальных намерений индивидов. В трактовке международных экономических отношений люди блаженно придерживаются самых наивных заблуждений меркантилизма. Мало кто осознает недостатки этих популярных доктрин или понимает, почему экономическая политика, основанная на них, неизменно несет с собой бедствия.

Общественное мнение

Практическое использование учений экономической науки предполагает их одобрение общественным мнением. В области социальной организации и экономической политики самые хорошие теории являются бесполезными, если не разделяются общественным мнением. Они не могут работать, если не принимаются большинством людей. Какой бы ни была система правления, не может идти речи о длительном руководстве страной на основе доктрины, расходящейся

ся с общественным мнением. В конце концов философия большинства одерживает верх. В долгосрочной перспективе непопулярная система правления невозможна. Различие между демократией и деспотизмом не влияет на конечный результат. Оно касается только способа, посредством которого происходит адаптация системы правления к идеологии, разделяемой общественным мнением. непопулярных деспотов можно низвергнуть только путем революционного восстания, тогда как непопулярные демократические правители мирно устраниются на ближайших выборах.

Верховенство общественного мнения определяет не только исключительное место, занимаемое экономической наукой в мышлении и знании. Оно определяет весь ход человеческой истории.

Спор о роли личности в истории упускает самое главное, суть проблемы. Все, о чем думают, что делают и чего добиваются, — это деятельность индивидов. Новые идеи и новшества всегда являются достижениями незаурядных людей. Но эти великие люди не смогли бы преуспеть, приспособлявая общественные обстоятельства к своим планам, если бы не убедили общественное мнение.

Расцвет человеческого общества зависит от двух факторов: наличия интеллектуальной мощи выдающихся людей, чтобы создать и постичь разумные социальные и экономические теории, а также способности этих или других людей сделать эти идеологии приятными для большинства.

Если большинство привержено ошибочным принципам и предпочитает недостойных кандидатов, то не существует иного лекарства, кроме как попытаться изменить их умонастроения, излагая более разумные принципы и рекомендуя более достойных людей. Меньшинство никогда не сможет добиться устойчивого успеха другими средствами.

Либерализм рационалистичен. Он утверждает, что подавляющее большинство людей можно убедить в том, что мирное сотрудничество в рамках общества лучше отвечает их правильно понимаемым интересам, чем борьба всех против всех и социальная дезинтеграция. Либерализм полностью полагается на человеческий разум. Возможно, такой

оптимизм необоснован и либералы ошибаются. Но тогда у человечества не остается никакой надежды на будущее.

Экономическое знание представляет собой существенный элемент в структуре человеческой цивилизации; оно является фундаментом, на котором стоит современный индустриализм, а также все нравственные, интеллектуальные, технологические и терапевтические достижения последних столетий. Оно оставляет на усмотрение людей, воспользуются ли они должным образом богатством этого знания или оставят его неиспользованным. Но если им не удастся извлечь из него выгоду и они пренебрегут его учениями и предупреждениями, то они не аннулируют экономическую науку; они просто истребят наше общество и род людской.

Л. фон Мизес

Человеческая деятельность:

Трактат по экономической теории

Челябинск: Социум, 2005

С. 6, 11—12, 142, 148, 810—811, 824—825, 829.

L. von Mises

Epistemological Problems of Economics

New York: New York University Press, 1976.

(Абзац, помеченный звездочкой.)

Библиография

- Allais M.* (1989) *L'impôt sur le capital et la réforme monétaire*. Paris: Hermann Editeurs.
- Armentano D. T.* (1972) *The myths of Antitrust: economic theory and legal cases*. New York: Arlington House.
- Azpilcueta M. de.* (1965) *Comentario resolutorio de cambios*. Madrid: Consejo Superior de Investigaciones Científicas.
- Balmes J.* (1949) *Verdadera idea del valor o reflexiones sobre el origen, naturaleza y variedad de los precios* // *Balmes J. Obras completas*. T. V. Madrid: BAC.
- Barrow J. D., Tippler F. J.* (1986) *The Anthropic Cosmological Principle*. Oxford: Oxford University Press.
- Becker G.* (1995) "The economic way of looking at behavior" // *The Essence of Becker* / R. Febrero, P. Schwartz (eds.). Stanford: Hoover Institution, Stanford University.
- Bérenguer J.* (1993) *El Imperio de los Habsburgo, 1273—1918*. Barcelona: Edit. Critica.
- Bien Grieves B., McGee R. W.* (1993) *Mises: An annotated bibliography*. New York: Foundation for Economic Education.
- Bien Grieves B.* (1995) *Mises: An annotated bibliography, 1982—1993 Update*. New York: The Foundation for Economic Education.
- Blaug M., Marchi N. de.* (eds.) (1991) *Appraising Economic Theories*. London: Edward Elgar.
- Blaug M.* (1993) *Book Review* // *Economic Journal*. Nov.
- Boettke P. J.* (1997) "Where did economics go wrong? Modern economics as a flight from reality" // *Critical Review*. Vol. II. No. 1.
- Bohm-Bawerk E. von.* (1894) "Der letzte Massstab der Güterwertes" // *Zeitschrift für Volkswirtschaft, Sozialpolitik und Verwaltung*. Bd. III.
- Bohm-Bawerk E. von.* (1895) "Professor Clark's views on the genesis of capital" // *Quarterly Journal of Economics*. Vol. IX. P. 113—131.
- Bohm-Bawerk E. von.* (1896) *Zum Abschluss des Marxschen Systems*, in *Staatwissenschaftliche Arbeiten — Festgaben für Karl Knieps zur Fünf- und-siebzigsten Wiederkehr*, Haering, Berlin. P. 85—205.
- Bohm-Bawerk E. von.* (1921) *Kapital und Kapitalzins*. Bd. I: *Geschichte und Kritik der Kapitalzins-Theorien*; Bd. II: *Positive Theorie des Kapitaless*. Bd. III: *Exkurse zur "Positiven Theorie des Kapitaless"* Hrsg. F. von Wieser. Jena: Fischer.
- Bohm-Bawerk E. von.* (1921a) *Exkurs VIII. Betreffend den Wert von Produktivgütern und das Verhältnis von Wert und Kosten* // *Bohm-Bawerk E. von.* (1921) Bd. III.

- Brus W., Laski, K.* (1985) *From Marx to the market: socialism in search of an economic system.* Oxford: Clarendon Press.
- Caldwell B.* (1994) *Beyond positivism: Economic methodology in the twentieth century.* London: Routledge.
- Cantillon R. de.* (1755) *Essai sur la nature du commerce en général.* London: Frank Cass, 1959.
- Castillo de Bovadilla J.* (1585) *Política para corregidores.* Madrid: Instituto de Estudios de Administración Local, edición facsímil, 1978.
- Clark J. B.* (1893) "The genesis of capital" // *Yale Review.* No. 2. Nov.
- Clark J. B.* (1895) "The origin of interest" // *Quarterly Journal of Economics.* No. 9. Apr.
- Clark J. B.* (1907) "Concerning the nature of capital: A reply" // *Quarterly Journal of Economics.* May.
- Coase R. H.* (1997) "Looking for Results" // *Reason: Free minds and Free markets.* June.
- Cordato R. E.* (1992) *Welfare Economics and externalities in an open ended universe: A modern Austrian perspective.* Dordrecht: Kluwer Academic Publishers.
- Covarrubias y Leyva D. de.* (1604) *Omnia Opera.* Vol. II. Libro 2. Venezia: Haredem Hieronymi Scoti.
- Cubbedu R.* (1993) *The Philosophy of the Austrian School.* New York—London: Routledge.
- Chafuen A.* (1986) *Christians for Freedom. Late-Scholastic Economics.* San Francisco: Ignatius Press.
- Dempsey B. W.* (1943) *Interest and Usury.* Washington D. C.: American Council of Public Affairs.
- Fetter F. A.* (1977) *Capital, Interest and Rent.* Kansas City: Sheed, Andrews and McMeal.
- Friedman M.* (1953) *Essays in Positive Economics.* Chicago: University of Chicago Press.
- Grice-Hutchinson M.* (1952) *The School of Salamanca, Readings in Spanish monetary theory.* Oxford: Clarendon Press.
- Grice-Hutchinson M.* (1982) *El pensamiento económico en España (1177—1740).* Barcelona: Edit. Crítica.
- Grice-Hutchinson M.* (1995) *Ensayos sobre el pensamiento económico en España / L. S. Moss y C. K. Ryan (eds.).* Madrid: Alianza Editorial.
- Grossman S., Stiglitz J.* (1980) "On the impossibility of informationally efficient markets" // *American Economic Review.* No. 70. June.
- Hayek F. A.* (1928) "Das intertemporale Gleichgewichtssystem der Preise und die Bewegungen des 'Geldwertes' " // *Hayek F. A.* (1937).
- Hayek F. A.* (1931) "The 'paradox' of saving" // *Economica.* May.
- Hayek F. A.* (1935) *Prices and Production.* London: Routledge.

- Hayek F. A.* (1936) "The Mythology of Capital" // Quarterly Journal of Economics. Feb.
- Hayek F. A.* (1937) Monetary Nationalism and International Stability. London: Longmans-Green.
- Hayek F. A.* (1939) Profits, Interest and Investment, and Other Essays on The Theory of Industrial Fluctuations. Routledge: London.
- Hayek F. A.* (1941) The Pure Theory of Capital. London: Routledge.
- Hayek F. A.* (1948) "Economics and Knowledge"; "The Use of Knowledge in Society"; "The Meaning of Competition" // *Hayek F. A.* Individualism and Economic Order. Chicago: The University of Chicago Press.
- Hayek F. A.* (1952a) The Counter-revolution of Science: Studies in the Abuse of Reason. Glencoe, Ill.: Free Press.
- Hayek F. A.* (1952b) The Sensory Order: An Inquiry into the Foundations of Theoretical Psychology. Chicago: The University of Chicago Press.
- Hayek F. A.* (1960) The Constitution of Liberty. London: Routledge.
- Hayek F. A.* (1968) "Competition as a Discovery Procedure" // *Hayek F. A.* (1978).
- Hayek F. A.* (1973—1979) Law, Legislation and Liberty. Vol. I: Rules and Order; vol. II: The Mirage of Social Justice; vol. III: The Political Order of a Free People. London: Routledge.
- Hayek F. A.* (1974) "The Pretence of Knowledge" // *Hayek F. A.* (1978).
- Hayek F. A.* (1975) "Two types of mind" // *Hayek F. A.* (1978).
- Hayek F. A.* (1978) New Studies in Philosophy, Politics, Economics and the History of Ideas, London: Routledge.
- Hayek F. A.* (1980) 1980s Unemployment and the Unions. London: IEA.
- Hayek F. A.* (1988) The Fatal Conceit: The Errors of Socialism. The Collected Works of F. A. Hayek. Vol. I. London: Routledge.
- Hayek F. A.* (1991) The Trend of Economic Thinking, The Collected Works of F. A. Hayek, Vol. III. London: Routledge.
- Hayek F. A.* (1992) The Fortunes of Liberalism. The Collected Works of F. A. Hayek. Vol. IV. London: Routledge.
- Hayek F. A.* (1993) Interview to Pool R. and Postrel V. // Free minds and free markets. Pacific Research Institute for Public Policy, Cal.
- Hayek F. A.* (1994) Hayek on Hayek. London: Routledge.
- Hayek F. A.* (1995) Contra Keynes and Cambridge. The Collected Works of F. A. Hayek. Vol. IX. London: Routledge.
- Hayek F. A.* (1997) Socialism and War. The Collected Works of F. A. Hayek, Vol. X. London: Routledge.
- Hayek F. A.* (ed.) (1935) Collectivist Economic Planning. London: Routledge.

- Heilbroner R. L.* (1990) "Analysis and Vision in the History of Modern Economic Thought" // *Journal of Economic Literature*. Vol. XXVIII. Sept.
- Hicks J.* (1973) *Capital and Time: A neo-Austrian Theory*. Oxford: Clarendon Press.
- Holcombe R. G.* (ed.) (1999) *15 Great Austrian Economists*. Auburn, Alabama: Ludwig von Mises Institute.
- Hoppe H. H.* (1995) *Economic Essence and the Austrian Method*. Auburn, Alabama: The Ludwig von Mises Institute, Auburn University.
- Hoppe H. H.* (1989) *A Theory of Socialism and Capitalism*. Amsterdam: Kluwer Academic Publishers.
- Huerta de Soto J.* (1982) "Método y crisis en la Ciencia Económica" // *Hacienda Pública Española*, No. 74. P. 33—48.
- Huerta de Soto J.* (1992) *Socialismo, cálculo económico y función empresarial*. Madrid: Unión Editorial.
- Huerta de Soto J.* (1994) *Estudios de Economía Política*. Madrid: Unión Editorial.
- Huerta de Soto J.* (1995) Estudio preliminar, alla trad. spagnola di *Mises* (1959) *La Acción humana: Tratado de Economía*. Madrid: Unión Editorial.
- Huerta de Soto J.* (1997) "Génesis, esencia y evolución de la Escuela Austriaca de Economía" // *Qué es la Economía* / R. Febrero (ed.). Madrid: Ediciones Pirámide.
- Huerta de Soto J.* (1997—1998) "La teoría bancaria en la Escuela de Salamanca" // *Revista de la Facultad de Derecho de la Universidad Complutense de Madrid*. No. 89.
- Huerta de Soto J.* (1998) *Dinero, crédito bancario y ciclos económicos*, Madrid: Unión Editorial.
- Huerta de Soto J.* (2001) *Estudio Preliminar* alla trad. spagnola di *Mises L.* (1949) *L'Acción Humana*. Madrid: Unión Editorial.
- Jaffè W. J.* (1976) "Menger, Jevons and Walras dehomogenized" // *Economic Inquiry*. No. 14.
- Keynes J. M.* (1930) *A Treatise on Money*. Vol. I: *The Pure Theory of Money*. Macmillan, London.
- Kirzner I. M.* (1973) *Competition & Entrepreneurship*. Chicago: The University of Chicago Press.
- Kirzner I. M.* (1979) *Perception, Opportunity and Profit*. Chicago: The University of Chicago Press.
- Kirzner I. M.* (1985) *Discovery and the Capitalist Process*. Chicago: The University of Chicago Press.
- Kirzner I. M.* (1987) "Austrian School of Economics" // *The New Palgrave: A Dictionary of Economics*, I. Macmillan, London.

- Kirzner I. M.* (1989) *Discovery, Capitalism, and Distributive Justice*. Oxford: Blackwell.
- Kirzner I. M.* (1996) *Essays on capital and interest: An Austrian Perspective*. Aldershot: Edward Elgar.
- Kirzner I. M.* (1998—1999) “Los objetivos de la política antitrust: una crítica” // *Información Comercial Española*. No. 775. Diciembre 1998. Enero 1999.
- Knight E. H.* (1938) “Review of Ludwig von Mises’ *Socialism*” // *Journal of Political Economy*. No. 46. Apr.
- Knight E. H.* (1950) *Introduction* // *Menger* (1971) *Principles of Economics*. Glencoe, Ill.: Free Press.
- Kydland F. E., Prescott E. C.* (1982) “Time to Build and Aggregate Fluctuations” // *Econometrica*. Vol. L.
- Leoni B.* (1995) *Freedom and the Law*. Princeton: Van Nostrand.
- Lugo J. de.* (1642) *Disputationes de iustitia et iure*. Lyon: Sumptibus Petri Prost.
- Lucas R. E.* (1977) *La comprensión de los ciclos económicos* // *Hacienda Pública Española*. No. 99.
- Mariana J. de.* (1768) *Discurso de las enfermedades de la Compañía*. Madrid: Imprenta de D. Gabriel Ramírez, calle de Barriónuevo.
- Mariana J. de.* (1987) *Tratado y discurso sobre la moneda de vellón*. Madrid: Instituto de Estudios Fiscales.
- Mayer H.* (1994) “The Cognitive Value of Functional Theories of Price: Critical and Positive Investigations Concerning the Price Problem” // *Classics in Austrian Economics: A sampling in the History of a Tradition* / I. M. Kirzner (ed.). Vol. II. Chap. XVI. London: William Pickering.
- Menger C.* (1871) *Grundsätze der Volkswirtschaftslehre*. Wien: Wilhelm Braumüller.
- Menger C.* (1883), *Untersuchungen über die Methode der Socialwissenschaften und der Politischen Ökonomie insbesondere*. Leipzig: Dunker & Humblot.
- Menger C.* (1892—1909). *Geld* // *Menger C. Gesammelte Werke*. Bd. IV. Tübingen: J. C. B. Mohr (Paul Siebeck).
- Mirowski P.* (1991) *More heat than light: Economics as Social Physics, Physics as Nature’s Economics*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Mises L. von.* (1920—1921) “Die Wirtschaftsrechnung im sozialistischen Gemeinwesen” // *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*. Bd. XLVII.
- Mises L. von.* (1922) *Die Gemeinwirtschaft: Untersuchungen über den Sozialismus*. Jena: Fischer Verlag.

- Mises L. von.* (1949) *Human Action: A Treatise on Economics*. New Haven: Yale University Press.
- Mises L. von.* (1953) *The Theory of Money and Credit*. New Haven: Yale University Press.
- Mises L. von.* (1957) *Theory and History: An Interpretation of Social and Economic Evolution*. New Haven: Yale University Press.
- Mises L. von.* (1978) *Notes and Recollections*. South Holland, Ill.: Libertarian Press.
- Mises L. von.* (1980) *Planning for Freedom and sixteen other essays and addresses*. South Holland, Ill.: Liberty Press.
- Molina, L. de.* (1991) *Tratado sobre los cambios*. Madrid: Instituto de Estudios Fiscales.
- Novak M.* (1993a) "Two Moral Ideas for Business. The Hayek Memorial Lecture" // *Economic Affairs*. Sept.-Oct. 1993, 7.
- Novak M.* (1993b) *The Catholic Ethic and the Spirit of Capitalism*. Macmillan International, New York: The Free Press.
- Nozick R.* (1974) *Anarchy, State and Utopia*. New York: Basic Books.
- Nuez P. de la.* (1994) *La política de la libertad: estudio del pensamiento político de F. A. Hayek*, Madrid: Union Editorial.
- Oakeshott M.* (1991) *Rationalism in politics and other essays*. Indianapolis: Liberty Press.
- O'Driscoll G. P., Rizzo, M. J.* (1996) *The Economics of Time and Ignorance*. London: Routledge.
- Pareto V.* (1906) *Manuale di economia politica*. Milano: Società Editrice Libreria.
- Polanyi M.* (1959) *The Study of Man*. Chicago: The University of Chicago Press.
- Popesku O.* (1987) *Estudios en la historia del pensamiento económico latinoamericano*. Buenos Aires: Plaza y Janes.
- Robbins L.* (1932) *An Essay on the Nature and Significance of Economic Science*. London: Macmillan.
- Robbins L.* (1971) *Autobiography of an Economist*. London: Macmillan.
- Roover R. de.* (1955) "Scholastic Economics. Survival and Lasting Influence from the Sixteenth Century to Adam Smith" // *Quarterly Journal of Economics*. Vol. LXIX. May.
- Rosen S.* (1997) "Austrian and Neoclassical Economics: Any Gains from Trade?" // *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 11. No. 4.
- Rothbard M. N.* (1962) *Man, Economy and State: A treatise on economic principles*. Princeton: Van Nostrand.
- Rothbard M. N.* (1963) *America's Great Depression*. New York University Press, New York.
- Rothbard M. N.* (1970) *Power and Market*. S. Andrews and McMeel, Kan-

- sas City.
- Rothbard M. N.* (1973), *The Essential von Mises* // *Mises, L. von* (1980).
- Rothbard M. N.* (1982), *The Ethics of Liberty*, Humanities Press, Atlantic Highlands, N. J.
- Rothbard M. N.* (1991), *The end of socialism and the calculation debate revisited*, *The Review of Austrian Economics*. Vol. V. No. 3.
- Rothbard M. N.* (1995) *An Austrian Perspective on the History of Economic Thought*. 2 vols. Cheltenham: E. Elgar.
- Rothbard M. N.* (1997) *The Logic of Action*. 2 vols. Cheltenham: E. Elgar.
- Salas, J. de.* (1617) *Comentarii in secundam secundae D. Thomae de contractibus*. Lyon: Sumptibus Horatij Lardon.
- Salerno J. T.* (1999) "The Place of Mises' *Human Action* in the Development of Modern Economic Thought" // *The Quarterly Journal of Austrian Economics*. Vol. 2. No. 1.
- Salop S.* (1979) "A Model of the natural rate of unemployment" // *American Economic Review*. No. 69.
- Samuelson P. A.* (1947) *Foundations of Economic Analysis*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Saravia de la Calle L.* (1949) *Instrucción de mercaderes*. Colección de joyas bibliográficas, Madrid.
- Schumpeter J. A.* (1908) *Das Wesen und der Hauptinhalt der theoretischen Nationalökonomie*. Leipzig: Duncker & Humblot.
- Shapiro C., Stiglitz J.* (1984) "Equilibrium unemployment as a discipline device" // *American Economic Review*. No. 74.
- Simon J. L.* (1989) *The economic consequences of immigration*. London: Basil Blackwell.
- Simon J. L.* (1994) *The Ultimate Resource*. Princeton: Princeton University Press.
- Skousen M.* (1990) *The structure of production*, New York University Press, New York.
- Skousen M.* (1993) "Who predicted the 1929 Crash?" // *The Meaning of Ludwig von Mises* / J. M. Herbener (ed.). Amsterdam: Kluwer Academic Publishers.
- Stigler G.* (1961) "The economics of information" // *Journal of Political Economy*. June.
- Stiglitz J.* (1994) *Whither Socialism?* Cambridge, Mass.: The M.I.T. Press.
- Thomsen E.* (1992) *Prices and Knowledge: A market process perspective*. London: Routledge.
- Tipler F. J.* (1988) "A liberal utopia" // *Humane Studies Review*. Vol. VI. No. 2.
- Turgot A. R. J.* (1844) *Éloge de Gournay* // *Oeuvres de Turgot*. Vol. I. P. 262—291. Paris: Guillaumin.

- Walras L.* (1965) *Correspondence of Leon Walras and related papers / W. Jaffé (ed.)*. Amsterdam: North Holland, .
- Wieser F. von.* (1911) *Das Wesen und der Hauptinhalt der Theoretischen Nationalökonomie // Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft in Deutschen Reich*. Bd. XXXV. No. 2.
- Yeager L. B.* (1997) "Austrian Economics, Neoclassicism and the market test" // *Journal of Economic Perspectives*. Vol. II. No. 4.

- Бём-Баверк О.* (1909) *Капитал и прибыль. История и критика теорий процента на капитал*. СПб.
- Бём-Баверк О.* (2002) *К завершению марксистской системы // Бём-Баверк О. Критика теории Маркса*. М., Челябинск: Социум.
- Кантillon К.* (2007) *Опыт о природе торговли вообще // Первые экономические системы*. М: ЭКСМО.
- Кирицнер И.* (2007) *Конкуренция и предпринимательство*. Челябинск: Социум.
- Кирицнер И.* (2001) *Конкуренция и предпринимательство*. М.: ЮНИТИ-Дана.
- Леони Б.* (2007) *Свобода и право*. М.: ИРИСЭН.
- Менгер К.* (2005а) *Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности // Менгер К. Избранные работы*. М.: Территория будущего.
- Менгер К.* (2005б) *Основания политической экономии // Менгер К. Избранные работы*. М.: Территория будущего.
- Мизес Л. фон.* (1994) *Социализм: Экономический и социологический анализ*. М.: Catallaxy.
- Мизес Л. фон.* (2000) *Человеческая деятельность: трактат по экономической теории*. М.: Экономика.
- Мизес Л. фон.* (2001) *Теория и история. Интерпретация социально-экономической эволюции*. М.: ЮНИТИ.
- Мизес Л. фон.* (2005) *Человеческая деятельность: трактат по экономической теории*. Челябинск: Социум.
- Мизес Л. фон.* (2007а) *Теория денег и фидуциарных средств обращения*. Челябинск: Социум.
- Мизес Л. фон.* (2007б) *Теория и история. Интерпретация социально-экономической эволюции*. Челябинск: Социум.
- Роббинс Л.* (1993) *Предмет экономической науки // THESIS*. Т. 1. Вып. 1. (Зима 1993). С. 1—23.
- Саймон Дж.* (2005) *Неисчерпаемый ресурс*. Челябинск: Социум.
- Салерно Дж.* (2007) *Трактат Людвиг фон Мизеса «Человеческая деятельность» и его роль в развитии современной экономиче-*

- ской мысли // Австрийская экономическая школа, 1870—2007. Челябинск: Социум.
- Скоузен М. (2005) Кто предсказал крах 1929 года? // Экономический цикл: Анализ австрийской школы. Челябинск: Социум. С. 172—217.
- Стиглер Дж. (1995) Экономическая теория информации // Теория фирмы. СПб.: Экономическая школа. С. 507—529.
- Тюрго А. Р. Ж. (1961) Похвальное слово Венсану де Гурно // Тюрго. Избранные экономические произведения. М.: Соцэкгиз, 1961.
- Уэрта де Сото Х. (2007) Деньги, банки и экономический цикл. Челябинск: Социум.
- Хайек Ф. А. фон. (1989) Конкуренция как процедура открытия // Мировая экономика и международные отношения. 1989. № 12. С. 6—14.
- Хайек Ф. А. фон. (1992) Пагубная самонадеянность: Ошибки социализма. М.: Новости.
- Хайек Ф. А. фон. (2000) Смысл конкуренции // Хайек Ф. А. фон. Индивидуализм и экономический порядок. М.: Изограф; Начала-Фонд, 2000. С. 102—114.
- Хайек Ф. А. фон. (2003) Использование знания в обществе // Хайек Ф. А. фон. Индивидуализм и экономический порядок. М.: Изограф; Начала-Фонд, 2000. С. 89—101.
- Хайек Ф. А. фон. (2003) Контрреволюция науки: Этюды о злоупотреблении разумом. М.: ОГИ.
- Хайек Ф. А. фон. (2003) Экономическая теория и знание // Хайек Ф. А. фон. Индивидуализм и экономический порядок. М.: Изограф; Начала-Фонд, 2000. С. 51—71.
- Хайек Ф. А. фон. (2006) Право, законодательство и свобода. М.: ИРИСЭН.
- Хайек Ф. А. фон. (2007) Цены и производство. Челябинск: Социум.

В Москве все книги издательства «Социум»
всегда можно купить в магазине «Гнозис»:

11⁰⁰-18⁰⁰ Пн-Пт
м. Парк Культуры
Зубовский пр., д. 2, стр. 1
Тел. (495) 246-05-48

Хесус УЭРТА ДЕ СОТО

АВСТРИЙСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ШКОЛА
Рынок и предпринимательское творчество

Художник *Е. В. Ратмирова*
Компьютерная верстка *С. Фонченко*

Подписано в печать 13.09.2008. Формат 84×108 1/32.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Ньютон».
Усл. печ. л. 11,26. Тираж 500 экз. Заказ №

ООО Издательство «Социум»
e-mail: info@sotsium.ru тел. (495) 330-51-98

www.sotsium.ru

В СЕРИИ «АВСТРИЙСКАЯ ШКОЛА»

ВЫШЛИ В СВЕТ

Вып. 3

Л. фон Мизес

Человеческая деятельность: трактат по экономической теории (2008. 878 с.)

Вып. 5

Х. Уэрта де Сото

Деньги, банковский кредит и экономические циклы (2007. 663 с.)

Вып. 21

Х. Уэрта де Сото

Австрийская экономическая школа:
рынок и предпринимательское творчество (2009. 210 с.)

Вып. 22

М. Ротбард

Власть и рынок: государство и экономика (2009. 430 с.)

Вып. 23

И. Кирцнер

Конкуренция и предпринимательство (2009. 288 с.)

Вып. 24

Ф. Хайек

Индивидуализм и экономический порядок (2009. 430 с.)

Вып. 24

М. Ротбард

История денежного обращения и банковского дела в США
(2009. 554 с.)

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ

Вып. 2

О. Бём-Баверк

Позитивная теория капитала

Вып. 4

Л. фон Мизес

Теория денег и фидуциарных средств обращения

Вып. 6

Г. Хьюльсман

Последний рыцарь либерализма:
Биография Л. фон Мизеса (1881—1973)

АВСТРИЙСКАЯ ШКОЛА В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «СОЦИУМ»

Л. фон Мизес

Теория и история: интерпретация социально-экономической эволюции (2007. 392 с.)

Л. фон Мизес

Всемогущее правительство: тотальное государство и тотальная война (2006. 478 с.)

Л. фон Мизес

Либерализм (2007. 344 с.)

Дж. Кэллахан

Экономика для обычных людей: основы австрийской экономической школы (2006. 420 с.)

М. Ротбард

Государство и деньги: как государство завладело денежной системой общества (2008. 212 с.)

М. Ротбард

Показания против Федерального резерва (2003. 183 с.)

Х. Уэрта де Сото

Социализм, экономический расчет и предпринимательская функция (2007. 488 с.)

Ф. Хайек

Цены и производство (2008. 199 с.)

Р. Кубедду

Политическая философия австрийской школы: К. Менгер, Л. Мизес, Ф. Хайек (2008. 406 с.)

Карл Менгер (1840–1921) — основатель австрийской экономической школы. Наряду с Л. Вальрасом и У. С. Джевонсом является одним из творцов «маржиналистской революции» в экономической науке. Разработал субъективистскую теорию ценности, основанную на принципе предельной полезности. В ходе «спора о методах» с представителями немецкой исторической школы отстаивал теоретический характер экономической науки и формально-аналитический метод построения экономической теории. Разработал эволюционную концепцию формирования социальных институтов, в частности денег.

Ойген фон Бём-Баверк (1851–1914) — австрийский экономист и государственный деятель. Трижды был министром финансов Австро-Венгерской империи. В знак признания заслуг Бём-Баверка на посту министра финансов, дважды выведившего страну из инфляционного пика, его портрет был изображен на 100-шиллинговой банкноте. Бём-Баверк внес важный вклад в разработку теорий ценности, капитала и процента.

Людвиг фон Мизес (1881–1973) в трактате «Человеческая деятельность» завершил разработку экономической теории австрийской школы, превратив ее в общую теорию человеческой деятельности праксиологию — теоретическую науку о человеческой деятельности, которую он противопоставил, с одной стороны, естественным наукам, а с другой — истории. Мизес утверждает праксиологию как теоретическую, дедуктивную и априорную науку в противовес описаниям экономической науки как исторической, индуктивной и эмпирической.

Фридрих Хайек (1889–1992) — лауреат Нобелевской премии по экономике 1974 г., присужденной за основополагающие работы по теории денег и экономических колебаний и глубокий анализ взаимозависимости экономических, социальных и институциональных явлений. Хайек был не только блестящим экономистом, но, возможно, величайшим социальным мыслителем XX столетия.

Мюррей Ротбард (1926–1995) — ученик Л. фон Мизеса, американский экономист, историк и философ. Трактат Ротбарда *Man, Economy and State* (1962) сыграл ключевую роль в возрождении австрийской школы после смерти Мизеса. На протяжении 45 лет, написав 25 книг и тысячи статей, он бросал вызов каждой разрушительной тенденции XX в. — социализму, этатизму, релятивизму, scientизму — и пробудил страсть к свободе в тысячах ученых, журналистов и политических активистов.

Израэл Кирцнер (род. 1930) — заслуженный профессор в отставке Нью-Йоркского университета. Один из организаторов возрождения австрийской школы в конце 1970-х — 1990-х гг. В 1955 г. защитил докторскую диссертацию под научным руководством Л. фон Мизеса. Создал школу, реализующую сбалансированную программу разработки теории рыночного равновесия. Работы посвящены экономической теории и экономической этике.

интернет-магазин
OZON.RU

20668477

ozon.ru
800-700-9800